This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

D13
G356
1865
cop.2

Gere, Vladimir Ivanovich
Ocherk razvitiia ...

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ

ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Guerrier

В. ГЕРЬЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.).

R356-312

D13
G356
1865
cop.2

Ger'e, Vladimir Ivanovich
Ocherk razvitiia ...

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ

ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Guerrier
В. ГЕРЬЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.
1865.

R38-312

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ

ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

D13
.G356.

Дозволено цензурой, Москва 10-го декабря 1865 года.

I.

Въ наукахъ точныхъ, гдѣ человѣческій умъ подвигается впередъ вѣрнымъ шагомъ, гдѣ онъ прибавляетъ одну неоспоримую истину къ другой, исторія науки не имѣетъ особенно важнаго педагогическаго значенія и представляетъ интересъ только для спеціалистовъ. Тамъ цѣнятся только вѣрные результаты, прежнія же заблужденія и ложные методы, господствовавшіе нѣкогда въ наукѣ, не могутъ оказать благодѣтельнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе ея. Какую, напримѣръ, пользу для своей науки извлечетъ современный химикъ изъ знакомства съ алхиміей, съ ея странными задачами и еще болѣе странными способами, употреблявшимися для разрѣшенія ихъ?

Но въ наукахъ, изучающихъ дѣятельность человѣческаго духа, нельзя провести рѣзкую грань между истиной и заблужденіемъ. Человѣческому уму свойственно заблуждаться и только среди ошибокъ и колебаній приближаться къ усовершенствованію. Стремленіе къ истинѣ имѣетъ здѣсь часто такое же значеніе въ глазахъ потомства, сколько и самая истина, и заблужденіе столько же поучительно для науки сколько и вѣрный результатъ. Поэтому въ этихъ случаяхъ знакомство съ исторіей науки необходимо для установленія вѣрнаго научнаго метода. Только тотъ кому извѣстны различные пути, по которымъ развивалась его наука, различные методы, которые къ ней примѣнялись, и различныя цѣли и задачи, которыя въ ней преслѣдовались, вполнѣ сознательно опредѣлитъ свое отношеніе къ ней и выяснитъ себѣ свою цѣль.

Для тѣхъ, которые хотятъ заниматься исторіей, особенно важно знакомство съ судьбами этой науки. Изъ этого знакомства они почерпнутъ единственно вѣрный методъ, при

годный для этой науки, то-есть историческій, и ту обширность взгляда, безпристрастность и внимательность къ чужимъ мнѣніямъ и идеямъ, безъ которыхъ не слѣдуетъ приступать къ изученію прошедшаго. То что̀ мы склонны называть ложными взглядами на исторію, никогда не было случайнымъ явленіемъ, и въ самыхъ этихъ заблужденіяхъ мы можемъ найдти разумную связь и послѣдовательность. Каждой эпохѣ въ жизни человѣчества свойственъ особенный взглядъ на исторію; каждая эпоха приступала къ изученію исторіи съ особенными задачами и вопросами; и такъ какъ въ этихъ случаяхъ мѣриломъ истины служитъ внутреннее убѣжденіе, то каждая эпоха удовлетворялась различными отвѣтами. Возьмемъ, напримѣръ, такой фактъ какъ разрушеніе Римской имперіи: сколько онъ вызвалъ различныхъ объясненій и толкованій! Можно было бы составить цѣлую литературу этихъ объясненій, носящихъ на себѣ печать той эпохи, въ которую они возникли. Въ то время когда исторія не была отличаема отъ богословія, разрушеніе Римской имперіи объясняли прямо волею Провидѣнія, которое низвергло ее за пороки и преступленія Римлянъ. Въ XVII вѣкѣ, когда борьба съ остатками феодальнаго порядка вызвала особенную скептическую школу, разрушеніе имперіи и паденіе древней цивилизаціи ставились исключительно въ вину христіанамъ, которые, увлекаясь своими религіозными интересами, совершенно пренебрегали интересами своего земнаго отечества. Въ прошломъ столѣтіи, когда стремленіе къ политической свободѣ заставляло обращать болѣе серіозное вниманіе на государственныя учрежденія и законы, причину паденія Рима стали отыскивать въ недостаткахъ политическихъ учрежденій имперіи. А въ наше время, которое гордится своими успѣхами въ естественныхъ наукахъ, нѣкоторые ученые приписываютъ разрушеніе Римской имперіи и паденіе классической цивилизаціи исключительно неблагоразумнымъ способамъ сельскаго хозяйства и истощенію полей.

Подобно тому какъ каждое архитектурное произведеніе носитъ на себѣ отпечатокъ той эпохи, которая создала его и, напримѣръ, гармоническая колоннада греческаго храма, или стройные своды готическаго собора, или, наконецъ, игривый фасадъ дворца въ стилѣ возрожденія, вызываютъ въ насъ различное чувство и свидѣтельствуютъ намъ о различныхъ потребностяхъ человѣчества въ разные періоды его

существованія, такъ и каждое историческое сочиненіе зависитъ отъ той почвы, которая породила его.

И эта зависимость выражается не только во внѣшней формѣ сочиненія, въ выборѣ задачи, въ практической цѣли, которую преслѣдуетъ историкъ, но и въ томъ что̀ онъ считаетъ мѣриломъ истины. Поэтому, при изложеніи литературы исторіи, должно полагать въ основаніе не тѣ правила, которыми руководствуются въ точныхъ наукахъ, гдѣ всякое научное произведеніе имѣетъ цѣну настолько, насколько оно внесло новыя истины въ общій запасъ человѣческихъ свѣдѣній, но тѣ, которыми руководствуются въ исторіи искусства и въ исторіи литературы. Слѣдовательно, всякое историческое сочиненіе должно разсматривать въ связи съ тою средой, изъ которой оно вышло, объяснять причины вызвавшія его, указывать потребности, которымъ оно удовлетворяло, и то хорошее или дурное вліяніе, которое оно имѣло съ своей стороны; словомъ, историческія произведенія должно прежде всего объяснять съ точки зрѣнія исторической критики.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что историческія сочиненія не вполнѣ совпадаютъ съ произведеніями искусства и изящной литературы. Исторія есть наука и имѣетъ цѣлію изысканіе истины. Правда, субъективный элементъ будетъ всегда играть въ ней важную роль, и притомъ не только тотъ, который вносится личностью историка, но и тотъ, который обусловливается уровнемъ образованія, нравственнымъ состояніемъ, складомъ ума цѣлой эпохи. Но такъ какъ въ исторіи выражается самосознаніе человѣчества, то съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого самосознанія, съ увеличеніемъ историческаго матеріяла и опыта и съ успѣхами остальныхъ наукъ, выводы исторіи будутъ все болѣе и болѣе приближаться къ свойству научныхъ истинъ.

Ясное представленіе о развитіи исторической науки особенно важно для начинающихъ заниматься исторіей. Эта наука едва ли не считается самою общедоступною. Къ изученію ея можно, повидимому, приступить безъ особеннаго приготовленія, и выводы ея кажутся понятными съ перваго раза. Это, съ одной стороны, доставляетъ ей популярность, но съ другой — влечетъ за собою много вредныхъ послѣдствій. Ни объ одномъ предметѣ не высказывается такъ много незрѣлыхъ сужденій, нигдѣ нѣтъ такъ много непризванныхъ дѣятелей, ни въ одной наукѣ учащіеся не смотрятъ такъ [illegible]

дачу, и нигдѣ они не подвержены такой опасности считать себя послѣ непродолжительнаго труда за авторитеты и за спеціалистовъ. Знакомство съ ходомъ развитія исторической науки можетъ лучше всего предохранить отъ этихъ ошибокъ. Кто знаетъ какъ различно понимали въ разное время задачу исторіи, съ какихъ различныхъ сторонъ подступали къ ея изученію, какъ часто злоупотребляли ею ради личныхъ цѣлей и въ интересахъ партій, какіе изъ нея выводили противорѣчащіе результаты, тотъ легко пойметъ, что чѣмъ обширнѣе этотъ предметъ, и чѣмъ легче увлечься въ его изученіи преждевременными заключеніями, тѣмъ серіознѣе должно углубляться въ него и тѣмъ менѣе удовлетворяться достигнутымъ результатомъ.

Понятіе о всеобщей исторіи человѣчества въ первый разъ возникло у Римлянъ. Такъ какъ идея человѣчества для Римлянъ отождествлялась съ представленіемъ о римскомъ мірѣ, orbis romanus, то римская исторія служила имъ канвой, въ которую они вплетали исторію всѣхъ другихъ извѣстныхъ имъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ составилъ свою громадную историческую компиляцію Трогъ Помпей, которая дошла до насъ въ извлеченіи Юстина. Когда восторжествовало въ Римской имперіи христіанство, интересъ къ ея языческому прошедшему очень уменьшился и уступилъ интересу, который чувствовали христіане къ источнику своей религіи, къ Библіи и къ исторіи еврейскаго народа. Евсевій, епископъ кесарійскій, современникъ и біографъ Константина и авторъ первой церковной исторіи, установилъ понятія всеобщей исторіи въ новомъ, болѣе обширномъ смыслѣ.

Евсевій слилъ въ одно цѣлое событія, описанныя языческими историками, съ тѣми, которыя разказаны въ Библіи, и провелъ непрерывную нить исторіи отъ Адама до 330 года. Его сочиненіе не представляло, впрочемъ, связнаго историческаго разказа; это былъ сухой перечень событій въ хронологическомъ порядкѣ, или хронологическій сводъ. Онъ былъ переведенъ на латинскій языкъ Іеронимомъ, который значительно дополнилъ его и довелъ до смерти императора Валента. Іеронимъ, кромѣ того, примѣшилъ къ исторіи пророчества Даніила и разбилъ ее на исторію четырехъ монархій,—Ассирійско-Вавилонской, Мидо-Персидской, Греческой и Римской,—которая должна была продолжаться до страшнаго суда. Это объясненіе Даніилова пророчества было одобрено Августи-

номъ, и съ нѣкоторыми измѣненіями положено его ученикомъ, Орозіемъ, въ основаніе его всеобщей исторіи. Сочиненіе Орозія представляетъ уже связный разказъ, отъ Ноева потопа до завоеванія Вестготами южной Франціи и Испаніи. Но сочиненіе Орозія составлено чрезвычайно легкомысленно и поверхностно и имѣетъ собственно полемическій характеръ. Авторъ имѣлъ въ виду доказать, что язычники ошибаются, когда они приписываютъ христіанству всѣ бѣдствія, постигнувшія Римскую имперію, и что міръ всегда былъ полонъ бѣдствій и несчастій, ниспосланныхъ Богомъ. *

Орозій безъ всякой внутренней необходимости разбилъ свое сочиненіе на семь книгъ, потому что семь считалось священнымъ числомъ. Съ большею обдуманностью воспользовался этимъ числомъ Исидоръ, епископъ севильскій, въ началѣ VII столѣтія. Онъ раздѣлилъ исторію на шесть періодовъ или вѣковъ — saecula, соотвѣтствующихъ шести днямъ творенія. Шестой вѣкъ начинается у него съ Рождества Христова. Когда же наступитъ седьмой вѣкъ, неизвѣстно. „Конецъ того вѣка, въ который мы живемъ, недоступенъ человѣческому изслѣдованію, говоритъ Исидоръ; пусть поэтому всякій размышляетъ о своемъ выходѣ изъ него, ибо когда кто-нибудь отжилъ свой вѣкъ, тогда для него наступилъ конецъ вѣка — quando enim unusquisque de saeculo migrat, tunc illi consummatio saeculi est.“ ** Вотъ въ какомъ видѣ павшій классическій міръ передалъ всеобщую исторію среднимъ вѣкамъ. Юстинъ, Іеронимъ, Орозій и Исидоръ сдѣлались надолго единственными историческими источниками. Изъ нихъ средніе вѣка почерпали историческій матеріялъ и способы его расположенія и изложенія. Въ объясненіи же общаго хода историческихъ событій и причинъ, управляющихъ ими, они руководствовались преимущественно взглядомъ Блаженнаго Августина, изложеннымъ имъ въ сочиненіи: *De Civitate Dei*. Августинъ въ этомъ сочиненіи, замѣчательномъ пламенною силой внутренняго убѣжденія, противопо-

---

* Orosii *Hist. L. I* ed. Havercampi 1738 p. 5. „Nactus enim sum praeteritos dies non solum aeque ut hos graves verum etiam tanto atrocius miseros, quanto longius a remedio verae religionis alienos; ut merito hac scrutatione claruerit, regnasse mortem avidam sanguinis dum ignoratur religio, quae prohiberet a sanguine; ista illucescente, illam constupuisse.“

** Büdinger *Ueber Darstellungen der allgemeinen Geschichte* въ *Hist. Zeitschrift* Зибеля 1862. I.

лагаетъ земнымъ государствамъ исторію царства Божьяго, которое началось уже на землѣ, состоитъ изъ сонма праведныхъ, борется съ царствами земными и, по исчезновеніи послѣднихъ, будетъ вѣчно существовать въ царствѣ небесномъ. Въ этомъ сочиненіи, которое имѣло такое рѣшительное вліяніе на христіанскую догматику и на установленіе общаго христіанскаго міросозерцанія, въ первый разъ ясно и систематически была проведена мысль, что судьбой народовъ и государствъ управляетъ не случай и не счастіе, а Провидѣніе. Въ лицѣ Августина и немногихъ христіанскихъ историковъ своихъ, римскій міръ очнулся отъ своей глубокой политической безнравственности и произнесъ приговоръ надъ самимъ собой. Оставляя въ сторонѣ религіозное значеніе этого взгляда, мы должны указать на его научное значеніе. Христіанское міросозерцаніе вытѣснило представленія древняго міра, которому исторія должна была казаться хаотическимъ, безсмысленнымъ, безотраднымъ процессомъ, и пріучило смотрѣть на нее какъ на стройное, органическое цѣлое, управляемое не только физическими, но и нравственными законами, — какъ на процессъ, имѣющій разумное развитіе и разумную цѣль.

Съ XVI столѣтія вошло въ обычай считать средніе вѣка временемъ глубокаго варварства и несчастнымъ перерывомъ въ исторіи цивилизаціи. И въ наше время это мнѣніе еще находитъ себѣ приверженцевъ. Но при этомъ забываютъ, вопервыхъ, то, въ какомъ искаженномъ и жалкомъ состояніи классическая цивилизація была передана народамъ, разрушившимъ имперію, а вовторыхъ, что эти народы въ то время находились въ томъ возрастѣ своей жизни, когда религія и поэзія служатъ главными выраженіями духовной дѣятельности. Притомъ уровень развитія младенческихъ народовъ, принявшихъ христіанскую религію, былъ до такой степени низокъ, что нужна была работа нѣсколькихъ вѣковъ, чтобъ усвоить ее и согласовать съ нею политическій и нравственный бытъ.

Очень естественно, что въ это время поэзія замѣняла исторію, религія науку. Въ природѣ и въ исторіи для человѣка того времени отражались только тѣ высокія истины, которыя составляли содержаніе его религіи, и онъ обращался къ изученію природы и исторіи для того только чтобы найдти въ нихъ подтвержденіе своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Что касается до изученія природы, то люди среднихъ вѣ-

ковъ долгое время удовлетворялись такъ-называемыми *физіологами* или *бестіаріями*, которые они унаслѣдовали отъ Византійцевъ. Эти физіологи были сборники описаній дѣйствительныхъ и баснословныхъ животныхъ, птицъ и растеній. Во всѣхъ явленіяхъ природы, въ самыхъ обыкновенныхъ, какъ и въ самыхъ баснословныхъ, придуманныхъ пугливою фантазіей и дѣтскимъ легковѣріемъ, люди того времени отыскивали символическій смыслъ или какое-нибудь назидательное примѣненіе. „Всѣ существа, говорили они, которыя сотворилъ Богъ на землѣ, Онъ сотворилъ ради человѣка и ради того чтобъ онъ, глядя на нихъ, утверждался въ вѣрѣ и религіи.“ * Но какъ они это понимали? Обо львѣ разказывалось, что онъ спитъ съ открытыми глазами: это должно было служить примѣромъ человѣку, чтобъ и тотъ постоянно бодрствовалъ въ вѣрѣ. О львицѣ говорили, будто она рождаетъ на свѣтъ мертвыхъ дѣтенышей, которые на третій день оживаютъ: въ этомъ видѣли указаніе на воскресеніе Христа. О муравьѣ разказывали, что онъ по запаху отличаетъ колосья, и раскусываетъ пополамъ собранныя имъ зерна, для того чтобъ они не могли пустить корней. Изъ этого извлекалось слѣдующее назиданіе: такъ и человѣкъ долженъ отличать истинное ученіе отъ ложнаго, и въ объясненіи Ветхаго Завѣта изъ всего извлекать двоякій смыслъ — буквальный и духовный (понимать всякое слово secundum historiam et secundum spiritualem intellectum).

Подобнымъ образомъ и во взглядѣ на исторію преобладаетъ религіозный и поэтическій элементъ. Исторіографія находилась почти исключительно въ рукахъ духовенства и монаховъ, которые, удалившись отъ дѣлъ міра, мрачно смотрѣли на нихъ и практической жизни противополагали жизнь созерцательную, духовную.

Англосаксонскій пресвитеръ Беда, въ началѣ VIII вѣка, составилъ изъ вышеназванныхъ хроникъ свое сочиненіе: *De sex aetatibus mundi* (О шести вѣкахъ міра), въ которомъ онъ довелъ историческую нить событій до 729 года. Сочиненіе Беды было первою всеобщею исторіей послѣ паденія римской цивилизаціи и послужило образцомъ для многихъ подобныхъ трудовъ. Читателямъ этихъ хроникъ постоянно напоминалось, что они живутъ въ послѣднемъ вѣкѣ исторіи, какъ выражается Беда, въ вѣкѣ

* Car totes les creatures, que Dex cria en terre cria il por homme et por prendre essample et de foi en eles et de créance. Martin et Cahier Mélanges Archéologiques.

дряхломъ, которому предстоитъ близкій конецъ: „Aetas decrepita, ipsa totius seculi morte consummanda.“ * Къ исходу перваго тысячелѣтія ожиданія конца міра и страшнаго суда приняли совершенно лихорадочный характеръ. Но и позднѣе противоположность между государствами земными, судьбу которыхъ излагаетъ исторія, и царствомъ небеснымъ постоянно занимала исторіографовъ. Слова, которыми начинаетъ свою хронику Оттонъ, епископъ фрейзингенскій, жившій въ XII столѣтіи, могутъ служить характеристикой средневѣковаго міросозерцанія: „Часто и много размышляя о перемѣнчивости земныхъ дѣлъ, о ихъ непостоянствѣ, разнообразномъ и неправильномъ ходѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что мудрый человѣкъ долженъ не останавливаться на нихъ, но удаляться отъ нихъ. Какой здравомыслящій человѣкъ не согласится, что такъ какъ нельзя остановить быстрое движеніе временъ (temporum mutabilitas), то мудрецъ долженъ отъ нихъ обратить свой взоръ къ неизмѣнному и вѣчному государству. Это — царство Божіе, небесный Іерусалимъ, по которомъ тоскуютъ находящіеся на чужбинѣ сыны Божіи, тяготящіеся смутами земныхъ дѣлъ какъ вавилонскимъ плѣненіемъ. Ибо два существуютъ царства, одно временное, другое вѣчное, одно земное, другое небесное, одно царство сатаны, другое царство Христа.“ **

Поэтому Оттонъ, изложивъ судьбу міра отъ Адама до царствованія Фридриха Барбароссы въ семи книгахъ, въ восьмой описываетъ конецъ міра, пришествіе антихриста, страшный судъ и царство небесное, насколько о немъ могутъ судить люди по тому что̀ о немъ сказано въ Священномъ Писаніи.

Въ письмѣ къ императору Барбароссѣ, своему племяннику, Оттонъ говоритъ, что онъ съ душевною горечью написалъ свою исторію, побужденный къ этому смутами предшествовавшихъ временъ, и какъ въ трагедіи изобразилъ не столько послѣдовательную связь событій, сколько ихъ бѣдственный исходъ. Non tam rerum gestarum seriem, quam earundem miseriam in modum tragoediae texuisse.

Иногда эти обзоры всеобщей исторіи излагаются въ поэтической формѣ и имѣютъ значеніе нравственно-дидактическое. Въ одной риѳмованной хроникѣ, которая излагаетъ исторію римскихъ императоровъ отъ Юлія Цезаря до Конрада III, историческій матеріялъ расположенъ по психологическимъ категоріямъ. Лукреція и Кресченція приведены примѣрами того какъ слѣдуетъ охранять женскую добродѣтель. Образцами борцевъ за христіанство выставлены Карлъ Великій и Готфридъ Бульйонскій, примѣрами тирановъ и изверговъ — Неронъ и Юліанъ.

Историческія личности и сказочные герои имѣли одинаковое значеніе въ глазахъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ. Такъ, напримѣръ, идеалами благородства и рыцарства считались Гекторъ, Александръ Македонскій, Цезарь, Іисусъ Навинъ, Давидъ, Іуда Маккавей, Карлъ Великій, Артуръ и Готфридъ Бульйонскій. Въ доказательство того, что никто не можетъ устоять противъ силы любви, приводили примѣры Аристотеля, Ахиллеса, Тристана, Гектора, Адама и Авессалома.

Поэтическій элементъ отовсюду проникалъ въ исторію, и люди того времени рѣшительно не были въ состояніи отличить историческое событіе отъ поэтическаго вымысла. Не только древнѣйшіе лѣтописцы перелагали въ прозу народныя сказанія, какъ напримѣръ Іорданъ, Дитмаръ, Саксонъ Грамматикъ, но еще италіянскій лѣтописецъ Giovanni Villani прямо называетъ поэтовъ maestri di storie, приписываетъ Виргилію такой же авторитетъ какъ и Ливію и говоритъ, что тотъ, кто хочетъ подробно знать исторію, пусть читаетъ Виргилія, Лукана, Гомера.

Самымъ чуднымъ памятникомъ этой поэтической эпохи было безсмертное произведеніе Данта, въ которомъ исторія, религія, поэзія слились въ одно художественное цѣлое, чтобы потомъ точнѣе разграничить свои особенныя сферы.

Средневѣковый взглядъ на исторію пережилъ тѣ событія, которыя ознаменовали собою начало новаго времени, возрожденіе наукъ и реформацію, и еще долго господствовалъ особенно въ католической Европѣ. Самымъ блестящимъ представителемъ этого взгляда въ новое время былъ Боссюетъ, сочиненіе котораго, *Discours sur l'histoire universelle*, Французы причисляютъ к[illegible]ніямъ своей литературы. Это [illegible] въ всѣ свойст[illegible]

* *Opera Omnia Bedae Venerabilis.* Colon. 1648.
** Ottonis Ep. Frising. ed. Pithoei. Bas. 1569 p. 1.

го вѣка французской литературы, — чрезвычайное изящество рѣчи, ясность и отчетливость мысли, аристократическую изысканность вкуса и извѣстную риторичность, которая такъ цѣнится Французами. Къ этому присоединяется пламенное краснорѣчіе и паѳосъ знаменитаго проповѣдника.

Но насъ непріятно поражаетъ противорѣчіе между формой этого сочиненія и его содержаніемъ. Изящныя фразы, въ которыхъ выражалось утонченное общество Версальскаго двора, употребляются часто на то чтобы высказывать идеи давно отжившей эпохи. То что наивно звучитъ въ безыскусственной латыни средневѣковаго монаха, отзывается какою-то приторностью и высокопарностью въ устахъ образованнаго епископа XVII вѣка, поборника свободы галликанской церкви и фанатическаго притѣснителя французскихъ протестантовъ. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что это сочиненіе Боссюета было написано имъ съ педагогическою цѣлью для своего питомца, наслѣдника французскаго престола и сына гордаго Лудовика XIV. Боссюетъ имѣлъ въ виду извлечь изъ своего историческаго обзора тѣ заключенія, которыя ему казались всего полезнѣе для юнаго преемника самодержавнаго монарха, и вопервыхъ то, что цари, при всемъ своемъ могуществѣ и при всей свободѣ дѣйствій, служатъ только орудіями въ рукахъ Провидѣнія, и что характеръ и образъ дѣйствій монарха, несмотря на лесть современниковъ, представляются потомству въ своемъ истинномъ свѣтѣ. При этомъ Боссюетъ не забывалъ своего положенія какъ епископа католической церкви. Онъ старался убѣдить своего питомца, что главною его обязанностью должно быть попеченіе о благосостояніи церкви, и что лучшая изъ безсмертныхъ заслугъ его отца есть то покровительство, которое онъ оказалъ католичеству.

Эти историческіе уроки — многознаменательный фактъ для исторіи того времени. Въ цѣломъ сочиненіи не говорится ни разу объ обязанностяхъ монарха относительно своего народа, и главнымъ результатомъ, который католическій епископъ сумѣлъ извлечь изъ исторіи человѣчества, былъ совѣтъ, чтобы будущій монархъ продолжалъ драгоцѣнды своего отца. Въ методѣ и расположеніи историческаго матеріяла Боссюетъ не отступаетъ отъ преданія. Сочиненіе его распадается на три части. Первая представляетъ хронологическій сводъ событій древней и священной

исторіи совершенно въ томъ видѣ, какъ это было принято со временъ Евсевія. Такіе факты какъ тираннія Авимелеха и знаменитые подвиги Геркулеса, сына Амфитріонова, подведены вмѣстѣ. Такимъ образомъ хронологическій перечень продолжается до Карла Великаго, которымъ оканчивается, по мнѣнію Боссюета, древняя исторія. Съ Карла Великаго начинается монархія Франкская и славное царствованіе предковъ Лудовика XIV. Придерживаясь стариннаго обычая, Боссюетъ безъ всякой необходимости раздѣляетъ древнюю исторію на семь эпохъ, опредѣляемыхъ слѣдующими событіями: сотвореніемъ міра, потопомъ, призваніемъ Авраама, законодательствомъ Моисея, взятіемъ Трои, царствованіемъ Соломона; послѣдняя эпоха продолжается отъ Рождества Христова до Карла Великаго. Вторая часть сочиненія имѣетъ цѣлью доказать, что въ противоположность государствамъ, которыя постоянно смѣняли другъ друга послѣ не продолжительнаго процвѣтанія, отъ начала міра тянется одна непрерывная нить откровенія. Истинная религія всегда пребывала неизмѣнна: она всегда признавала Бога творцемъ вселенной, а Христа — искупителемъ рода человѣческаго. Ни идолопоклонство и нечестіе, ни преслѣдованіе тирановъ, ни ереси и преступленія отступниковъ, ни продолжительность времени, не были въ состояніи остановить ея развитіе. Въ то время какъ древняя исторія исполнена баснословныхъ разказовъ и противорѣчій, священная исторія представляетъ ясную и вѣрную исторію откровенія. Затѣмъ Боссюетъ излагаетъ исторію еврейскаго народа, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на пророчествахъ, доказываетъ, что они всѣ сбылись, и кончаетъ свой разказъ разрушеніемъ Іерусалима. Въ этой части своего сочиненія онъ иногда возвышается до истиннаго краснорѣчія. „Какое утѣшеніе, восклицаетъ онъ, для истинно вѣрующихъ, какое подтвержденіе ихъ вѣры, когда они видятъ, что отъ Иннокентія XI; который съ такимъ достоинствомъ занимаетъ въ настоящее время первый престолъ церкви, можно въ исторіи подняться безъ перерыва до Св. Петра, поставленнаго Іисусомъ Христомъ во главѣ апостоловъ, а отъ него до Аарона и Моисея, до патріарховъ и до сотворенія міра! Какое преемство, какое преданіе, какое чудесное сцѣпленіе! Если нашъ духъ, шаткій по своей природѣ и вслѣдствіе этой шаткости игрушка своихъ собственныхъ разсужденій, нуждается въ вѣрномъ руководителѣ, то

онъ можетъ найдти высшій авторитетъ чѣмъ католическая церковь, которая вмѣщаетъ въ себѣ весь авторитетъ прошедшихъ вѣковъ и древнѣйшія преданія человѣческаго рода отъ самаго его начала?"

Въ третьей части Боссюетъ излагаетъ судьбу великихъ монархій, которыя слѣдовали одна за другою на историческомъ поприщѣ. Ключъ къ ихъ исторіи въ томъ, что всѣ онѣ послужили разными средствами къ пользѣ религіи. Всѣ онѣ группируются около еврейскаго народа и стоятъ въ необходимой связи съ его исторіей. Ассиріяне и Вавилоняне служили Богу орудіемъ для наказанія еврейскаго народа, Персы для возстановленія его, Александръ и его первые преемники нужны были чтобъ охранять его, Антіохъ и его преемники — чтобы подвергнуть его испытанію, Римляне—чтобы защищать Евреевъ противъ сирійскихъ царей. Еврейскій народъ продолжалъ свое существованіе подъ покровительствомъ Римлянъ до пришествія Іисуса Христа; но когда Евреи не признали Его, а распяли, тогда тѣ же Римляне безсознательно послужили Провидѣнію орудіемъ, для того чтобъ истребить неблагодарный народъ. Господь избралъ себѣ новый народъ, состоявшій изъ всѣхъ народовъ земнаго шара, и соединилъ поэтому подъ владычествомъ Римлянъ всѣ земли и моря. Римская имперія въ рукахъ Провидѣнія была однимъ изъ главныхъ средствъ для распространенія христіанства. Судьба всѣхъ древнихъ монархій, а равно и Римской имперіи, была предсказана въ пророчествахъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ.

„Изъ исторіи этихъ народовъ, продолжалъ Боссюетъ, можно видѣть, что Богъ создаетъ государства и даетъ ихъ тому кому хочетъ, и что они служатъ Его цѣлямъ по предназначенному Имъ плану. Хочетъ ли Онъ сдѣлать завоевателей, страхъ предшествуетъ имъ и внушаетъ ихъ воинамъ непобѣдимую смѣлость. Хочетъ Онъ создать законодателей, Онъ ниспосылаетъ имъ мудрость и предусмотрительность. Когда Онъ хочетъ погубить какой-нибудь народъ, Онъ ослѣпляетъ его и предоставляетъ его собственному его безразсудству. Такимъ образомъ Господь управляетъ народами: на землѣ нѣтъ случая, нѣтъ счастія. То что мы въ нашемъ невѣдѣніи называемъ случаемъ, вытекаетъ изъ всевышняго плана, въ которомъ опредѣлены и причина, и послѣдствія. Но въ то же время Господь установилъ въ человѣческихъ дѣлахъ извѣстный порядокъ, то-есть люди и народы одарены Имъ качествами соотвѣтствующими

ихъ назначенію, а за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, гдѣ Господь желалъ прямо выказать свою волю, на землѣ не было ни одного важнаго переворота, который не имѣлъ бы своихъ причинъ въ предшествовавшихъ вѣкахъ."

Здѣсь было бы мѣсто указать дѣйствительныя причины описанныхъ имъ переворотовъ, но эта часть у Боссюета чрезвычайно слаба, и напримѣръ, для трагическаго исхода Римской имперіи онъ не находитъ лучшаго объясненія какъ то, что Римляне чрезмѣрно любили свободу.

Всеобщее духовное возрожденіе западно-европейскаго общества въ началѣ XVI вѣка имѣло также благодѣтельное вліяніе на исторію. Оно освободило ее отъ наивно-элегическаго взгляда средневѣковыхъ лѣтописцевъ и внесло въ нее бо́льшій реализмъ и болѣе зрѣлое, серіозное пониманіе ея событій. Двѣ причины особенно содѣйствовали этому — ближайшее знакомство съ историческими произведеніями классическаго міра и развитіе болѣе зрѣлой политической жизни въ европейскихъ государствахъ. Историческія произведенія Римлянъ были извѣстны также средневѣковымъ лѣтописцамъ, и послѣдніе изъ всѣхъ своихъ силъ старались подражать имъ. Уже біографъ Карла Великаго, Егингардъ, считаетъ Светонія своимъ образцемъ, и въ рѣдкомъ изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ нельзя встрѣтить цѣлыхъ фразъ или оборотовъ мысли, заимствованныхъ у какого-нибудь латинскаго писателя. Эти чужія украшенія звучатъ довольно странно среди своеобразной латыни, выработанной средними вѣками. Усвоеніемъ внѣшнихъ пріемовъ и подражаніемъ слогу древнихъ писателей ограничивалось дѣло. Уровень развитія средневѣковаго общества былъ недовольно высокъ чтобы проникнуть глубже въ классическій міръ. Это однако измѣнилось къ концу XV вѣка. Въ это время европейскія государства оканчивали задачу, надъ разрѣшеніемъ которой они трудились въ теченіе среднихъ вѣковъ: феодальный порядокъ былъ побѣжденъ, идея государства выяснилась, и молодыя, только-что окрѣпшія государства стали стремиться къ расширенію своихъ предѣловъ, къ преобладанію другъ надъ другомъ. Отсюда понятно, что къ одушевленію, съ которымъ сталъ изучаться классическій міръ въ эпоху возрожденія, присоединился чисто-практическій интересъ—желаніе почерпнуть изъ него правила политической мудрости.

Никто не олицетворилъ въ себѣ такъ ясно эти два свойства

онъ можетъ найдти высшій авторитетъ чѣмъ католическая церковь, которая вмѣщаетъ въ себѣ весь авторитетъ прошедшихъ вѣковъ и древнѣйшія преданія человѣческаго рода отъ самаго его начала?"

Въ третьей части Боссюетъ излагаетъ судьбу великихъ монархій, которыя слѣдовали одна за другою на историческомъ поприщѣ. Ключъ къ ихъ исторіи въ томъ, что всѣ онѣ послужили разными средствами къ пользѣ религіи. Всѣ онѣ группируются около еврейскаго народа и стоятъ въ необходимой связи съ его исторіей. Ассиріяне и Вавилоняне служили Богу орудіемъ для наказанія еврейскаго народа, Персы для возстановленія его, Александръ и его первые преемники нужны были чтобъ охранять его, Антіохъ и его преемники — чтобы подвергнуть его испытанію, Римляне—чтобы защищать Евреевъ противъ сирійскихъ царей. Еврейскій народъ продолжалъ свое существованіе подъ покровительствомъ Римлянъ до пришествія Іисуса Христа; но когда Евреи не признали Его, а распяли, тогда тѣ же Римляне безсознательно послужили Провидѣнію орудіемъ, для того чтобъ истребить неблагодарный народъ. Господь избралъ себѣ новый народъ, состоявшій изъ всѣхъ народовъ земнаго шара, и соединилъ поэтому подъ владычествомъ Римлянъ всѣ земли и моря. Римская имперія въ рукахъ Провидѣнія была однимъ изъ главныхъ средствъ для распространенія христіанства. Судьба всѣхъ древнихъ монархій, а равно и Римской имперіи, была предсказана въ пророчествахъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ.

„Изъ исторіи этихъ народовъ, продолжалъ Боссюетъ, можно видѣть, что Богъ создаетъ государства и даетъ ихъ тому кому хочетъ, и что они служатъ Его цѣлямъ по предназначенному Имъ плану. Хочетъ ли Онъ сдѣлать завоевателей, страхъ предшествуетъ имъ и внушаетъ ихъ воинамъ непобѣдимую смѣлость. Хочетъ Онъ создать законодателей, Онъ ниспосылаетъ имъ мудрость и предусмотрительность. Когда Онъ хочетъ погубить какой-нибудь народъ, Онъ ослѣпляетъ его и предоставляетъ его собственному его безразсудству. Такимъ образомъ Господь управляетъ народами: на землѣ нѣтъ случая, нѣтъ счастія. То что̀ мы въ нашемъ невѣдѣніи называемъ случаемъ, вытекаетъ изъ всевышняго плана, въ которомъ опредѣлены и причина, и послѣдствія. Но въ то же время Господь установилъ въ человѣческихъ дѣлахъ извѣстный порядокъ, то-есть люди и народы одарены Имъ качествами соотвѣтствующими

ихъ назначенію, а за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, гдѣ Господь желалъ прямо выказать свою волю, на землѣ не было ни одного важнаго переворота, который не имѣлъ бы своихъ причинъ въ предшествовавшихъ вѣкахъ."

Здѣсь было бы мѣсто указать дѣйствительныя причины описанныхъ имъ переворотовъ, но эта часть у Боссюета чрезвычайно слаба, и напримѣръ, для трагическаго исхода Римской имперіи онъ не находитъ лучшаго объясненія какъ то, что Римляне чрезмѣрно любили свободу.

Всеобщее духовное возрожденіе западно-европейскаго общества въ началѣ XVI вѣка имѣло также благодѣтельное вліяніе на исторію. Оно освободило ее отъ наивно-элегическаго взгляда средневѣковыхъ лѣтописцевъ и внесло въ нее бо́льшій реализмъ и болѣе зрѣлое, серіозное пониманіе ея событій. Двѣ причины особенно содѣйствовали этому — ближайшее знакомство съ историческими произведеніями классическаго міра и развитіе болѣе зрѣлой политической жизни въ европейскихъ государствахъ. Историческія произведенія Римлянъ были извѣстны также средневѣковымъ лѣтописцамъ, и послѣдніе изъ всѣхъ своихъ силъ старались подражать имъ. Уже біографъ Карла Великаго, Егингардъ, считаетъ Светонія своимъ образцемъ, и въ рѣдкомъ изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ нельзя встрѣтить цѣлыхъ фразъ или оборотовъ мысли, заимствованныхъ у какого-нибудь латинскаго писателя. Эти чужія украшенія звучатъ довольно странно среди своеобразной латыни, выработанной средними вѣками. Усвоеніемъ внѣшнихъ пріемовъ и подражаніемъ слогу древнихъ писателей ограничивалось дѣло. Уровень развитія средневѣковаго общества былъ недовольно высокъ чтобы проникнуть глубже въ классическій міръ. Это однако измѣнилось къ концу XV вѣка. Въ это время европейскія государства оканчивали задачу, надъ разрѣшеніемъ которой они трудились въ теченіе среднихъ вѣковъ: феодальный порядокъ былъ побѣжденъ, идея государства выяснилась, и молодыя, только-что окрѣпшія государства стали стремиться къ расширенію своихъ предѣловъ, къ преобладанію другъ надъ другомъ. Отсюда понятно, что къ одушевленію, съ которымъ сталъ изучаться классическій міръ въ эпоху возрожденія, присоединился чисто-практическій интересъ—желаніе почерпнуть изъ него правила политической мудрости.

Никто не олицетворилъ въ себѣ такъ ясно эти два свойства

разсматриваемой эпохи, — восторженное изученіе древняго міра и желаніе извлечь изъ его исторіи практическую пользу.— какъ знаменитый италіанскій политикъ XVI вѣка, Николай Макіавелли. Страсть къ политической дѣятельности поглащала всю жизнь Макіавелли. Когда господство Медичеевъ лишило его доступа къ публичнымъ должностямъ, онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, тосковалъ и искалъ себѣ утѣшенія въ литературѣ и политической теоріи. Всѣ главныя сочиненія его проникнуты этимъ практическимъ направленіемъ, для котораго наука и теорія только средства къ достиженію практическихъ цѣлей. Въ этомъ духѣ написана его Флорентинская исторія. Его знаменитое сочиненіе, *Il Principe*, должно было служить политическимъ руководствомъ для государей. Особеннымъ же доказательствомъ практическаго склада ума Макіавелли могутъ быть признаны его *Разсужденія о первой декадѣ Тита Ливія*. Цѣль этого сочиненія заключается въ томъ, чтобъ извлечь изъ исторіи Рима какъ можно болѣе практическихъ совѣтовъ и правилъ политической мудрости. „Я не могу не удивляться и не скорбѣть, — такъ начинаетъ онъ эти *Разсужденія*, — когда вижу, какимъ уваженіемъ пользуется древность, и какъ часто (оставляя въ сторонѣ многіе другіе примѣры) обломокъ древней статуи покупается за большую цѣну, для того чтобъ имѣть его при себѣ, украшать имъ свой домъ, дать возможность подражать ему тѣмъ, которые посвятили себя искусству, и какъ потомъ эти послѣдніе стараются всѣми силами воспользоваться имъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, и когда я вижу, съ другой стороны, какъ самые доблестные подвиги, которые, какъ показываетъ намъ исторія, совершены государствами и древними республиками, царями, предводителями, гражданами, законодателями и другими людьми, повестими много трудовъ на пользу своего отечества, — служатъ болѣе предметомъ удивленія чѣмъ подражанія, и что даже всякій избѣгаетъ ихъ, такъ какъ отъ древней доблести не осталось никакого слѣда. Особенно же становится это прискорбнымъ, когда я вижу что въ тяжбахъ, которыя происходятъ между гражданами, и въ болѣзняхъ, которымъ подвергаются люди, постоянно прибѣгаютъ къ тѣмъ рѣшеніямъ и къ тѣмъ лѣкарствамъ, которыя уже опредѣлены и указаны древними; во всемъ же что̀ касается до устройства республикъ, до поддержанія государства или управленія его, что касается до

устройства войска, до образа веденія войны, до суда и расправы надъ подданными, до средствъ увеличить государственную власть, — нѣтъ ни государя, ни республики, ни предводителя, ни гражданина, которые брали бы примѣръ съ древнихъ. И я думаю, что это происходитъ не столько отъ слабости, въ которую повергъ міръ теперешній способъ воспитанія, и отъ того зла, которое причинила честолюбивая праздность многимъ странамъ и городамъ христіанскимъ, сколько отъ того что ни у кого нѣтъ истиннаго пониманія исторіи, чтобы при чтеніи ея постигать смыслъ и духъ историческихъ событій, gustare quel sapore delle istorie, che le hanno in se. Отсюда происходитъ, что большинство читателей находятъ удовольствіе въ разнообразіи тѣхъ случаевъ, о которыхъ повѣствуетъ исторія, и не думаютъ о подражаніи имъ, считая подражаніе не только труднымъ, но и невозможнымъ, какъ будто небо, солнце, стихіи, люди, измѣнились въ своемъ движеніи, въ своей природѣ и въ своемъ могуществѣ, противъ того чѣмъ они были прежде. Желая сколько-нибудь извлечь людей изъ этого заблужденія, я рѣшился написать о книгахъ Тита Ливія все что̀, по характеру событій древняго и новаго времени, я сочту нужнымъ для лучшаго уразумѣнія ихъ, такъ что тѣ, которые будутъ читать мои *Разсужденія*, могли бы извлечь изъ нихъ ту пользу, изъ-за которой слѣдуетъ стремиться къ знанію исторіи.“

Въ 39 главѣ Макіавелли объясняетъ, что на свѣтѣ происходятъ все одни и тѣ же бѣдствія, потому что люди не умѣютъ пользоваться уроками прошедшаго. „Тому, говоритъ онъ, кто вдумывается въ событія настоящаго и прошедшаго, легко убѣдиться, что во всѣхъ государствахъ и у всѣхъ народовъ встрѣчаются одни и тѣ же стремленія и одни и тѣ же свойства, и что они всегда у нихъ существовали, такъ что тому, кто внимательно изучаетъ событія прошедшаго, легко предвидѣть въ каждомъ государствѣ будущее и прилагать тѣ средства, которыми пользовались древніе, а если онъ не находитъ таковыхъ, то придумать новыя, пользуясь сходствомъ случаевъ. Но такъ какъ эти соображенія пренебрегаются тѣми кто занимается исторіей, или непонятны для нихъ, а если и понятны, то остаются неизвѣстными тѣмъ кто управляетъ государствами, то отсюда слѣдуе[illegible] что во всякое время происходятъ одни и тѣ же бѣд[illegible] Макіавелли считалъ тѣмъ болѣе [illegible]

настоящему уроки прошедшаго, что онъ не признавалъ въ исторіи никакой перемѣны къ лучшему, никакого прогресса. Очень естественно, что человѣкъ, такъ мало разборчивый въ указаніи средствъ, если только они оправдывались цѣлью, былъ пессимистомъ въ исторіи. Макіавелли совѣтуетъ законодателямъ и правителямъ всегда предполагать, что люди склонны къ дурному, и что они могутъ быть удержаны на пути добродѣтели только хорошими учрежденіями и законами. Поэтому-то такъ и важны уроки исторіи. „Я думаю, говоритъ Макіавелли во второй книгѣ *Разсужденій*, что міръ всегда находился въ одномъ и томъ же положеніи, и что въ немъ всегда было столько же хорошаго сколько дурнаго. Только это хорошее и это дурное распредѣлялись различно по различнымъ странамъ. Это видно изъ исторіи древнихъ государствъ, которыя, измѣняясь въ обычаяхъ, смѣняли другъ друга; но міръ въ это время все оставался въ одномъ и томъ же положеніи, съ тою только разницей, что сначала отличалась доблестью Ассирія, потомъ Мидія, потомъ Персія, наконецъ она перешла въ Италію и къ Риму. Хотя послѣ Римской имперіи не возникало другаго государства, могущество котораго было бы продолжительно и доблесть не сосредоточивалась въ одномъ мѣстѣ, за то мы встрѣчаемъ ее у разныхъ народовъ, въ государствѣ Франковъ, у Турокъ, въ царствѣ султана, а въ настоящее время между народами Германіи, и только тотъ, кто родился въ Италіи или въ Греціи и не сдѣлался въ Италіи иностранцемъ (oltramontano), а въ Греціи Туркомъ, имѣетъ причину хулить свое время и восхвалять прошедшее. Еслибы доблесть, которая прежде господствовала, и пороки, которые господствуютъ теперь, не бросались въ глаза ярче солнечнаго свѣта, я говорилъ бы съ большею сдержанностью. Но такъ какъ дѣла ясны для всѣхъ, то я буду говорить откровенно все что̀ я думаю о прошедшемъ и настоящемъ времени, для того чтобъ юноши, которые будутъ читать мои сочиненія, могли избѣгать примѣровъ настоящаго и подражать прошедшему всякій разъ когда имъ на то представится случай. Честный человѣкъ обязанъ передавать другимъ то чего, по небла[illegible] опріятности времени или судьбы, онъ не могъ совершить, для того чтобъ изъ числа многихъ способныхъ одинъ какой-нибудь любимецъ неба достигъ того чего онъ не могъ достигнуть."

Этотъ практическій взглядъ на исторію господствовалъ

очень долго. Онъ находилъ себѣ поддержку въ сочиненіяхъ классическихъ писателей, которые всѣ болѣе или менѣе придерживались этого взгляда. Такъ какъ древніе историки обращали вниманіе только на политическую жизнь народовъ, то исторія была для нихъ великою наставницей, руководительницей въ политической жизни, magistra vitae. Діонисій Галикарнасскій называетъ ее философіей, которая наставляетъ посредствомъ примѣровъ.

Въ XVIII вѣкѣ этотъ утилитарный взглядъ на исторію нашелъ себѣ особенно талантливаго и блестящаго представителя въ лордѣ Болингброкѣ, извѣстномъ министрѣ королевы Анны. Болингброкъ жилъ въ то время, когда уже началось литературное сближеніе между Англіей и Франціей, которое имѣло такія важныя послѣдствія особенно для послѣдней. Проводниками этого сближенія служили аристократическіе салоны, въ которыхъ сосредоточивалось все что̀ щеголяло умомъ, свѣтскимъ образованіемъ и остроуміемъ. Болингброкъ жилъ два раза въ Парижѣ: въ первый разъ онъ ѣздилъ туда для переговоровъ, окончившихся Утрехтскимъ миромъ; во второй разъ онъ провелъ тамъ довольно много времени въ изгнаніи, при дворѣ претендента. Онъ былъ почетнымъ гостемъ въ парижскихъ салонахъ, и вліяніе ихъ отразилось на духѣ его сочиненій. Во Франціи было написано имъ то сочиненіе, которое преимущественно занимаетъ насъ,— *Письма объ изученіи и пользѣ исторіи.*

Болингброкъ раздѣляетъ всѣхъ занимающихся исторіей на три разряда. Къ первому принадлежатъ тѣ, которые занимаются ею ради удовольствія и для того чтобы щеголять своимъ образованіемъ въ обществѣ; ко второму разряду Болингброкъ причисляетъ тѣхъ, которые изучаютъ исторію чтобъ облегчить другимъ знакомство съ нею, то-есть — ученыхъ. Болингброкъ съ ироніей говоритъ о глубокой учености этихъ людей и отзывается о нихъ съ большимъ презрѣніемъ, несмотря на то что упоминает[illegible] при этомъ имена Скалигера, Бокарта, П[illegible]ція этого
нужно вспомнить, [illegible]
ковъ былъ до[illegible]
рать и сор[illegible]
его хро[illegible]
безъ [illegible]

другихъ. Тонкій историческій тактъ Болингброка оскорблялся этимъ отсутствіемъ критическаго смысла, и хотя осмѣянные имъ труженики не заслуживаютъ его презрѣнія, ибо на ихъ плечахъ стоитъ вся теперешняя наука, но скептицизмъ Болингброка и его рѣзкія выходки противъ тѣхъ, которые продолжали приводить въ согласіе хронологію Ветхаго Завѣта съ хронологіей Манетона, Бероза и съ извѣстіями греческихъ поэтовъ о Троянской войнѣ и походѣ Аргонавтовъ, освѣжительно подѣйствовали на его современниковъ и подготовили болѣе высокое понятіе о задачѣ исторіи.

Къ третьему разряду принадлежатъ тѣ, которые умѣютъ настоящимъ образомъ пользоваться исторіей. Природа вселила въ насъ любопытство, чтобы понуждать насъ къ развитію, но это развитіе должно имѣть своею цѣлью не праздную утонченность, а постоянное нравственное улучшеніе. Исторія содѣйствуетъ этому своими примѣрами. Три условія необходимы для усовершенствованія человѣка — умъ, опытъ и знаніе. Геній безъ опытности и знанія не болѣе какъ блестящій метеоръ, неправильный въ своихъ движеніяхъ, опасный при сближеніи и способный только къ разрушенію. Тѣ, которые обладаютъ практическою опытностью и не знаютъ исторіи, только на половину развиты; а тѣ, которые учены въ исторіи и не имѣютъ практической опытности, хуже невѣждъ: они всегда смѣшны, а иногда, кромѣ того, задорны и запальчивы.

Исторія дѣлаетъ человѣка способнымъ къ пониманію уроковъ собственнаго опыта. Исторія спасаетъ отъ народнаго тщеславія; съ другой стороны, она усиливаетъ патріотизмъ и дѣлаетъ его прочнѣе чѣмъ всѣ декламаціи ораторовъ, пѣсни поэтовъ и сухія наставленія философовъ. Приговоръ исторіи подобенъ суду Египтянъ надъ умершими. Онъ произносится слишкомъ поздно, чтобъ исправлять или вознаграждать, но своими примѣрами можетъ служить къ общему наставленію.

Тѣ, которые оспариваютъ вліяніе исторіи, ошибаются столько же сколько тѣ, которые не признаютъ силы воспитанія. Воспитаніе заключается въ томъ, чтобы посредствомъ наставленій и примѣровъ, съ помощью разума и авторитета, пріучать людей подчиняться извѣстнымъ правиламъ. Еслибъ Александръ былъ воспитанъ въ строгости римскихъ нравовъ, онъ не жегъ бы Персеполя, чтобъ угодить гетерѣ; а если-

бы Сципіонъ былъ воспитанъ Олимпіадой, онъ не отдалъ бы плѣнной Испанки. Уваженіе къ потомству, къ которому пріучаетъ насъ исторія, имѣетъ сильное вліяніе. Если уроки исторіи остаются безъ вліянія на насъ, то это не вина исторіи. Исторія—своего рода философія, и ее нужно изучать съ философскимъ методомъ. Локкъ совѣтуетъ учить всѣхъ геометріи на томъ основаніи, что она развиваетъ логическія способности; подобнымъ образомъ исторія пріучаетъ насъ къ наблюдательности и приспособляетъ къ общественной дѣятельности. Изъ всего этого видно, что Болингброкъ, какъ и Макіавелли, смотрѣлъ на исторію съ точки зрѣнія государственнаго человѣка, и въ числѣ своихъ читателей имѣлъ особенно въ виду политическихъ дѣятелей. Самъ онъ не отличался особенною ученостью и впадалъ въ странныя ошибки. Онъ превозносилъ римскую исторію на счетъ греческой, сравнивалъ историка Давилу * съ Ливіемъ и ставилъ Гвиччардини выше Ѳукидида. Тѣмъ не менѣе, его *Письма объ исторіи* имѣли благодѣтельное вліяніе на развитіе историческаго вкуса и интереса. Историческія сочиненія Вольтера, которыя для насъ имѣютъ значеніе историческихъ романовъ, но которыя обозначаютъ собою большой прогрессъ въ исторіографіи, вышли изъ той же школы, во главѣ которой стоялъ Болингброкъ, и дѣятельность этого талантливаго человѣка подготовила общество къ болѣе высокому пониманію исторіи, которое сдѣлало возможнымъ появленіе историческихъ трудовъ Юма и Гиббона.

Если практическая жизнь до такой степени видоизмѣнила взглядъ на исторію, то не менѣе вліянія имѣла на нее политическая теорія, то-есть развитіе юридическихъ и политическихъ наукъ, въ свою очередь находящихся въ тѣсной зависимости отъ исторической науки. Эта зависимость доказывается всею исторіей юридическихъ и политическихъ наукъ, и указать на нее считаемъ не лишнимъ особенно потому что недавно юридическій факультетъ Московскаго университета исключилъ изъ числа своихъ предметовъ преподаваніе всеобщей и русской исторіи, и этимъ какъ бы далъ право своимъ питомцамъ заключить, что можно получить хорошее юридическое образованіе и безъ изученія исторіи. Мы

* Венеціанецъ Давила (1576—1631) авторъ исторіи [illegible] во Франціи.

знаемъ что безплодная дѣятельность комментаторовъ римскаго права прекратилась только тогда, когда болѣе близкое знакомство съ римскою исторіей дало возможность знаменитымъ французскимъ юристамъ XVI столѣтія смотрѣть на римское право какъ на историческое явленіе и объяснять его въ связи съ цѣлою исторіей римскаго народа. Далѣе, всѣ эти теоріи о естественномъ правѣ, о происхожденіи царской власти отъ патріаршей власти данной Адаму въ раю, о возникновеніи государства изъ договора, — которыя имѣли такія важныя практическія послѣдствія, — могли возникнуть только въ то время, когда историческая наука лежала въ пеленкахъ, и должны были исчезнуть, какъ скоро водворился въ ней основательный критическій методъ. А въ нашемъ столѣтіи развѣ юридическая наука не обязана главными своими успѣхами той школѣ, которая обозначаетъ себя названіемъ исторической? Корифеи этой школы — Гуго, Савиньи, Эйхгорнъ—составляютъ столько же гордость исторической науки, сколько и юридической. Тамъ, гдѣ воспитаніе юристовъ не проходитъ черезъ строгую классическую и историческую школу, неизбѣжно возникаютъ незрѣлыя фантастическія теоріи, которыя противорѣчатъ исторіи и составляютъ только препятствіе на пути грядущихъ поколѣній. Эта школа особенно важна тамъ, гдѣ первоначальное воспитаніе, вслѣдствіе постоянныхъ колебаній въ принципѣ, такъ поверхностно и шатко. Но возвратимся къ опредѣленію вліянія юридической науки на исторію.

Такъ какъ главнымъ выраженіемъ исторической жизни народовъ служитъ государство, то для успѣховъ исторической науки было необходимо, чтобъ установились болѣе вѣрныя понятія о характерѣ и значеніи государства чѣмъ тѣ, которыми руководствовались средніе вѣка. Въ этомъ отношеніи особенно важны заслуги французскаго юриста XVI вѣка, Жана Бодена. Онъ полагаетъ, что государство переживаетъ извѣстные фазисы, и что судьба его управляется извѣстными законами. Эта мысль была не чужда и Макіавелли. Послѣдній полагалъ, что государство возникаетъ вслѣдствіе того что самый храбрый или мудрый избирается правителемъ. Изъ этого образуется наслѣдственная монархія, которая вслѣдствіе личныхъ пороковъ правителей переходитъ въ тираніи. Тиранія находитъ себѣ сопротивленіе въ тѣхъ гражданахъ, которые пользуются особеннымъ богатствомъ и значеніемъ, ниспровергается ими и на мѣсто ея утверждается аристократія. Аристократія перерождается въ олигархію, и народная масса, оскорбленная олигархами, свергаетъ ихъ и устанавливаетъ демократическій образъ правленія. Нѣсколько времени держится и демократія, но потомъ она переходитъ въ анархію, и необходимость заставляетъ опять прибѣгнуть къ монархіи. Въ такомъ круговратномъ движеніи проходитъ исторія государствъ.

Боденъ не придерживался такого фатализма. Хотя и онъ считаетъ вышеприведенный переходъ самымъ естественнымъ, съ тою только разницей, что тиранія, по его взгляду, можетъ также перейдти въ монархію ограниченную законами, но онъ допускаетъ бо́льшую свободу въ переходѣ отъ одного образа правленія къ другому. Всѣ государства, по мнѣнію Бодена, подлежатъ разрушенію. Судьба государствъ зависитъ отъ Господа, воля котораго неизвѣстна людямъ, но на эту судьбу имѣютъ вліяніе и законы природы. Подобно тому какъ жизнь человѣка зависитъ отъ законовъ природы, и всѣмъ людямъ предстоитъ смерть, врачъ, однако, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ сломить болѣзнь и продлить жизнь, такъ и государственный человѣкъ можетъ поддержать здоровье государственнаго организма и продлить его жизнь.* Во время Бодена астрологія имѣла еще сильное вліяніе на самые глубокомысленные умы, и Боденъ полагаетъ, что какъ судьба отдѣльныхъ людей, такъ и судьба государствъ въ зависимости отъ законовъ управляющихъ движеніями звѣздъ. Онъ считаетъ возможнымъ изъ астрологическихъ наблюденій вывести основной законъ, управляющій судьбою государствъ, но считаетъ необходимымъ, чтобы при этомъ было обращено вниманіе на исторію всѣхъ существовавшихъ когда-либо государствъ, и чтобъ эти астрологическія наблюденія производились въ теченіе тысячелѣтій. Онъ даже полагаетъ, что среднюю жизнь государствъ можно опредѣлить въ 496 лѣтъ. Намъ эти послѣдніе отблески средневѣковой каббалистики не должны казаться смѣшными. Въ основаніи ея заключается темное сознаніе, что судьбой людей и исторіей человѣчества управляютъ не слѣпой случай и произволъ, а разумныя начала, которыя вездѣ одинаково раскрываются въ мірѣ, и вникнуть въ которыя состав-

* Баумгаръ: Geschichte der Allgemeinen Staatsrechte. 1864 г.

ляетъ потребность глубоко врожденную человѣческой природѣ.

Боденъ, однако, не ограничивался сухою схематизаціей въ опредѣленіи судьбы государствъ; онъ сознавалъ разнообразіе условій, представляемое дѣйствительною исторіей, и первый обратилъ серіозное вниманіе на вліяніе климата, почвы, мѣстности и народнаго характера. Онъ раздѣляетъ народы на три разряда, смотря потому, живутъ ли они въ сѣверной, въ средней или южной полосѣ. Народы средней полосы превосходятъ южанъ тѣлесною силой, но уступаютъ имъ въ хитрости; точно также они превосходятъ сѣверянъ умомъ и уступаютъ имъ въ силѣ, и вслѣдствіе этого болѣе способны къ государственной жизни. Исторія показываетъ, что великіе завоеватели появляются на сѣверѣ; отвлеченныя науки, философія, математика, процвѣтаютъ на югѣ; въ средней же полосѣ развиваются по преимуществу политическія науки, законодательство, краснорѣчіе. Большія государства обыкновенно возникаютъ въ средней полосѣ, и оттуда легче покорить югъ чѣмъ сѣверъ. Южане уступаютъ силѣ, но берутъ хитростью; сѣверяне доблестны на войнѣ, но въ мирныхъ переговорахъ не умѣютъ соблюдать своей выгоды. Такъ относительно Англичанъ Французы уступаютъ имъ на войнѣ, но перехитряютъ ихъ въ мирѣ, и точно также поступаютъ относительно Французовъ Испанцы.

Жестокости чаще встрѣчаются на югѣ и на сѣверѣ чѣмъ въ умѣренной полосѣ; цѣломудріе составляетъ преимущество сѣвера. Сѣверъ гордится мечомъ, народы умѣренной полосы законовѣдѣніемъ, народы южные религіей. Почти всѣ религіи возникаютъ на югѣ: тамъ человѣкъ болѣе склоненъ къ религіозному размышленію. Поэтому южными народами легче управлять съ помощію религіи чѣмъ посредствомъ разума или насилія. Законы тамъ недостаточны, потому что эти народы обходятъ ихъ хитростью и обманомъ и подчиняются только религіи.

Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія Боденъ показываетъ какое вліяніе имѣетъ гористая мѣстность или сосѣдство моря, плодородіе или скудость почвы. Но онъ полагаетъ, что естественныя условія и обстоятельства могутъ уступить человѣческой свободѣ. Такъ Англичане, извѣстные своею задорностью, пріучены миролюбивою королевой къ гуманности,

а Французы, напротивъ, отличавшіеся вѣжливостью и гуманностью, одичали вслѣдствіе междуусобныхъ войнъ.

Это разнообразіе условій, способностей и стремленій различныхъ народовъ, по мнѣнію Бодена, сливается въ гармоническое цѣлое, которое онъ называетъ république universelle. Основываясь на психологическомъ различіи здраваго смысла, разсудка (ratio) и высшаго разума (intellectus), онъ считаетъ необходимою для поддержанія всякаго благоустроеннаго государства троякую дѣятельность: духовенство и философы должны заботиться о божественныхъ предметахъ; правители и чиновники должны поддерживать государственный порядокъ, а воины, ремесленники и крестьяне должны трудиться на матеріяльнымъ благосостояніемъ государства. Подобнымъ образомъ Богъ распредѣлилъ необходимую для человѣчества дѣятельность между различными народами: южнымъ народамъ Онъ поручилъ вникать въ сокровенные вопросы міра и поучать другіе народы; народамъ средней полосы Онъ предоставилъ руководить политическою жизнью остальныхъ и блюсти законы; а сѣверянамъ Онъ даровалъ богатыя металлическія сокровища и сдѣлалъ ихъ способными къ разнообразной промышленной дѣятельности. Такимъ образомъ весь земной міръ, въ его историческомъ развитіи, представляется Бодену однимъ живымъ организмомъ.

Я не стану останавливаться на представителяхъ политическихъ наукъ въ XVII столѣтіи — на Гроціи, Мильтонѣ, Гоббесѣ и на философахъ, которые имѣли вліяніе на эти науки, на Спинозѣ и Локкѣ. Всѣ они оказали очень мало пользы исторической наукѣ, преимущественно потому что самый методъ ихъ былъ анти-историческій, то-есть математически-демонстративный, господствовавшій въ то время въ философіи и зависящихъ отъ нея наукахъ. Выступали ли эти ученые защитниками абсолютизма и выводили ли они понятіе права и государства изъ откровенія, или основывались въ своихъ теоріяхъ на человѣческомъ разумѣ и объясняли государство изъ договора, во всякомъ случаѣ, они не справлялись съ исторіей и даже прямо утверждали, что въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ исторія не можетъ помочь. Одинъ Пуффендорфъ составляетъ изъ этого исключеніе. Будучи профессоромъ въ Гейдельбергѣ, онъ издалъ подъ псевдонимомъ политическій памфлетъ: *De Statu Imperii Germanici*, который заключаетъ въ себѣ чрезвычайно ѣдкую, но спра-

ведливую критику тогдашняго состоянія Германской имперіи. Этотъ памфлетъ, который пользовался въ свое время огромною извѣстностью, важенъ для насъ тѣмъ, что Пуффендорфъ вооружается въ немъ противъ одного застарѣлаго историческаго предразсудка, наслѣдованнаго отъ среднихъ вѣковъ, будто бы Германская имперія есть продолженіе Римской имперіи. Этотъ предразсудокъ имѣлъ чрезвычайно важныя политическія послѣдствія: онъ, между прочимъ, особенно содѣйствовалъ къ водворенію римскаго права въ Германіи и стѣсненію германскаго права; а въ наше время этотъ предразсудокъ, хотя нѣсколько видоизмѣненный, продолжаетъ жить въ умахъ многихъ католичествующихъ историковъ Германіи.

Мы перейдемъ къ прямому преемнику Бодена, къ Монтескье. Онъ снова далъ въ своихъ политическихъ изысканіяхъ видное мѣсто историческому методу, и отвлеченнымъ разсужденіямъ противупоставилъ дѣйствительное разнообразіе представляемое исторіей. Небольшое сочиненіе Монтескье: *Considérations sur les causes de la grandeurs des Romains et de leur décadence*, то-есть *Размышленія о причинахъ величія Римлянъ и ихъ паденія*, напечатанное въ 1734 году, предшествовало четырнадцатью годами обнародованію главнаго труда его жизни: *De l'esprit des lois*. Это первая попытка объяснить судьбу римскаго народа собственною исторіей его, то-есть съ помощію народнаго характера, внѣшнихъ условій и особенно политическихъ учрежденій. Слова, которыя мы читаемъ въ той главѣ, гдѣ Монтескье разбираетъ причины, почему римскія войска при послѣднихъ императорахъ не могли побѣдить варваровъ, обозначаютъ собою переломъ въ исторіи разсматриваемой нами науки. Имѣя въ виду странное замѣчаніе Плутарха, что Римляне обязаны своими успѣхами счастію, а не собственнымъ заслугамъ, Монтескье восклицаетъ: „Не счастіе управляетъ міромъ; объ этомъ можно спросить Римлянъ, которые одерживали непрерывный рядъ успѣховъ, когда они слѣдовали въ управленіи своемъ извѣстному плану, и которые претерпѣли непрерывный рядъ неудачъ, когда они стали руководствоваться другимъ. Есть общія причины, нравственныя и физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждомъ государствѣ, возвышаютъ, поддерживаютъ или разрушаютъ его. Всѣ событія находятся въ зависимости отъ этихъ причинъ, а если случайный исходъ сраженія, то-есть частная

причина, погубилъ какое-нибудь государство, то за этимъ скрывалась общая причина, которая сдѣлала то, что государство это должно было погибнуть вслѣдствіе одной только битвы. Однимъ словомъ, главный характеръ исторіи народа влечетъ за собою всѣ частные случаи. L'allure principale entraine avec elle tous les accidens particuliers." Въ объясненіи самыхъ причинъ, породившихъ могущество Римлянъ, а потомъ ихъ паденіе, Монтескье не всегда счастливъ. Въ его время не существовало исторической критики, и потому, особенно относительно древнѣйшей исторіи Рима, Монтескье иногда прибѣгалъ къ такимъ объясненіямъ, которыя должны быть отвергнуты нынѣшнею наукой. Такъ, напримѣръ, слѣдуя въ этомъ Макіавелли, онъ приписываетъ большое значеніе личнымъ заслугамъ первыхъ царей. Онъ говоритъ по этому случаю, что при возникновеніи государства, правители ихъ создаютъ учрежденія, въ послѣдствіи же самыя учрежденія образуютъ правителей. Въ этомъ отношеніи Монтескье раздѣляетъ заблужденіе, господствовавшее въ цѣлой древности, которая придавала преувеличенное значеніе законодателямъ или такъ-называемымъ учредителямъ государства. Еще другое заблужденіе перешло отъ классическихъ писателей къ Монтескье. Онъ полагаетъ, что учредители древнихъ государствъ, а также и Рима, раздѣлили по-ровну земли между гражданами, и этимъ онъ объясняетъ, что Римляне въ первый періодъ своей исторіи всегда были въ состояніи выставить такое многочисленное войско сравнительно съ числомъ жителей, и что это войско, состоявшее изъ гражданъ равно заинтересованныхъ въ успѣхѣ, сражалось такъ храбро. По мнѣнію Монтескье, Римъ былъ городъ безъ торговли и почти безъ промысловъ, жители его были принуждены жить грабежемъ, и это заставляло ихъ постоянно воевать съ сосѣдями. Отнятая у послѣднихъ земля частію продавалась въ пользу государства, частію раздѣлялась между бѣдными гражданами. Отъ этого, конечно, бѣдные граждане въ Римѣ были такъ же склонны къ войнѣ какъ и состоятельные. Изгнанію царей Монтескье приписываетъ большое вліяніе на дальнѣйшіе успѣхи Римлянъ; гордый и предпріимчивый народъ, говоритъ онъ, долженъ или свергнуть съ себя иго, или смягчить свои нравы. Римлянамъ оставался только выборъ или остаться подданными бѣдной и небольшой монархіи, или измѣнить образъ правленія. Замѣна царей двумя консулами, которые

ежегодно смѣнялись другими, имѣла важныя послѣдствія: честолюбіе царей бываетъ временное; консулы же, имѣя въ виду кратковременность своей власти, всегда горѣли желаніемъ отличиться и постоянно вовлекали народъ въ новыя войны. Впрочемъ, сенатъ стремился къ тому же. Утомленный жалобами и требованіями народа, онъ старался развлекать и занять его войнами. Какъ существенна была для успѣховъ Рима свобода, доказываетъ правленіе децемвировъ. Въ это время Римское государство какъ будто омертвѣло. Важная причина успѣха Римлянъ заключалась въ томъ, что ихъ войска строгою дисциплиной и военною выдержкой превосходили всѣ остальныя и перенимали у своихъ враговъ все что̀ могло служить къ ихъ собственному усовершенствованію. Много также содѣйствовала къ расширенію римскаго владычества хитрая политика сената, который постоянно вмѣшивался во всѣ ссоры между различными государствами и между различными партіями въ государствахъ, помогалъ слабѣйшимъ и съ помощію ихъ побѣждалъ сильнѣйшихъ. Но особенно важное значеніе Монтескье приписываетъ римскимъ нравамъ и тому учрежденію, которое должно было блюсти за чистотой нравовъ, то-есть цензорству. По мнѣнію Монтескье, больше государствъ погибло вслѣдствіе порчи нравовъ чѣмъ вслѣдствіе нарушенія законовъ.

Что касается до паденія римскаго величія, то Монтескье объясняетъ его преимущественно двумя причинами: чрезмѣрнымъ увеличеніемъ города и чрезмѣрнымъ расширеніемъ предѣловъ государства. Когда всѣ жители Италіи получили право римскаго гражданства, тогда стала невозможна правильная политическая жизнь. Жители каждаго города вносили въ Римъ свои особенные интересы и стремленія. Зависимость отъ какого-нибудь особеннаго покровителя-честолюбца привлекала въ римскія комиціи цѣлые города и племена, чтобы доставить своему патрону большинство голосовъ, и анархія сдѣлалась неисправимою. Точно также въ началѣ войска римскія состояли изъ гражданъ, которые были воодушевлены патріотизмомъ и зависѣли только отъ сената. Но когда расширились предѣлы имперіи, дальнія военныя экспедиціи породили особенный классъ воиновъ, которые утратили гражданскій духъ и вполнѣ были преданы своимъ полководцамъ. А эти, въ свою очередь, чувствуя свои силы, не хотѣли болѣе подчиняться римскому сенату.

Не менѣе этихъ причинъ содѣйствовала паденію Рима порча римскихъ нравовъ, которая, по мнѣнію Монтескье, особенно произошла подъ вліяніемъ секты Эпикура. Съ теченіемъ времени Римляне все болѣе и болѣе удалялись отъ своихъ первоначальныхъ нравовъ и обычаевъ. Такъ, напримѣръ, прежде они тщательно старались, чтобы войска выставляемыя ихъ союзниками не превышали числа римскихъ войскъ. При императорахъ же они мало-по-малу начинали составлять свои войска изъ варваровъ, и, наконецъ, варварское войско Одоакра положило конецъ Римской имперіи.

Такимъ образомъ Римляне побѣдили всѣ народы съ помощію своихъ политическихъ правилъ; но когда они достигли своей цѣли, республика не могла удержаться: нужно было измѣнить образъ правленія, и новое правительство стало руководствоваться правилами противоположными прежнимъ и этимъ подорвало величіе Римлянъ.

Монтескье далъ тому сочиненію, которое навсегда упрочило его славу, эпиграфъ: „proles sine matre creata.“ Это не совсѣмъ справедливо. Онъ многимъ обязанъ своимъ предшественникамъ—Макіавелли, Бодену и, можетъ-быть, даже Буко, но его собственныя заслуги такъ велики, и трудъ его такъ самобытенъ, что въ извѣстномъ смыслѣ за нимъ можетъ остаться этотъ эпиграфъ.

Цѣль сочиненія *О духѣ законовъ* лучше всего объясняется слѣдующими словами Монтескье: „Общій законъ — человѣческій разумъ, потому что онъ управляетъ всѣми народами на землѣ; политическіе же и гражданскіе законы каждаго народа должны быть только частными случаями, въ которыхъ примѣняется этотъ человѣческій разумъ.

„Законы до такой степени должны быть приноровлены къ народу, что только въ чрезвычайно рѣдкомъ случаѣ законы одного народа могутъ годиться другому.

„Нужно чтобъ они соотвѣтствовали сущности и принципу существующаго уже или учреждаемаго образа правленія, будутъ ли они имѣть цѣлію создать этотъ образъ правленія, какъ законы политическіе, или поддерживать его, какъ законы гражданскіе.

„Они должны соотвѣтствовать физическимъ условіямъ страны, холодному, жаркому или умѣренному климату и свойству почвы, географическому положенію и обширности страны; образу жизни народовъ, земледѣльческихъ, охотничьихъ или

пастушескихъ; они должны находиться въ зависимости отъ степени свободы, допускаемой государственными учрежденіями, отъ религіи жителей, отъ ихъ наклонностей, богатства, числа, торговли, или отъ ихъ нравовъ и обычаевъ. Наконецъ, они стоятъ въ извѣстномъ отношеніи другъ къ другу, къ исторіи своего происхожденія, къ задачамъ законодателя, къ тому порядку вещей, для котораго они предназначены. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ слѣдуетъ разсматривать ихъ. Въ совокупности своей эти отношенія составляютъ то что̀ называютъ духомъ законовъ."

Мы не коснемся первыхъ тринадцати книгъ сочиненія Монтескье, въ которыхъ онъ излагаетъ свой оригинальный взглядъ на то что̀ онъ называетъ принципомъ различныхъ образовъ правленія, гдѣ онъ объясняетъ взаимное вліяніе формъ правленія и законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, законовъ относящихся къ воспитанію, къ устройству военной силы, законовъ опредѣляющихъ дозволенную мѣру роскоши, положеніе женщинъ, государственные доходы и расходы, политическую и личную свободу гражданъ. Эти изслѣдованія должны были имѣть чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на историковъ протлаго столѣтія. Въ сочиненіи Монтескье они находили чрезвычайно глубокій анализъ государственнаго организма и привыкали обращать вниманіе на такія проявленія народной жизни, которыя имъ прежде казались маловажными, и отыскивать взаимную связь ихъ. Для нашей цѣли важнѣе тѣ пять книгъ Монтескье, въ которыхъ онъ излагаетъ вліяніе физическихъ условій на политическую жизнь народовъ. Въ этомъ отношеніи онъ многимъ обязанъ Бодену. Сначала онъ описываетъ вліяніе климата на психологическія свойства, наклонности и нравственность различныхъ народовъ. Онъ объясняетъ разслабляющимъ вліяніемъ жаркаго климата неподвижность въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ обычаяхъ и политическихъ учрежденіяхъ, которою отличаются восточные народы. Онъ требуетъ, чтобы законы служили преградой тѣмъ порокамъ, которые обусловливаются климатомъ, но не поощряли бы ихъ. Поэтому онъ указываетъ на вредное вліяніе тѣхъ учрежденій, которыя въ жаркихъ странахъ поощряютъ лѣность, на уничтоженіе, напримѣръ въ Индіи, личной поземельной собственности и покровительство, оказываемое вообще монашествующимъ и дервишамъ. Онъ одобряетъ законъ Магомета, воспрещающій горячіе напитки. Въ

сѣверныхъ странахъ этотъ законъ имѣлъ бы вредныя послѣдствія, такъ какъ тамъ необходимо извѣстное количество напитковъ, поддерживающихъ теплоту организма. Законы должны быть внимательны къ болѣзнямъ, свойственнымъ извѣстной странѣ: такъ, самоубійство, по справедливости, подлежитъ вездѣ извѣстному осужденію; въ Англіи же, гдѣ оно есть слѣдствіе климата, въ большинствѣ случаевъ на него нельзя иначе смотрѣть какъ на послѣдствіе сумашествія.

Въ той книгѣ, гдѣ Монтескье объясняетъ вліяніе климата на семейную жизнь, онъ приписываетъ ему слишкомъ большое значеніе. Основываясь на томъ, что на востокѣ женщины раньше развиваются и раньше старѣютъ, что тамъ вообще страсти дѣйствуютъ на человѣка сильнѣе, а семью прокормить легче чѣмъ въ холодныхъ странахъ, онъ говоритъ, что климату Азіи болѣе свойственно многоженство, а Европѣ моногамія. Онъ этимъ объясняетъ, что магометанство въ Азіи такъ легко вытѣснило христіанство и не могло распространиться въ Европѣ. Климатъ въ началѣ, конечно, имѣлъ вліяніе на положеніе женщины, но исторія намъ показываетъ, что даже сѣверные народы въ варварскомъ быту допускали многоженство, и что, напротивъ, ни одинъ народъ, развившійся до установленія моногаміи, не поддался вліянію климата. Монтескье описываетъ вредное вліяніе многоженства на семейную и общественную жизнь и находитъ однако при этомъ, что строгое заключеніе восточной женщины необходимо ради сохраненія чистоты нравовъ.

Гораздо осмотрительнѣе обсуждаетъ онъ значеніе климата въ той книгѣ, гдѣ онъ разбираетъ вліяніе его на институтъ рабства. Онъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ разслабляющая сила климата такъ велика, и люди такъ склонны къ лѣни, что только строгое и жестокое обращеніе можетъ принудить ихъ къ работѣ. Этимъ странамъ свойственъ деспотизмъ, — деспотизмъ господина относительно рабовъ, и деспотизмъ государя въ отношеніи ко всѣмъ. Но потомъ благородство натуры въ немъ одерживаетъ верхъ надъ софизмами ученаго, и онъ восклицаетъ: „Можетъ-быть, однако, нѣтъ такого климата на землѣ, въ которомъ нельзя было бы склонить къ труду людей свободныхъ. Вслѣдствіе того что законы были дурны, люди сдѣлались лѣнивы, и вслѣдствіе того что они стали лѣнивы, они подпали рабству."

Храбрость и любовь къ свободѣ, а съ другой стороны, тру-

сость зависятъ отъ климата. Азіятскій материкъ по серединѣ прорѣзывается высокими горными хребтами: поэтому въ Азіи нѣтъ умѣреннаго пояса, холодныя страны непосредственно граничатъ съ жаркими. Вслѣдствіе этого въ Азіи сѣверные народы постоянно покоряли южныхъ и основывали огромныя государства, которыя вскорѣ распадались. Азія подвергалась покоренію тринадцать разъ, — одиннадцать разъ сѣверными народами и два раза южными. Въ Европѣ же преобладаетъ умѣренный климатъ; народы ея не отличаются рѣзко другъ отъ друга своею храбростью, поэтому тамъ несравненно рѣже завоеванія и политическіе перевороты.

Изъ этого Монтескье выводитъ политическое правило, что столица должна находиться на сѣверѣ: тамъ гдѣ она на сѣверѣ, сѣверъ всегда удержитъ за собой югъ; тамъ гдѣ она будетъ перенесена на югъ, будетъ предстоять опасность утратить сѣверъ.

Плодородность почвы имѣетъ также большое вліяніе на народный характеръ; тамъ гдѣ почва мало плодородна, люди умѣренны, прилежны къ работѣ, въ состояніи выносить много трудовъ и способны къ войнѣ. Плодородность же почвы порождаетъ извѣстную изнѣженность и увеличиваетъ любовь къ жизни. Основываясь на выводахъ изъ греческой исторіи, Монтескье говоритъ, что безплодность почвы способствуетъ къ установленію демократическаго образа правленія, плодородность же къ установленію аристократическаго. Но онъ прибавляетъ однако, что матеріяльное благосостояніе зависитъ не столько отъ плодородія почвы, сколько отъ степени политической и гражданской свободы. Далѣе Монтескье разбираетъ вліяніе торговли, монетной системы, количества народонаселенія и, наконецъ, религіи—на политическій бытъ и законодательство, а въ концѣ своего сочиненія представляетъ очеркъ гражданскаго права и политическихъ учрежденій у Франковъ и другихъ германскихъ народовъ. Эта часть теперь болѣе другихъ устарѣла, но въ то время имѣла значеніе какъ попытка ввести свѣтъ въ исторію внутренняго быта европейскихъ государствъ.

II.

Вліяніе философіи на исторію началось только въ XVIII вѣкѣ. Схоластическая философія, господствовавшая въ средніе вѣка, преимущественно занималась логическимъ и діалектическимъ развитіемъ богословскихъ догматовъ. Декартъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ способствовалъ къ тому чтобы вытѣснить схоластическую философію; но новая философія, которая замѣнила средневѣковую, была основана на методѣ математическомъ, демонстративномъ, который составляетъ прямую противоположность историческому. Она поэтому не могла оказать никакого вліянія на историческую науку. Правда, уже Бэконъ указывалъ на необходимость примирить теоретическую отвлеченность философіи съ слѣпымъ раболѣпствомъ предъ необъясненнымъ фактомъ, которымъ въ то время отличались юристы, а также и составители историческихъ компиляцій. „Философы, говоритъ онъ, предлагаютъ многое, что̀ слушать пріятно, а къ дѣлу непригодно. Philosophi proponunt multa,dictu pulchra, sed ab usu remotiora. Юристы же, слѣпо преданные и закабалившіеся законамъ своего отечества или постановленіямъ римскаго или каноническаго права, лишены настоящаго пониманія ихъ и разглагольствуютъ какъ бы изъ-подъ ареста. Iuris consulti autem, suae quisque patriae legum vel etiam Romanarum aut Pontificiarum placitis obnoxii et addicti judicio sincero non utuntur sed tamquam e vinculis sermocinantur.“

Только такая философія могла оказать вліяніе на исторію которая была доступна поэзіи и была способна отыскивать, глубокій смыслъ въ томъ что̀ прежде считали бреднями пустаго воображенія и нестоящими вниманія формами варварскаго быта. Италіи, которая такъ много сдѣлала для европейской цивилизаціи, и которая потомъ, отданная на жертву папству и европейской политикѣ, далеко отстала отъ другихъ странъ, выпало на долю открыть путь и для философіи исторіи. Сама Италія, вслѣдствіе низкаго уровня своего образованія, была не въ состояніи оцѣнить заслуги того человѣка, котораго можно назвать основателемъ философіи исторіи. Но и внѣ предѣловъ Италіи идеямъ Вико долго не отдавали должной

справедливости. Господствовавшее направленіе XVIII вѣка было враждебно имъ, и только нашъ вѣкъ, который видѣлъ столько попытокъ объяснить исторію съ помощью философіи, убѣдился, что многіе изъ лучшихъ результатовъ новѣйшей философіи выражены иногда сознательно, а иногда какъ бы въ зародышѣ, въ сочиненіяхъ неаполитанскаго мыслителя.

Вико, жившій отъ 1668—1744 года, провелъ свою молодость въ занятіяхъ классическими языками, богословіемъ и юриспруденціей. Воспитаніе, которое давали въ то время въ Италіи, носило еще схоластическій характеръ. Это отразилось на развитіи Вико. Въ своей молодости онъ провелъ девять лѣтъ въ качествѣ домашняго учителя въ сельскомъ уединеніи. Тамъ онъ положилъ основаніе своей громадной учености, но эта уединенная жизнь, вѣроятно, также усилила его наклонность къ мистицизму. Любимыми писателями его были Платонъ, Дантъ и Тацитъ, въ послѣдствіи онъ сталъ изучать съ особеннымъ вниманіемъ Бэкона и Гроція. Онъ сдѣлался профессоромъ краснорѣчія при Неаполитанскомъ университетѣ, находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и только подъ старость, когда Неаполь сдѣлался самостоятельнымъ королевствомъ, онъ получилъ званіе королевскаго исторіографа, и его положеніе улучшилось.

Главное его сочиненіе — *Основанія новой науки объ общихъ свойствахъ народовъ*, болѣе извѣстное подъ краткимъ названіемъ—*Scienza Nuova*, вышло въ 1725 году, когда автору было уже 58 лѣтъ. Цѣлью его было, какъ показываетъ самое заглавіе, установить на научномъ основаніи законы, управляющіе жизнью народовъ. Во взглядѣ Вико замѣтенъ уже большой прогрессъ противъ теоріи Бодена. Боденъ также желалъ опредѣлить законы, по которымъ развивается народная жизнь, но онъ имѣлъ при этомъ въ виду исключительно государство. Народъ исчезалъ у него передъ государствомъ. У Вико есть государство одно изъ проявленій народной жизни, но послѣдняя проявляется также въ религіи, въ языкѣ, въ поэзіи, въ правѣ. Установленіе этого обширнаго понятія народной жизни имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія; оно значило, что въ исторію народа должны входить не только извѣстныя перемѣны въ образѣ правленія, но и въ религіозныхъ понятіяхъ, въ языкѣ, въ поэзіи, и что всѣ эти перемѣны происходятъ по извѣстнымъ законамъ. Этимъ былъ сдѣланъ чрезвычайно важный шагъ въ пониманіи исторіи, и

изъ него непосредственно слѣдовало много новыхъ и свѣтлыхъ идей, которыми Вико далеко опередилъ своихъ современниковъ.

Примыкая къ ученію древнихъ египетскихъ жрецовъ, Вико различаетъ три историческихъ возраста, или періода: божественный, героическій и человѣческій.

Послѣ потопа люди жили какъ хищные звѣри,—въ разбродѣ, безъ законовъ, безъ религіи,—и отличались только необыкновенною физическою силой. Преданія всѣхъ народовъ говорятъ о древнихъ исполинахъ. Греческая миѳологія повѣствуетъ, что Зевесъ своими перунами разгромилъ Титановъ. Первобытные дикари были испуганы величественными явленіями природы, особенно грозой: они стали признавать надъ собой высшую силу, и такимъ образомъ возникала миѳологія. Миѳологія была необходима для развитія человѣчества; только она была въ состояніи обуздать высокомѣріе грубой физической силы, заставить людей сближаться другъ съ другомъ и вступать въ общество.

Такимъ образомъ начался второй возрастъ — героическій. Люди живутъ группами, большими семьями. Во главѣ этихъ семей, къ которымъ принадлежатъ и рабы (въ этомъ обширномъ смыслѣ употребляется латинская familia), стоятъ люди отличающіеся необыкновенною доблестью. Они кажутся другимъ потомками боговъ, полубогами. Каждый народъ имѣлъ своихъ Геркулесовъ. Въ это время господствуетъ поэзія, которая прославляетъ этихъ богатырей. Такъ возникла гомерическая поэзія. Гомеръ, какъ Геркулесъ, какъ Ромулъ, нарицательное имя: это представитель тѣхъ рапсодовъ, чрезъ уста которыхъ изливалась народная поэзія. Отсюда объясняется, что каждый греческій городъ считалъ себя родиной Гомера. Такимъ образомъ Вико пришелъ уже къ тѣмъ результатамъ, которыхъ потомъ съ болѣе научною достовѣрностью достигъ знаменитый филологъ Фридрихъ-Августъ Вольфъ.

Изъ этихъ главъ семействъ образуется особенная аристократія, которая одна пользуется всѣми правами, — честолюбивая и потому постоянно занятая войнами. Но въ этихъ войнахъ кліенты и плебеи достигаютъ большей самостоятельности, начинаютъ оспаривать у аристократовъ преимущества, и наконецъ устанавливается болѣе или менѣе демократическій образъ правленія.

Вмѣстѣ съ этимъ начинается третій возрастъ — человѣче-

скій, въ которомъ мѣсто поэзіи занимаетъ проза. Языкъ и право переживаютъ тѣ же три періода. Въ первомъ періодѣ языкъ состоитъ болѣе изъ пантомимъ, имѣетъ символическій характеръ: такъ, напримѣръ, вмѣсто того чтобы сказать *море*, люди говорили *Нептунъ*. Гомеръ упоминаетъ о языкѣ боговъ, на которомъ прежде говорили люди. Мѣста письменъ замѣняли гіероглифы. Право выражалось во множествѣ символическихъ обрядовъ, которыми была обставлена вся домашняя и гражданская жизнь. Во второмъ періодѣ языкъ былъ исполненъ поэзіи; въ немъ преобладали метафоры и риторическія фигуры. Вмѣсто отвлеченныхъ понятій употребляли названіе какого-нибудь конкретнаго предмета. Такъ, напримѣръ, Римляне говорили *Тарентинецъ*, если хотѣли выразить понятіе изнѣженнаго человѣка. Имена *Геркулеса*, *Ахиллеса* и *Ромула* обозначали понятіе богатыря или основателя города. Мы видимъ изъ этого, что проницательный умъ Вико предупредилъ въ извѣстномъ смыслѣ критику Нибура.

Право въ героическомъ періодѣ имѣетъ строгій, жестокій характеръ. Поединки, согласно воинственнымъ наклонностямъ эпохи, замѣняютъ правильное судопроизводство. Только въ третьемъ періодѣ, когда преобладаетъ человѣческій разумъ, право получаетъ болѣе гуманный характеръ. Такъ Римляне смягчили строгость законовъ Двѣнадцати Таблицъ Преторскими Эдиктами. Привилегіи уничтожаются, и всѣ граждане становятся равноправными предъ законами. Это царство свободы и демократіи. Но этотъ порядокъ непроченъ: разнузданныя страсти и своекорыстность приводятъ къ анархіи; возникаютъ партіи и междуусобныя войны; философія перерождается въ софистическую діалектику. Въ этомъ случаѣ возможны три исхода. Или среди общей анархіи возстаетъ искусный и сильный человѣкъ, который возстановляетъ порядокъ и законность и демократію превращаетъ въ монархію. Этотъ переходъ отъ демократіи къ монархіи Вико приписываетъ особенному историческому закону, который онъ называетъ lex regia. Если же среди народа не находится такого способнаго человѣка, и нравственное паденіе его слишкомъ глубоко, тогда онъ становится добычей чужаго завоевателя. Изъ этого можно вывести два нравственные закона: вопервыхъ, что тотъ, кто неспособенъ управлять собой, долженъ подчиниться власти другаго; вовторыхъ, что власть всегда достается тому, кто болѣе достоинъ ея. Наконецъ, если и чужое владычество не было въ состояніи исправить народъ, тогда Провидѣніе прибѣгаетъ къ послѣднему средству. Оно позволяетъ народу падать все ниже и ниже; грубые страсти и интересы все болѣе и болѣе разыгрываются; съ порчей нравовъ исчезаетъ и матеріяльное благосостояніе; города пустѣютъ, поля заростаютъ лѣсами или превращаются въ пустыни; населеніе рѣдѣетъ, и наконецъ послѣдніе остатки цивилизованнаго нѣкогда народа превращаются въ совершенныхъ дикарей. У этихъ дикарей мало-по-малу возвращается прежняя простота нравовъ, наивность, легковѣріе, и они опять становятся способными внимать голосу Божію, который говоритъ съ ними чрезъ посредство природы. Среди ихъ опять водворяется религія, зародышъ цивилизаціи, и прежнее развитіе начинается снова. Человѣчество въ настоящее время уже во второй разъ совершаетъ этотъ путь. Средніе вѣка были его вторымъ героическимъ періодомъ, и теперь оно во второй разъ вступило въ періодъ гуманности и свободы.

Такимъ образомъ исторія человѣчества, по мнѣнію Вико, находится въ постоянно круговратномъ движеніи. Время то подымаетъ высоко на своихъ волнахъ цивилизацію, то повергаетъ ее въ прежнюю бездну и тьму. А надъ этимъ величественнымъ зрѣлищемъ царитъ великое Провидѣніе, которое даетъ начало движенію и руководитъ имъ въ своей неизвѣданной мудрости.

Мы уже сказали, что глубокомысленное сочиненіе Вико не было достаточно оцѣнено въ Италіи. За то Германія, гдѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія философія достигла высокаго развитія, съ особеннымъ вниманіемъ стала разрабатывать философію исторіи. Рядомъ съ громадными, учеными, но сухими и бездарными компиляціями, которыя составляли историческую литературу того времени, стали появляться попытки осмыслить и оживить исторію съ помощью философскихъ идей. Одною изъ первыхъ и самыхъ замѣчательныхъ попытокъ такого рода было сочиненіе Гердера: *Идеи къ философіи исторіи*. Гердеръ былъ поэтъ, и поэтому менѣе другихъ своихъ современниковъ могъ примириться съ тѣмъ методомъ, который заботился только о наибольшей полнотѣ матеріяла и представлялъ исторію человѣчества какъ хаосъ однообразныхъ и вѣчно повторяющихся событій безъ повода и цѣли. Замѣчательно, что почти всѣ классическіе писатели нѣмецкой литературы задумывались надъ объясне-

віемъ исторіи. Кромѣ Гердера можно назвать Лессинга, который изложилъ свой взглядъ на исторію въ небольшомъ, но глубокомысленномъ отрывкѣ *О воспитаніи рода человѣческаго*, Шиллера, историческія драмы котораго всѣ проникнуты философскою мыслью, и даже Гёте, *Фаустъ* котораго можно назвать самою поэтическою и художественною философіей исторіи.

Гердеръ не былъ ученымъ историкомъ, но онъ чувствовалъ живой интересъ къ исторіи и нуждался въ удовлетворительномъ объясненіи судебъ человѣческаго рода. „Какъ трудно удержаться,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, — чтобы не смотрѣть на родъ человѣческій какъ на муравьиную кучу, гдѣ нога сильнаго, который чудовищнымъ образомъ самъ такой же муравей, тысячи раздавливаетъ, тысячи уничтожаетъ среди ихъ мелочно-важныхъ предпріятій, гдѣ два самые могущественные на землѣ тирана—случай и время—уносятъ съ собой всю кучу безъ слѣда, предоставляя пустое мѣсто новому дѣятельному рою, который въ свою очередь будетъ также унесенъ, не оставляя слѣда. Гордый человѣкъ отталкиваетъ отъ себя мысль, что родъ человѣческій есть чадо земли и добыча всепоглащающаго истлѣнія, а развѣ исторія и опытъ не навязываютъ ему все-таки этой мысли? Я не хочу продолжать рядъ этихъ сомнѣній, заключаетъ онъ; довольно того что я сталъ доискиваться философіи человѣческой исторіи.“

Гердеръ находилъ въ религіи отвѣтъ своимъ историческимъ сомнѣніямъ. „Возможно ли, восклицаетъ онъ, чтобы тотъ Богъ, который въ природѣ все подчинилъ мѣрѣ, числу и вѣсу, который опредѣлилъ, сообразно съ ними, сущность вещей, ихъ образъ и взаимную связь, ихъ судьбу и время ихъ бытія, такъ что во всемъ, отъ міровой системы до пылинки, отъ силы управляющей ходомъ земли и солнца до нитей паутины, вездѣ господствуютъ та же мудрость, та же милость и то же всемогущество, — возможно ли, чтобы въ устроеніи и опредѣленіи судьбы человѣческаго рода Онъ не выказалъ мудрости и милости и не имѣлъ бы плана? Слѣдуетъ ли думать что родъ человѣческій въ своемъ цѣломъ есть стадо безъ пастыря, и повторять жалобу древняго мудр
„Ты позволяешь имъ бродить какъ рыбамъ въ морѣ
„червямъ, незнающимъ господина?“

Вѣра въ Творца была для Гердера руковод
которою онъ рѣшался проникнуть въ лабир

ской исторіи. Ему онъ посвятилъ свое сочиненіе: „Къ Твоимъ стопамъ, великое существо, невидимый, высокій геній нашего рода, кладу я самое незрѣлое твореніе, написанное когда-либо смертнымъ, въ которомъ онъ рѣшился изслѣдовать Твою мысль (Dir nachzusinnen), идти по Твоимъ слѣдамъ. Пусть разлетятся его мысли, пусть исчезнутъ его начертанія, вѣдь также исчезнутъ формы и образы, въ которыхъ я находилъ Твои слѣды и старался передать ихъ моимъ собратамъ. Но мысли Твои останутся, и Ты станешь раскрывать ихъ каждому поколѣнію все яснѣе и яснѣе, и выражать ихъ въ болѣе чудныхъ образахъ. Хорошо если тогда эти листы будутъ унесены потокомъ забвенія, и вмѣсто нихъ въ душахъ людей станутъ жить болѣе свѣтлыя мысли.“

Нѣкоторыя мѣста Гердерова сочиненія страдаютъ излишнею риторикой, и вообще слогъ его своимъ паѳосомъ и частыми восклицаніями напоминаетъ проповѣдника. Но благородная личность автора, высокое мнѣніе, которое онъ имѣетъ о своей задачѣ, и увлекательная изящная рѣчь его возвышаютъ его сочиненіе надъ массою ефемерныхъ произведеній и спасутъ его отъ потока забвенія.

Несмотря на свое теплое религіозное чувство, онъ никогда не злоупотребляетъ имъ и никогда не объясняетъ какое-нибудь отдѣльное историческое событіе прямо волею Провидѣнія, и не допускаетъ въ объясненіи историческихъ фактовъ никакого мистическаго элемента. Въ изложеніи исторіи, говоритъ онъ, нужно приближаться по возможности къ истинѣ; въ пониманіи и обсужденіи ея нужно доискиваться полнѣйшей связи явленій, и никогда не объяснять явленіе, которое существуетъ или дѣйствительно случилось, посредствомъ другаго неизвѣстнаго.

„Вслѣдствіе этого, говоритъ онъ, мы особенно и прежде всего будемъ остерегаться, чтобы не видѣть въ явленіяхъ исторіи выраженія сокровеннаго и неизвѣстнаго намъ міроваго плана или даже магическаго вліянія неизвѣстныхъ духовъ, о которыхъ никто и не рѣшается упомянуть при объ-
Почему Александръ Македонскій
что онъ былъ Александръ,
ктера своего народа,
ка, чтенія Гомера
мы будемъ при-
верховной си-

лы, а смѣлые подвиги его — помощи фортуны, тогда мы подвергаемся опасности объяснять самые непростительные, безразсудные поступки его божественною волей и уменьшать, съ другой стороны, его собственную отвагу и военныя способности, и вообще лишимъ цѣлое явленіе настоящаго его значенія. Кто въ естественной исторіи сталъ бы мечтать, что невидимые духи румянятъ розу или опускаютъ въ ея чашечку серебряную росу, что маленькіе духи свѣта поселяются въ тѣлѣ свѣтлячка или играютъ на хвостѣ павлина, тотъ можетъ быть искуснымъ поэтомъ, но никогда онъ не отличится ни какъ естествоиспытатель, ни какъ историкъ."

XVIII вѣкъ въ Германіи особенно благопріятствовалъ развитію замѣчательныхъ личностей. При отсутствіи политической жизни, при отсутствіи даже національныхъ интересовъ, лучшіе люди были предоставлены самимъ себѣ. Всѣ плоды образованія, всѣ сокровища науки и искусства они употребляли на украшеніе своей личности, на то чтобы достигнуть высшей ступени внутренняго человѣческаго развитія,—того состоянія, которое Гердеръ обозначаетъ словомъ Humanität (человѣчность). Эта высокая степень личнаго развитія передовыхъ людей наложила свою печать на всѣ ихъ произведенія и придала имъ идеальный, классическій характеръ. Гердеръ былъ апостоломъ этой гуманности, этого развитія человѣка до человѣчности. Возвышеніе всего человѣчества на эту степень было, по его мнѣнію, цѣлью исторіи. Но Гердеръ былъ въ то же время слишкомъ хорошій наблюдатель; онъ слишкомъ былъ знакомъ съ почвой, на которой приходится развиваться человѣчеству. Онъ зналъ, что не всѣмъ народамъ и не всѣмъ эпохамъ дана возможность одинаково успѣшнаго развитія. Поэтому онъ видоизмѣнилъ свое первое положеніе слѣдующимъ образомъ: цѣль каждаго человѣка, какъ и каждаго народа, и всего человѣчества одна и та же — достиженіе высшаго развитія и счастія, возможныхъ на извѣстномъ мѣстѣ и при извѣстныхъ условіяхъ.

Гердеръ соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя условія, чтобы написать замѣчательную философію исторіи. Онъ получилъ отличное классическое образованіе: какъ богословъ, онъ былъ знакомъ съ тогдашнимъ состояніемъ богословской науки и съ библейскою экзегетикой; какъ поэтъ, онъ сталъ собирать, въ своихъ *Голосахъ народовъ*, пѣсни различныхъ народовъ, и схватывалъ лучше другихъ тонкія психологическія отличія въ характерѣ ихъ. Онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на сравнительное изученіе языковъ; наконецъ, онъ вполнѣ ознакомился съ современными ему результатами естественныхъ наукъ. Его сочиненіе есть первая попытка изучить всеобщую исторію человѣчества въ связи съ физическими условіями, среди которыхъ она развивается. Почти вся первая половина его сочиненія посвящена изученію этихъ условій и вообще жизни природы, съ которою такъ тѣсно связана жизнь человѣка. Гердеръ стоялъ на уровнѣ современной ему естественной науки, смѣло усвоивалъ себѣ, ея выводы и не боялся несправедливыхъ упрековъ въ матеріализмѣ. Его современники не разъ упрекали его въ томъ что онъ выводитъ нравственные результаты изъ случайныхъ причинъ и представляетъ духъ въ излишней зависимости отъ тѣла. Но какъ поэтъ, онъ, изъ-за отдѣлки частностей, не упускалъ изъ вида художественнаго строя цѣлаго, и какъ философъ, онъ не терялся въ массѣ фактовъ, а доискивался ихъ связи и смысла. Въ немъ глубоко жило убѣжденіе, что море бытія не находится въ круговратномъ, безплодномъ движеніи, что волны его не плещутъ въ вѣчномъ утомительномъ однообразіи, но что въ природѣ вездѣ есть движеніе впередъ и развитіе, что одинъ организмъ служитъ необходимою ступенью для другаго, болѣе развитаго, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ природѣ все осмысляется, одухотворяется, и что это движеніе, это усовершенствованіе не останавливаются на человѣкѣ, но заходятъ въ ту сферу, о которой возможно только гаданіе и чаяніе.

Гердеръ начинаетъ свою философію исторіи съ описанія той планеты, на которой происходитъ исторія человѣчества, и съ опредѣленія ея отношенія къ другимъ небеснымъ тѣламъ. Отношеніе земнаго шара къ другимъ планетамъ заставляетъ Гердера сдѣлать нѣсколько заключеній на счетъ свойствъ обитающаго на землѣ человѣчества. „Земля, говоритъ онъ, занимаетъ среди другихъ планетъ срединное положеніе; движеніе ея вокругъ своей оси и вокругъ солнца соразмѣрнѣе чѣмъ у другихъ планетъ. Сатурнъ въ тридцать лѣтъ совершаетъ свой путь вокругъ солнца, а въ семь часовъ совершаетъ движеніе около своей оси. Свѣтъ, который падаетъ на него, въ десять разъ слабѣе чѣмъ свѣтъ солнца на землѣ. Меркурій же совершаетъ первое движеніе въ 88 дней, а второе въ шесть часовъ, и солнце освѣщаетъ его въ шесть разъ силь-

нѣе чѣмъ землю. На землѣ господствуетъ большая соразмѣрность, и это не могло не имѣть вліянія на людей. Отношеніе матеріи къ нашему духу можетъ быть также уравновѣшено какъ длина нашихъ ночей и нашихъ дней. Быстрота нашихъ мыслей можетъ быть соразмѣрна быстротѣ движенія земли сравнительно съ другими планетами. Итакъ, будемъ разчитывать на землѣ только на посредственный земной разсудокъ и на еще болѣе посредственную людскую добродѣтель."

Форма земнаго шара и геологическіе перевороты, которымъ онъ подвергался, наводятъ Гердера на такія разсужденія: „Странно, говоритъ онъ, что люди, замѣтивъ форму земли, не поняли, что все на ней подвержено перемѣнѣ и передвиженію. Какой человѣкъ, еслибъ онъ вникнулъ въ геометрическую форму земли, рѣшился бы пойдти и проповѣдывать для всего міра одну вѣру или одну философскую теорію? Кто рѣшился бы убивать людей во имя этой вѣры въ святомъ, но слѣпомъ рвеніи? Все на землѣ мѣняется. Земной шаръ въ вѣчномъ движеніи; въ подобномъ же движеніи находится и человѣческій умъ. Нравы и религіи мѣняются подобно страстямъ и костюмамъ."

Три книги Гердеръ посвятилъ обзору органической природы на землѣ. Въ этомъ обзорѣ онъ поставилъ себѣ главною задачей показать, что отъ самаго несовершеннаго организма до человѣка тянется безпрерывная цѣпь все болѣе и болѣе усовершающихся существъ. Организмы все болѣе и болѣе усложняются, и вмѣстѣ съ тѣмъ становится разнообразнѣе и, такъ-сказать, возвышеннѣе сфера ихъ дѣятельности. Низшіе организмы имѣютъ только два назначенія: поддержаніе себя посредствомъ питанія и поддержаніе своего рода. У высшихъ животныхъ къ этому присоединяется уже нѣкоторая сознательность дѣйствій, чувства и даже зачатки семейной жизни. Переходя къ человѣку, Гердеръ находитъ, что существеннѣйшее его отличіе отъ прочихъ живыхъ существъ заключается въ выпрямленности его стана, въ вертикальномъ положеніи его тѣла. Въ этомъ онъ видитъ условіе всего дальнѣйшаго развитія человѣка, его воспитанія къ разумной и нравственной дѣятельности. Слова — „Человѣкъ воспрянь отъ земли"—для Гердера, такъ-сказать, девизъ всей исторіи человѣческаго рода. Кантъ въ своей рецензіи Гердерова сочиненія подвергалъ его жестокимъ насмѣшкамъ, за то что

онъ придалъ такую важность случайному, какъ выражался Кантъ, обстоятельству. „Какъ будто человѣкъ, говорилъ Кантъ, отъ того только человѣкъ, что онъ вмѣсто четырехъ лапъ ходитъ на двухъ лапахъ. Вѣдь и обезьяну можно пріучить ходить на заднихъ лапахъ." Но эти насмѣшки совершенно напрасны. Въ словахъ Гердера, „человѣкъ воспрянь отъ земли," заключается, вопервыхъ, сознаніе, что человѣкъ уже по своей физической организаціи предопредѣленъ къ нравственному и духовному развитію вовторыхъ, сознаніе, что явленія этой нравственной и духовной жизни находятся въ тѣсной связи съ явленіями физической жизни, что наука должна доискиваться ихъ связи и подвергать ихъ совокупно строгому научному анализу. Гердеръ разбираетъ скелетъ обезьяны, животнаго, стоящаго по своимъ анатомическимъ свойствамъ всего ближе къ человѣку, и доказываетъ, что обезьянѣ несвойственъ прямой станъ. Потомъ онъ переходитъ къ скелету человѣка и объясняетъ въ какой связи находится выпрямленность стана съ измѣненіями въ позвоночномъ столбѣ, съ формаціей черепа и съ положеніемъ мозга. Не количество послѣдняго составляетъ, по его мнѣнію, преимущество человѣка, а размѣщеніе его подъ вліяніемъ особенной формаціи человѣческаго черепа.

Замѣчательно, что формація черепа и связь ея съ общею формаціей человѣческаго скелета были предметомъ внимательнаго изученія со стороны еще другаго нѣмецкаго поэта, Гёте. Ученыя заслуги Гёте совершенно затемнены въ глазахъ потомства славою поэта, точно также какъ изъ-за поэзіи Мильтона потомство долго забывало, что онъ былъ передовымъ публицистомъ своего времени. Только въ послѣднее время представители естественныхъ наукъ въ Германіи стали указывать на заслуги Гёте какъ естествоиспытателя.*

При описаніи характера народовъ и изложеніи ихъ исторіи Гердеръ обращаетъ большое вниманіе на климатъ. Подъ климатомъ онъ разумѣетъ не только среднюю температуру, но совокупность всѣхъ физическихъ вліяній, дѣйствующихъ на человѣка въ извѣстной странѣ, какъ-то: высоту мѣстности, ея геологическія свойства, вліяніе ея флоры и фауны, образъ жизни народа, родъ его занятій, его пищу, одежду, даже его удовольствія и тысячу другихъ обстоятельствъ, дѣйствую-

* См. Virchow.—*Göthe als Naturforscher.*

щихъ во взаимной связи. Гердеръ совѣтуетъ быть очень осторожнымъ при опредѣленіи этого хаоса различныхъ вліяній, называемаго климатомъ, и согласно Гиппократу, только послѣ многихъ и повторенныхъ наблюденій, приступать къ осторожнымъ выводамъ. Относительно этого предмета не слѣдуетъ терять изъ виду, говоритъ онъ, что въ каждомъ организмѣ есть органическая сила, которая старается сохранить организмъ, ослабить всѣ вліянія, стремящіяся къ его измѣненію, и воспроизвести его въ слѣдующемъ поколѣніи въ томъ же видѣ. Съ этою органическою силой приходится бороться климату. Климатъ можетъ побѣдить ее, но не сразу, не механически. Механическіе способы измѣнить организмъ не имѣли результата, даже если продолжались тысячи лѣтъ. Ни окрашиваніе тѣла у дикихъ, ни сдавливаніе головы у дѣтей, ни вытягиваніе ушей или просверливаніе носа, ни выщипываніе бородъ, не могли измѣнить организацію дикарей.

Также и о климатѣ нельзя сказать, что солнце окрасило тѣло негра, скрутило его волосы и сплюснуло его носъ. Съ этими внѣшними измѣненіями стоятъ въ связи измѣненія въ цѣломъ организмѣ негра. Гердеръ соглашается съ Бэкономъ, который полагалъ, что климатъ дѣйствуетъ болѣе на массы чѣмъ на индивидуумы, но посредствомъ массъ простираетъ свое вліяніе и на послѣднихъ. Климатъ дѣйствуетъ не въ короткіе промежутки времени, а въ теченіе долгихъ періодовъ; его вліяніе оказывается поздно и можетъ тогда уже проявиться при помощи мелкихъ обстоятельствъ. Климатъ не производитъ быстраго перелома въ организмѣ, а надѣляетъ его незамѣтною наклонностью и т. д.

Кромѣ климата, то-есть совокупности физическихъ вліяній, Гердеръ признаетъ еще одну силу, управляющую человѣкомъ и опредѣляющую ходъ исторіи человѣчества. Эту силу онъ называетъ преданіемъ — Tradition. Человѣкъ, говоритъ Гердеръ, считаетъ себя совершенно свободнымъ; всѣ свои дѣйствія онъ приписываетъ свободной воли, а всѣ свои убѣжденія онъ считаетъ плодомъ своей мысли. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иное. Развитіе человѣка начинается съ дѣтства, и главная дѣятельность ребенка состоитъ въ подражаніи; онъ всему долженъ выучиться, все воспринимаетъ. Съ молокомъ матери онъ всасываетъ въ себя извѣстныя наклонности, такъ-сказать извѣстное направленіе мысли,

и онъ никогда не освобождается изъ-подъ вліянія окружающей его среды и общества. Такимъ образомъ вся жизнь человѣка заключается въ воспитаніи; его воспитываетъ семейство, воспитываетъ потомъ окружающая среда. На этомъ воспитаніи, на преемственности преданія, которое образуется вслѣдствіе этого, основывается возможность для рода человѣческаго имѣть исторію. Еслибы каждый человѣкъ вырабатывалъ все изъ себя, независимо отъ окружающей его среды и прошедшаго, тогда каждый человѣкъ имѣлъ бы свою исторію, но не было бы исторіи человѣчества. На этой преемственности преданія основывается также способность человѣчества къ усовершенствованію (Perfectibilität) и къ ухудшенію, и вслѣдствіе этого исторія человѣчества представляетъ нѣчто цѣльное. Подобно климату преданіе дѣйствуетъ на человѣка постепенно, измѣняетъ его органически. Правда, это измѣненіе не можетъ произойдти безъ участія человѣка. Человѣкъ долженъ имѣть силу воспринимать въ себя и перерабатывать воспринятое подобно пищи. Отъ него зависитъ, отъ кого онъ хочетъ воспринимать, сколько и какъ онъ воспринимаетъ.

Эту цѣпь воспитанія, говоритъ Гердеръ, можно назвать культурой, если сравнивать человѣка съ обрабатываемымъ полемъ, или просвѣщеніемъ, если употребить другую метафору. Во взглядѣ Гердера на культуру или, какъ теперь говорятъ, на цивилизацію, отпечатлѣлся XVIII вѣкъ съ его недовѣрчивостью къ цивилизаціи, съ его наивными сомнѣніями въ необходимости государственной жизни, наконецъ съ его сентиментальными мечтаніями о счастіи человѣчества. Гердеръ одинъ изъ первыхъ ясно сознавалъ, что жизнь природы отъ самыхъ простыхъ органическихъ существъ и до человѣка представляетъ длинную цѣпь развитія и прогресса, но онъ не призналъ продолженія этого прогресса въ самой жизни человѣчества, то-есть въ исторіи. Высказать эту мысль было суждено другому. Гердеръ говоритъ, что вездѣ на землѣ мы находимъ извѣстную цивилизацію. И дикарь учится дѣлать лукъ и стрѣлы, и у него есть языкъ, и понятіе, и промыселъ. Картина человѣческой культуры на землѣ представляетъ безчисленные оттѣнки. Правда, говоритъ онъ, если мы положимъ въ основаніе нашихъ понятій о культурѣ европейскую цивилизацію, то мы найдемъ ее только въ Европѣ; но если мы будемъ имѣть въ виду разнообразіе, представляемое

человѣческою природой, то мы убѣдимся, что цѣль историческаго развитія не что иное какъ воспитаніе къ тому или другому образу жизни, къ тому или другому виду человѣческаго счастія.

Счастіе—понятіе относительное. Мѣра счастія и несчастія, назначенная намъ природой, различна по странѣ, въ которой мы живемъ, по времени, по нашей организаціи, по нашей способности наслаждаться или страдать. Счастіе не связано ни съ какою особенною степенью культуры, ни съ какимъ опредѣленнымъ образомъ жизни. Первый залогъ его — здоровье, а здоровье, какъ извѣстно, не есть исключительное достояніе извѣстной полосы земли или извѣстной степени культуры. Дикари, подверженные самымъ большимъ лишеніямъ, здоровьемъ нерѣдко превосходятъ Европейцевъ. Развитіе духовныхъ силъ также не имѣетъ привилегіи на счастіе. Природа немногихъ назначила къ умственной жизни, да и тѣ иногда дорого искупаютъ свое преимущество. Голова, отягощенная познаніями, давитъ на тѣло, стѣсняетъ грудь и помрачаетъ взоръ. Природа не назначила землѣ быть ученою аудиторіей. У большинства народовъ и людей духовныя силы находятся на степени зародыша, и имъ не суждено пробудиться.

Точно также счастіе не зависитъ отъ развитія чувствъ и отъ разнообразія волнующихъ желаній. Европеецъ не имѣетъ понятія о кипучихъ страстяхъ, наполняющихъ грудь Негра, а кроткій Индусъ—о безпокойныхъ желаніяхъ, которыя волнуютъ Европейца и мчатъ его изъ одного конца міра въ другой. Дикарь, который любитъ свою семью съ спокойною любовію, дѣятельность и симпатіи котораго не выходятъ изъ предѣловъ его племени, заслуживаетъ большаго уваженія чѣмъ цивилизованная тѣнь, которая пламенѣетъ любовію къ цѣлому роду человѣческому, то-есть къ простому звуку. Дикарь въ своей бѣдной хижинѣ равнодушно даетъ убѣжище всякому чужестранцу, и не спрашиваетъ его откуда онъ; запылившее же сердце празднаго космополита никому не можетъ послужить убѣжищемъ.

Не отъ государства также зависитъ счастіе человѣка. Сколько есть народовъ, не знающихъ государства и болѣе счастливыхъ чѣмъ многіе измученные благодѣтели государствъ. Въ большихъ государствахъ тысячи должны голодать, чтобъ одинъ могъ нѣжиться въ роскоши; десятки ты-

сячъ становятся жертвами смерти, чтобъ одинъ коронованный невѣжда или мудрецъ могъ исполнять свои фантазіи. Мудрецы говорятъ, что всякое благоустроенное государство должно быть машиной, управляемою мыслію одного: велико же счастіе быть колесомъ этой машины! И въ самомъ мудроустроенномъ государствѣ, всякій, кто желаетъ достигнуть счастія, находится не въ лучшемъ положеніи чѣмъ дикарь, то-есть онъ долженъ самъ упрочить свое счастіе и не ждать ничего отъ государства.

„Нѣтъ, восклицаетъ Гердеръ, хорошо сдѣлала природа, что она не всѣмъ народамъ навязала эти дорогія государственныя машины. Она разграничила народы не только лѣсами и горами, морями и пустынями, но и языками, характерами и наклонностями, чтобы затруднить дѣло деспотизма и не загнать всѣ народы въ *чрево деревяннаго коня*.

Природа не дала ни одному народу преимущества счастія предъ другимъ. Точно также она не жертвовала однимъ поколѣніемъ ради другаго, и не считала предковъ средствомъ для достиженія счастія внучатъ. Оскорбленіемъ природы была бы мысль, что всѣ милліоны людей, жившіе нѣкогда на землѣ, служили только удобреніемъ почвы, на которой развилась теперешняя европейская цивилизація, что тысячи были созданы ради одного, цѣпь поколѣній ради послѣдняго, всѣ люди ради человѣческаго рода, то-есть отвлеченнаго понятія. Нѣтъ, каждое созданіе такъ дорого Создателю, какъ будто оно было бы единственнымъ; всѣ средства—для Него въ то же время цѣли, и всѣ цѣли — средства къ высшимъ цѣлямъ.

Итакъ, цѣль каждаго человѣка и всего человѣчества одна и та же, это достиженіе полнаго развитія и счастія на извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстной степени, какъ извѣстное звено безконечной цѣпи развитія.

Изъ этого слѣдуетъ, что мы собственно не можемъ называть себя людьми, мы становимся людьми. Воспитаніе людей Божество поручило самому человѣчеству. При несовершенствѣ нашей природы такого рода воспитаніе должно было привести ко многимъ печальнымъ результатамъ. Нѣтъ того варварства, которое не вошло бы въ обычай у какого-нибудь народа, нѣтъ того бреда воображенія, который не былъ бы освященъ религіей какого-нибудь народа. Нелѣпости переходили въ наслѣдство наравнѣ съ мудростію; путь человѣчества сталъ похожъ на лабиринтъ, въ которомъ много [illegible]

отводятъ отъ цѣли, и немногія тропинки приближаютъ къ ней. Счастливъ тотъ смертный, который шелъ по этимъ тропинкамъ, который своими мыслями или своимъ примѣромъ содѣйствовалъ къ развитію человѣчества. Божество дѣйствуетъ на землѣ только посредствомъ великихъ избранныхъ людей. Тѣло наше истлѣваетъ въ могилѣ, а имя наше становится призракомъ на землѣ; только сливаясь съ голосомъ Божіимъ, то-есть съ развивающимся преданіемъ, мы можемъ продолжать жить и дѣйствовать безвѣстно въ душахъ нашихъ потомковъ.

Только философія исторіи, которая слѣдитъ за этою цѣпью развитія, даетъ понятіе о настоящей исторіи человѣчества. Безъ нея историческіе факты непонятны или пугаютъ воображеніе. Безъ нея всѣ земные перевороты представляютъ только развалины на развалинахъ, начинанія безъ конца, предпріятія безъ цѣли и успѣха. Только цѣпь развитія дѣлаетъ изъ этихъ обломковъ нѣчто цѣльное, въ которомъ исчезаютъ образы отдѣльныхъ людей, но духъ человѣческій живетъ и дѣйствуетъ безсмертно.

III.

Съ большею трезвостью и опредѣленностью взгляда смотрѣлъ на исторію современникъ Гердера, великій философъ Кантъ. Свой взглядъ на исторію Кантъ высказалъ не въ особенномъ сочиненіи, а въ различныхъ мелкихъ статьяхъ и брошюрахъ. Безъ колебаній и сомнѣній онъ прямо выставилъ положеніе, что „человѣчество развивается, если не въ безпрерывномъ, то въ постоянномъ прогрессѣ.“ Это положеніе имѣло въ его глазахъ характеръ аксіомы. Онъ не старался доказать его тѣмъ что вся жизнь природы представляетъ прогрессивное движеніе, и не подтверждалъ его историческими фактами. Чтобы понять, почему онъ считалъ положеніе о постоянномъ прогрессѣ въ исторіи за аксіому, нужно припомнить вообще философскій методъ Канта. Переворотъ сдѣланный имъ въ исторіи философіи заключался въ томъ, что онъ установилъ предѣлы человѣческаго разума и объявилъ, что высокія истины, о Богѣ, о безсмертіи, свободной волѣ, которыя средневѣковая философія старалась доказать на основаніи разума, и которыя то считались прирожденными человѣку, то данными ему откровеніемъ,—не доступны человѣческому разуму. Кантъ сталъ различать теоретическій разумъ отъ практическаго и объявилъ, что вышеназванныя истины не могутъ быть доказаны теоретическимъ разумомъ, но вытекаютъ изъ практическаго разума, то-есть изъ потребностей нравственной природы человѣка и имѣютъ такимъ образомъ характеръ нравственныхъ аксіомъ. Изъ той же нравственной природы, изъ той же практической необходимости вытекало, по его мнѣнію, и положеніе о постоянномъ прогрессѣ въ исторіи человѣчества. Онъ возражаетъ Мендельсону, отрицавшему всякій прогрессъ въ исторіи, слѣдующимъ образомъ: „Если добродѣтельный человѣкъ, который борется съ непріятностями и искушеніями ко злу и побѣждаетъ ихъ, есть зрѣлище достойное божества, то было бы въ высшей степени недостойно не только божества, но самаго обыкновеннаго, благомыслящаго человѣка смотрѣть, какъ родъ человѣческій отъ времени до времени дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ добродѣтели, а потомъ упадаетъ въ прежнюю бездну порока и несчастія. Смотрѣть на эту драму нѣсколько времени было бы трогательно и поучительно, но такое зрѣлище скоро бы обратилось въ кукольную комедію, и пришлось бы опустить занавѣсъ. Еслибы не устали играть актеры, то усталъ бы зритель. Онъ могъ бы довольствоваться однимъ или двумя актами и имѣлъ бы право по нимъ заключить, что безконечная піеса представляетъ вѣчное однообразіе. Въ обыкновенной театральной піесѣ кара, слѣдующая въ концѣ, можетъ вознаградить за непріятное ощущеніе. Но, въ дѣйствительности, позволить порокамъ безъ числа громоздиться другъ на другѣ, хотя въ перемѣшку съ добродѣтелями, и все это для того только чтобы въ заключеніе всего можно было бы хорошенько наказать за эти пороки,—это, по крайней мѣрѣ по нашимъ понятіямъ, несогласно съ свойствами мудраго Творца и Правителя вселенной.“

„Поэтому я имѣю право заключить, продолжаетъ Кантъ, что такъ какъ родъ человѣческій постоянно идетъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго быта, онъ также приближается къ нравственной цѣли своего существованія. Это нравственное улучшеніе можетъ иногда быть прерываемо, но не можетъ прекратиться. Доказывать это положеніе мнѣ не нужно. Обязанность доказывать лежитъ на моемъ противникѣ. Я основываюсь на врожденномъ мнѣ чувствѣ долга дѣйствовать ср[illegible] того поколѣнія, къ которому я принадлежу, такимъ обра[illegible]

чтобы слѣдующее за нимъ было лучше, и чтобъ это чувство долга переходило въ наслѣдство отъ одного поколѣнія къ другому.“ Въ другомъ мѣстѣ Кантъ говоритъ, что только надежда на улучшеніе можетъ внушить желаніе быть полезнымъ обществу, и что самъ Мендельсонъ должно-быть разчитывалъ на лучшія времена, если онъ такъ много трудился на пользу просвѣщенія того народа, къ которому онъ принадлежалъ.

Только однажды въ статьѣ *Споръ факультетовъ* Кантъ почувствовалъ потребность подтвердить свое положеніе фактами. Онъ находитъ доказательство въ пользу прогресса въ исторіи—въ томъ всеобщемъ, безкорыстномъ участіи, которое его современники принимали во французской революціи, часто подвергаясь изъ-за него личной опасности. Въ этомъ энтузіазмѣ Кантъ видѣлъ ручательство въ нравственности человѣческой природы.

Съ необыкновенною ясностью и проницательностью ума, которыми отличался Кантъ, онъ замѣтилъ, что въ историческихъ событіяхъ, несмотря на кажущуюся ихъ случайность, проявляется нѣкоторая разумность и законность, и онъ положительно высказалъ мысль, что наука должна открыть законы, по которымъ происходитъ исторія человѣчества. „Въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, говоритъ Кантъ, какъ они проявляются въ исторіи, можно встрѣтить кое-гдѣ кажущееся благоразуміе; большею же частью человѣческія дѣйствія вытекаютъ только изъ глупости, тщеславія, а иногда изъ дѣтской злости и страсти къ разрушенію.“ Но Кантъ замѣчаетъ, что если разсматривать эти самыя человѣческія дѣйствія коллективно, то въ нихъ оказываются правильность и законность. Онъ зналъ, что статистическія таблицы доказываютъ правильное увеличиваніе или уменьшеніе числа браковъ, рожденій, преступленій, и сравнивалъ эти явленія съ перемѣнами погоды, которыя также нельзя предсказать впередъ, но которыя однако находятся въ зависимости отъ неизмѣнныхъ законовъ природы. Поэтому онъ заключаетъ, что такъ какъ философъ не можетъ найдти чтобы дѣйствія людей въ исторіи направлялись къ какой-либо разумной цѣли, то онъ долженъ доискиваться, не замѣтитъ ли онъ какой-нибудь цѣли природы въ этомъ безсмысленномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ. Онъ самъ хочетъ быть этимъ философомъ, открыть цѣль природы, и потомъ предоставить ей создать такого человѣка, который былъ бы въ состояніи объяснить исторію по его руководству. Такъ, говоритъ онъ, природа произвела Кеплера, который доказалъ правильность эксцентричныхъ движеній планетъ, и Ньютона, который объяснилъ эту правильность изъ всеобщаго естественнаго закона.

Кантъ дѣйствительно начерталъ краткое руководство для будущаго Кеплера исторіи и опредѣлилъ цѣль природы или Провидѣнія въ исторіи человѣчества. Прогрессъ, по его мнѣнію, обусловливается тѣмъ, что природа пользуется для своей цѣли не только хорошими наклонностями людей, но и ихъ слабостями и особенно антагонизмомъ человѣческихъ страстей.

Всѣ природныя свойства какого-нибудь существа предназначены къ полному развитію. Въ человѣкѣ же тѣ свойства, которыя основаны на употребленіи разума, могутъ достигнуть полнаго развитія не въ отдѣльномъ лицѣ, а только въ цѣломъ родѣ. Средство, которымъ пользуется природа, чтобы привести къ полному развитію способности, вложенныя ею въ человѣка, есть антагонизмъ людей въ обществѣ. Противоположныя стремленія людей могутъ примириться только въ обществѣ или государствѣ. Въ обществѣ человѣкъ вездѣ встрѣчаетъ препятствіе своему произволу. Это препятствіе возбуждаетъ его дѣятельность. Увлеченный честолюбіемъ, властолюбіемъ или корыстолюбіемъ, онъ старается завоевать себѣ видное мѣсто между людьми, которыхъ онъ не можетъ терпѣть, но безъ которыхъ и не можетъ обойдтись. Вслѣдствіе этого состязанія отдѣльныхъ людей, общество дѣлаетъ первые шаги отъ грубости къ образованію; всѣ способности людей развиваются мало-по-малу, вкусъ очищается, и постепенное просвѣщеніе внушаетъ человѣку извѣстныя практическія правила, которыя превращаютъ прежнее общественное устройство, основанное на патологической необходимости, въ нравственное цѣлое.

Самая великая задача, къ достиженію которой природа принуждаетъ родъ человѣческій, есть достиженіе такого гражданскаго устройства, которое вполнѣ осуществило бы идею права. Это самая трудная задача, и она разрѣшится позднѣе другихъ. Но совершенное гражданское устройство можетъ быть достигнуто только при правильныхъ международныхъ отношеніяхъ. Между государствами существуетъ такой же антагонизмъ какъ и между отдѣльными людьми, и этимъ ан-

тагонизмомъ также пользуется природа, чтобы достигнуть своей цѣли. Посредствомъ войнъ, посредствомъ чрезмѣрныхъ и постоянныхъ приготовленій къ нимъ, посредствомъ бѣдствій, которымъ вслѣдствіе этого подвергается всякое государство даже во время мира, природа принуждаетъ сначала къ несовершеннымъ попыткамъ, а потомъ, послѣ многихъ переворотовъ и полнаго изнуренія силъ, приводитъ къ тому что̀ могло бы быть внушено простымъ разумомъ безъ горькаго опыта—къ замѣнѣ беззаконнаго состоянія достойнаго дикарей международнымъ союзомъ, въ которомъ даже самое маленькое государство могло бы разчитывать на свою безопасность и на уваженіе своихъ сосѣдей. Только при такомъ совершенномъ политическомъ устройствѣ могутъ вполнѣ развиться врожденныя человѣку способности и такимъ образомъ осуществиться цѣль природы, достигаемая исторіей человѣчества.

Изъ этого видно, что Кантъ обращалъ свое вниманіе преимущественно на юридическую сторону въ исторіи человѣчества. Это объясняется тѣмъ, что во время Канта вопросы о правахъ человѣка въ государствѣ, о значеніи и цѣли государства и т. д., не только обсуждались съ живымъ интересомъ въ литературѣ, но стали переходить прямо изъ области теоріи въ практическую жизнь, вслѣдствіе освобожденія американскихъ штатовъ и переворота произведеннаго французскою революціей. Мечта о такомъ состояніи международнаго права, которое сдѣлало бы невозможными всякія войны между людьми и водворило вѣчный миръ на землѣ, лелѣялась съ особенною любовью во второй половинѣ XVIII вѣка. Самъ Кантъ, во время Базельскаго мира, счелъ нужнымъ упрочить его своимъ трактатомъ о вѣчномъ мирѣ, въ которомъ онъ предлагалъ довольно наивныя средства, съ помощью которыхъ можно было бы достигнуть этого блаженнаго состоянія.

Философія Канта имѣла огромный успѣхъ въ Германіи. Но рѣзкая грань, которую Кантъ провелъ въ мірѣ, признавая всѣ явленія его только за отраженіе дѣйствительныхъ предметовъ въ зеркалѣ нашей субъективности, и считая невозможнымъ для человѣческаго разума проникнуть въ сферу этихъ дѣйствительныхъ предметовъ, наконецъ его раздѣленіе разума на теоретическій и практическій, — противорѣчили свойственнымъ человѣческой природѣ стремленіямъ къ единству міросозерцанія. Оттого система, которая явилась вслѣдъ за ученіемъ Канта и такъ-сказать выросла изъ него—идеалистическая философія, подѣйствовала на общество какъ электрическій ударъ, была привѣтствуема съ неописаннымъ восторгомъ и увлекла въ своемъ бурномъ потокѣ всѣ вехи, разставленныя осторожнымъ Кантомъ для того чтобъ онѣ служили путеводителями человѣческаго разума.

Ни одно отвлеченное ученіе не производило столь сильнаго дѣйствія на умы и не оказывало столь глубокаго вліянія на науку какъ идеалистическая философія въ Германіи. Поэзія и изящная литература, богословіе, государственныя и юридическія науки, даже естественныя науки и медицина, подпали на нѣкоторое время подъ ея вліяніе. Идеализмъ обѣщалъ разрѣшить противорѣчія, которыя лежатъ въ основаніи человѣческой природы, перекинуть мостъ изъ области субъективной въ обективную и примирить эмпирическую науку съ философіей. Съ полною довѣрчивостью принимало современное идеализму поколѣніе его заманчивыя обѣщанія и въ своемъ энтузіазмѣ не знало предѣловъ своимъ ожиданіямъ и надеждамъ. Идеализмъ, несмотря на короткое время своего процвѣтанія, пережилъ нѣсколько фазисовъ. Мы не можемъ здѣсь описывать ихъ и скажемъ только какимъ образомъ относились къ исторіи два главные представителя идеалистической философіи — Шеллингъ и Гегель.

Пока Шеллингъ находился подъ вліяніемъ Фихте, онъ отрицалъ возможность всякой философіи исторіи. Но потомъ, когда онъ выработалъ свою особенную философскую систему, онъ измѣнилъ свой взглядъ на исторію.

Надъ противоположностью міра субъективнаго и объективнаго, или реальнаго и идеальнаго, стоитъ, по мнѣнію Шеллинга, *абсолютное*, которое совмѣщаетъ въ себѣ и тотъ и другой. Вся природа, какъ и вся исторія человѣческаго духа, не что иное какъ откровеніе этого *абсолютнаго*,—откровеніе, которое происходитъ въ постепенномъ прогрессѣ. Всѣ явленія видимаго міра и всѣ историческія событія не что иное какъ различные ряды, въ которыхъ развивается абсолютный разумъ. Такъ какъ все что̀ существуетъ въ дѣйствительности—развитіе абсолютнаго разума, то мы вездѣ въ исторіи, особенно же въ исторіи человѣческаго духа, должны находить слѣды этого абсолютнаго разума, который только съ эмпирической или чисто практической точки зрѣнія будетъ

казаться Провидѣніемъ, устроившимъ, такъ-сказать, напередъ все такъ какъ оно происходитъ въ дѣйствительности. Поэтому мы въ состояніи найдти въ философіяхъ и религіяхъ прошедшихъ временъ какъ бы безсознательно и не вполнѣ развитымъ то что̀ у насъ развилось вполнѣ и сознательно, и намъ будетъ легко открыть въ этихъ памятникахъ древности наши идеи, то-есть выраженіе всеобщаго разума.

Въ своей философіи природы Шеллингъ пытался показать какимъ образомъ въ различныхъ явленіяхъ, силахъ и царствахъ природы проявлялось прогрессивное откровеніе абсолютнаго разума. Но онъ не сдѣлалъ того же самого для исторіи, не написалъ философіи исторіи, хотя онъ часто сопоставлялъ исторію съ природой, говорилъ, что она выражаетъ то же самое въ идеальномъ мірѣ что̀ природа въ реальномъ. Легко понять почему онъ долго не рѣшался приняться за философію исторіи. Природа представляетъ, по крайней мѣрѣ для человѣка, нѣчто опредѣленное, установившееся, такъ-сказать, замкнутый процессъ. Она поэтому даетъ возможность объяснить этотъ процессъ съ помощію уже достигнутаго результата, осмотрѣть всѣ пройденныя ступени съ послѣдней, на которой стоитъ человѣкъ. Въ исторіи же этотъ процессъ еще совершается, все находится въ движеніи, и нѣтъ еще никакого опредѣленнаго результата; потому всякая попытка объяснить этотъ процессъ слишкомъ будетъ носить на себѣ печать субъективнаго, произвольнаго толкованія, и слишкомъ подвержена опасности найдти опроверженіе себѣ въ слѣдующихъ за нею событіяхъ.

Шеллингъ однако не могъ удовлетворяться эмпирическою исторіей; онъ долженъ былъ желать примиренія реальнаго элемента въ исторіи, представляемаго массою событій, съ идеальнымъ, и онъ нашелъ это примиреніе въ искусствѣ.

Онъ различаетъ два способа эмпирической разработки исторіи. Первый заключается въ простомъ изслѣдованіи фактовъ, въ установленіи исторической истины. Второй состоитъ въ томъ, что историкъ группируетъ эмпирическій матеріялъ сообразно съ какою-нибудь субъективною цѣлію— или дидактическою, или политическою. Этотъ способъ обозначается у Шеллинга словомъ, смыслъ котораго былъ еще установленъ древними, и называется прагматическимъ. Такъ напримѣръ Полибій, который обстоятельно опредѣляетъ понятіе прагматизма, можетъ быть названъ прагматическимъ

историкомъ, такъ какъ онъ въ своемъ историческомъ сочиненіи преимущественно имѣлъ въ виду техническую сторону военнаго дѣла, или Тацитъ, такъ какъ онъ шагъ за шагомъ указываетъ въ исторіи паденія Римской имперіи послѣдствія деспотизма и порчи нравовъ.

„Современники наши, говоритъ Шеллингъ, считаютъ прагматизмъ высшимъ способомъ историческаго изложенія, и приписывая другъ другу это свойство, ставятъ его въ высшую заслугу. Но ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сочтетъ сочиненій вышеназванныхъ историковъ первоклассными, историческими произведеніями именно вслѣдствіе ихъ субъективности. Что же касается до прагматизма Нѣмцевъ, то къ нему большею частію можно примѣнить слова Фамулуса въ Гётевскомъ *Фаустѣ*:

„Was sie den Geist der Zeiten nennen
Das ist der Herren eigner Geist
In dem die Zeiten sich bespiegeln.“

„Въ Греціи самые благородные, самые зрѣлые и опытные люди принимались писать исторію и излагали ее неизгладимыми чертами. Въ Ѳукидидѣ, напримѣръ, сосредоточивается въ чудномъ образѣ все развитіе Перикловой эпохи. Въ Германіи, гдѣ исторія все болѣе и болѣе дѣлается предметомъ ремесла, принимаются за нее именно самыя бездарныя головы. Какое отвратительное зрѣлище, когда величественныя событія или характеры изображаются близорукимъ и ограниченнымъ человѣкомъ, особенно когда онъ силится быть умнымъ и думаетъ выказать свой умъ тѣмъ, что опредѣляетъ величіе различныхъ эпохъ и народовъ по одностороннимъ соображеніямъ, напримѣръ, по важности ихъ торговли, по тѣмъ или другимъ полезнымъ или вреднымъ нововведеніямъ, и вообще прилагаетъ ко всему высокому какъ можно болѣе мелкую мѣрку, или если такой писатель хочетъ доказать свой прагматизмъ тѣмъ, что щеголяетъ своими разсужденіями о событіяхъ и разукрашиваетъ свой матеріялъ пустыми риторическими фразами, напримѣръ, о постоянномъ прогрессѣ человѣчества и о томъ, какъ мы подъ-конецъ такъ далеко ушли!“

„А все-таки же нѣтъ ничего священнѣе исторіи, этого великаго зеркала міроваго духа, этой вѣчной поэмы божественнаго разума, и ничто не можетъ такъ легко пострадать отъ прикосновенія нечистыхъ рукъ.“

Прагматизмъ въ исторіи требуетъ, чтобы событія приводились въ связь другъ съ другомъ во имя какой-нибудь эмпирической необходимости, внесенной историкомъ. А такъ какъ исторія въ высшемъ своемъ значеніи должна быть независима и свободна отъ всякой субъективной примѣси, то ясно, что прагматическая точка зрѣнія въ исторіи не можетъ считаться высшею. Настоящая исторіографія основывается на синтезѣ даннаго и дѣйствительнаго съ идеальнымъ; но этотъ синтезъ не можетъ быть сдѣланъ посредствомъ философіи, такъ какъ послѣдняя совершенно уничтожаетъ дѣйствительность и вращается въ идеальномъ мірѣ. Исторія же должна совершенно вращаться въ дѣйствительности и въ то же время быть идеальною. Этого возможно достигнуть только посредствомъ искусства, которое не нарушаетъ дѣйствительности, но изображаетъ ее въ такомъ совершенствѣ и единствѣ, что она становится выраженіемъ высшихъ идей. Поэтому исторія, наука дѣйствительнаго, должна перенестись съ помощію искусства въ высшую сферу идеальнаго, и абсолютная точка зрѣнія въ исторіи—это точка зрѣнія историческаго искусства.

Разумѣется, что историкъ не можетъ изъ-за искусства измѣнять матеріялъ исторіи, ибо основный законъ ея—истина. Точно также онъ не можетъ пренебрегать дѣйствительною связью событій, но долженъ относиться къ этому какъ драматическій писатель. Въ драмѣ каждое отдѣльное дѣйствіе должно вытекать изъ предшествовавшаго и все вообще слѣдовать по необходимости изъ завязки, но послѣдовательность эта можетъ быть понята не эмпирически, а только изъ высшаго порядка вещей. Только тогда исторія достигаетъ полнаго своего совершенства, когда эмпирическія причины, удовлетворяя разсудокъ, въ то же время оказываются орудіями и средствами выраженія высшей необходимости. При такомъ изложеніи исторія не можетъ не произвести впечатлѣнія самой великой и достойной удивленія драмы, которая могла быть создана только безконечнымъ духомъ.

Искусство, особенно же драматическое, постоянно изображаетъ примиреніе необходимости и свободы, и это составляетъ въ драмѣ главный предметъ нашего интереса. Это тождество необходимости и свободы въ исторіи признается также философіей и религіей, ибо Провидѣніе не что иное какъ та мудрость, которая примиряетъ въ мірѣ свободу

человѣческую со всеобщею необходимостью. Исторія однако не должна стоять ни на философской, ни на религіозной точкѣ зрѣнія. Она должна будетъ изобразить это тождество такимъ образомъ, какимъ оно представляется въ дѣйствительности, то-есть въ образѣ непостижимой, совершенно объективной судьбы. Это не значитъ что историкъ долженъ постоянно говорить о судьбѣ, но она должна проявляться сквозь объективность его изложенія, какъ незримое, но вездѣ господствующее божество, подобно тому какъ мы это видимъ въ сочиненіяхъ Геродота и Ѳукидида.

Исторія должна быть разсматриваема какъ эпосъ, не имѣющій ни опредѣленнаго начала, ни опредѣленнаго конца. Такъ называемыя всеобщія исторіи ничему не научаютъ; это своды, въ которыхъ стирается все особенное и замѣчательное.

Настоящая всеобщая исторія должна бы была быть написана въ эпическомъ стилѣ, въ томъ духѣ, зачатки котораго мы видимъ въ Геродотѣ. Первыми образцами историческаго стиля были эпосъ и трагедія; ибо если всеобщая исторія, начало которой неизвѣстно какъ источники Нила, любитъ эпическую форму и полноту, то частная, напротивъ, должна группироваться около какого-нибудь средоточія подобно драмѣ. Но, кромѣ того, для историка трагедія должна быть настоящимъ источникомъ великихъ идей и возвышеннаго образа мысли, который ему такъ необходимъ.

Тотъ кто хочетъ сдѣлаться историкомъ, говоритъ Шеллингъ, долженъ имѣть исключительно въ виду великіе образцы древности, которые остались недостигнутыми. За исключеніемъ Гиббона, сочиненіе котораго поддерживается обширностью задачи и величіемъ важнаго переворота описаннаго имъ, хотя Гиббонъ не историкъ, а риторъ, существуютъ только національные историки, изъ числа которыхъ потомки будутъ называть только Маккіавелли и Іоганна Миллера.

Итакъ, хотя Шеллингъ допускалъ возможность философіи исторіи, онъ видѣлъ только въ искусствѣ настоящее средство чтобы согласовать эмпирическій матеріялъ исторіи съ идеями о свободной волѣ, о прогрессѣ, объ органическомъ развитіи, которыя необходимо вносятся человѣкомъ въ его понятіе объ исторіи. Поэтому Шеллингъ и не рѣшался сдѣлать для исторіи то что онъ въ своей философіи природы сдѣлалъ для природы, то-есть показать въ какихъ прогрессивныхъ ступеняхъ въ ней

исходитъ откровеніе абсолютнаго. Только во второй половинѣ своей жизни, когда онъ значительно измѣнилъ свою систему, онъ сдѣлалъ такую попытку для исторіи религіозныхъ вѣрованій человѣчества, и изложилъ свой взглядъ на нихъ въ *Философіи миѳологіи и откровенія*. Мы не коснемся этого сочиненія, потому что оно слишкомъ отвлекло бы насъ отъ нашей задачи, и перейдемъ къ тому философу, который сначала былъ послѣдователемъ Шеллинга, а потомъ началъ считать себя истиннымъ продолжателемъ оставленнаго Шеллингомъ дѣла, то-есть къ Гегелю.

Объясненіе Шеллинга, что природа и сфера духовной жизни представляютъ различныя ступени, въ которыхъ проявляется откровеніе абсолютнаго, было принято также и Гегелемъ. Но понятіе этого абсолютнаго имѣло у Шеллинга только отрицательное опредѣленіе, напримѣръ, что оно стоитъ выше противоположности субъективнаго и объективнаго и включаетъ въ себѣ и то и другое. Многіе современники обвиняли систему Шеллинга въ томъ, что она требуетъ отъ своихъ приверженцевъ особеннаго вдохновенія, что только съ помощію этого вдохновенія можно постигнуть его *абсолютное*. Самъ Шеллингъ сознавался, что философія подобно искусству можетъ быть достояніемъ только немногихъ избранныхъ. Гегель хотѣлъ вывести философію изъ этого исключительнаго положенія. Онъ втѣснилъ *абсолютное* въ узкую рамку логическаго понятія, и съ помощію логики и діалектики рѣшился устроить лѣстницу, по которой всякій могъ бы возвыситься до понятія абсолютнаго. Гегель не задумался собрать всѣ разнообразныя явленія физической и духовной жизни въ одну величественную цѣльную картину и отождествить различныя сферы природы и духовной жизни съ различными фазисами діалектическаго процесса, которому онъ подвергнулъ свое понятіе объ абсолютномъ. Въ эту картину вошло рѣшительно все что на землѣ можетъ привлечь на себя вниманіе человѣка, всѣ явленія природы отъ астрономическихъ до химическихъ и органическихъ, подъ именемъ субъективнаго духа всѣ явленія внутренней жизни человѣка, подъ именемъ объективнаго духа всѣ явленія общественной жизни, семейство, государство, право и нравственность, наконецъ, подъ именемъ абсолютнаго духа искусство, религія и философія. Въ этой энциклопедіи, конечно, должна была найдти себѣ мѣсто и

исторія, и Гегель изложилъ свой взглядъ на нее въ нѣсколькихъ курсахъ, читанныхъ имъ въ Берлинскомъ университетѣ и изданныхъ потомъ его учениками.

Гегель защищаетъ философію противъ обвиненія, что она вноситъ будто бы въ исторію чуждый ей элементъ, то-есть апріористическія положенія мышленія. Онъ утверждаетъ, что единственная мысль, которую философія вноситъ съ своей стороны въ исторію, это та, что разумъ управляетъ міромъ, а слѣдовательно и событіями исторіи. Это убѣжденіе относительно исторіи является предположеніемъ, которое потомъ должно оправдаться фактами; для философа же оно вовсе не предположеніе.

Мысль что разумъ управляетъ міромъ въ первый разъ высказалъ Анаксагоръ, и Аристотель по этому поводу сказалъ о немъ, что онъ былъ какъ трезвый между пьяными. Но Анаксагоръ не умѣлъ примѣнить эту мысль къ дѣйствительности. Платонъ жалуется на него, говоря, что онъ надѣялся найдти у него разумное объясненіе природы и указаніе цѣлесообразности въ ея цѣломъ и частяхъ, но вмѣсто разума нашелъ только внѣшнія причины, какъ воду, эѳиръ и проч. Позднѣе эта мысль приняла форму религіознаго представленія, что вселенная не подвержена произволу случайныхъ причинъ, но управляется Провидѣніемъ. Съ этою истиной, однако, случилось то же что съ мыслію Анаксагора: ее не примѣняли къ дѣйствительности, а довольствовались неопредѣленною вѣрой въ Провидѣніе. Анаксагоръ поступалъ такъ только потому что онъ не умѣлъ воспользоваться своею мыслію, люди же съ вѣрой въ Провидѣніе очень часто относились враждебно ко всякой попыткѣ раскрыть волю или планъ Провидѣнія. Въ мелочахъ или отдѣльныхъ случаяхъ, если, напримѣръ, кто-нибудь спасался отъ большой опасности, они допускали такое объясненіе, но отвергали всякую систематическую попытку постигнуть планъ Провидѣнія въ природѣ и исторіи, утверждая, что человѣкъ не въ силахъ познать Бога и Его волю. Между тѣмъ въ христіанской религіи божество открылось людямъ, слѣдовательно, имъ не только дана возможность, но на нихъ возложена и обязанность познавать божество. Доказать разумность исторіи—это истинная теодицея.

Міръ заключаетъ въ себѣ физическую и духовную природу. Духъ проявляется въ исторіи. Свойство его можно познать изъ

ше всего съ помощію полной противоположности его, то-есть матеріи. Сущность матеріи составляетъ притяженіе, сущность же духа — свобода. Притяженіе матеріи происходитъ отъ того, что она стремится къ одному центру. Матерія состоитъ изъ частичекъ или изъ отдѣльныхъ атомовъ, которые стремятся къ единству, слѣдовательно, стремятся къ самоуничтоженію. Еслибъ она достигла этого единства, она перестала бы существовать, перестала бы быть матеріей. Духъ же, напротивъ, имѣетъ свое средоточіе въ самомъ себѣ; его единство заключается въ немъ, а не находится внѣ его, какъ у матеріи. Въ этомъ заключается свобода духа. Ибо то что̀ находится въ отношеніи къ чему-нибудь другому, отличному отъ него, то зависитъ отъ него, не можетъ существовать безъ него. Но то что̀ не имѣетъ отношенія ни къ чему другому, а есть само-по-себѣ, то свободно. Духъ имѣетъ свое единство въ самомъ себѣ; это значитъ, что онъ сознаетъ себя. Въ самосознаніи заключается свобода духа. Духъ, вопервыхъ, сознаетъ себя, а вовторыхъ, знаетъ о томъ, что онъ себя сознаетъ. Въ самосознаніи и то и другое совпадаетъ. Поэтому духъ есть сознаніе самого себя и той дѣятельности, которою онъ приходитъ въ себя, то-есть достигаетъ самосознанія.

Какъ въ зернѣ уже заключается вся сущность растенія, вкусъ и форма его плодовъ, такъ и первые слѣды духа уже заключаютъ въ себѣ въ зародышѣ всю дальнѣйшую исторію. Восточные народы еще не знаютъ, что духъ или человѣкъ свободенъ, и оттого что они этого не сознаютъ, они и не свободны. Тамъ только *одинъ* свободенъ; свобода этого лица только произволъ, слѣпая страсть, направленіе которой къ добру или злу зависитъ отъ случая. У Грековъ зародилось сознаніе свободы, но они, какъ и Римляне, признавали только *нѣсколькихъ* свободными и не сознавали, что человѣкъ самъ-по-себѣ свободенъ. Этого даже и Платонъ, и Аристотель не знали. Оттого у Грековъ были рабы, и жизнь ихъ прекрасной свободы была случайнымъ, недолговѣчнымъ цвѣтомъ. „Только германскіе народы, говоритъ Гегель, пришли въ христіанствѣ къ сознанію, что человѣкъ какъ человѣкъ свободенъ, что свобода составляетъ сущность духа. Это сознаніе появилось сначала только въ самой сокровенной области духа — въ религіи; осуществленіе же принципа свободы составляетъ дальнѣйшую задачу человѣ-

чества, которая потребуетъ много тяжелыхъ и продолжительныхъ трудовъ. Поэтому можно сказать, что всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы, и познать этотъ прогрессъ въ его необходимомъ развитіи есть задача философіи исторіи.“

Средства, съ помощію которыхъ духъ достигаетъ своей цѣли, суть потребности, наклонности и страсти людей. Человѣкъ принимается только за то что̀ представляетъ для него какой-нибудь интересъ. Во всемъ, что̀ онъ дѣлаетъ, онъ имѣетъ въ виду какую-нибудь особенную, личную цѣль. Какъ бы ни была возвышенна его цѣль или та идея, во имя которой онъ дѣйствуетъ, нужно чтобъ эта идея имѣла для него интересъ, сдѣлалась его достояніемъ, нужно чтобъ онъ *усвоилъ* ее прежде чѣмъ начнетъ дѣйствовать въ ея пользу. Итакъ, можно сказать, что въ исторіи дѣйствуютъ только человѣческія страсти и личные интересы людей. Какимъ же образомъ въ этихъ частныхъ цѣляхъ осуществляется общая цѣль и въ безсознательныхъ дѣйствіяхъ людей развивается духъ къ самосознанію? Этотъ вопросъ можетъ быть выраженъ иначе и въ слѣдующей формѣ: какимъ образомъ свободная воля людей, выражающаяся въ ихъ дѣйствіяхъ, согласуется съ необходимостію, съ которою проявляется развитіе духа въ исторіи?

Разрѣшеніе этого вопроса составляетъ задачу логики и метафизики, и тамъ Гегель изложилъ основанія своего метода. Одно изъ основныхъ положеній этого метода заключается въ томъ, что понятіе, вслѣдствіе внутренней логической необходимости, переходитъ въ свое противоположное, осуществляется въ противоположномъ. Такъ, напримѣръ, человѣческій родъ осуществляется въ отдѣльныхъ людяхъ, общее понятіе въ частномъ. Но общее понятіе не находитъ въ частномъ явленіи своего полнаго осуществленія, а потому разрушаетъ его. Ни одинъ человѣкъ не вмѣщаетъ въ себѣ понятія цѣлаго рода; форма индивидуума недостаточна и потому обречена на конечность и гибель. Подобнымъ образомъ и свободный духъ, осуществляющій себя въ исторіи, проявляется въ своемъ противоположномъ, въ личныхъ интересахъ, частныхъ цѣляхъ и страстяхъ отдѣльныхъ людей, которые думаютъ, что они дѣйствуютъ только по внушенію своей свободной воли, но безсознательно осуществляютъ общія идеи.

Гегель поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ. Постройка дома представляетъ опредѣленную, замкнутую въ себѣ цѣль. Ей противоположны какъ средства матеріялы нужные для постройки дома—желѣзо, дерево, камень, и стихіи—вода, огонь, воздухъ. Строевой матеріялъ и стихіи должны служить общей цѣли: огонь, чтобы расплавить желѣзо, воздухъ, чтобы раздувать огонь, вода, чтобы распилить дерево и пр. Въ результатѣ выходитъ, что домъ, построенный съ помощію воздуха и воды, служитъ для того чтобы защищать отъ вѣтра, дождя и пр. Камни и балки повинуются закону притяженія, тѣснятъ другъ друга внизъ, и это даетъ возможность выстроить изъ нихъ твердыя высокія стѣны и своды. Итакъ стихіи, употребленныя сообразно съ своею природой, даютъ результатъ, которому они сами должны повиноваться. Подобнымъ образомъ человѣческія страсти, ища себѣ удовлетворенія и дѣйствуя сообразно съ своимъ назначеніемъ, воспроизводятъ зданіе человѣческаго общества, въ которомъ они подчиняются идеямъ порядка и права.

Люди, дѣйствующіе по внушенію своихъ страстей, имѣютъ въ виду личныя цѣли; но такъ какъ они одарены способностію познавать и мыслить, то въ ихъ цѣли часто входятъ различныя существенныя нормы права, долга, добродѣтели. Въ частной жизни нетрудно знать эти нормы; онѣ большею частію опредѣлены законами государства или обычаями той среды, въ которой живетъ человѣкъ. Другое мы видимъ на поприщѣ исторіи. Тутъ могутъ произойдти столкновенія между существующими, признанными правами и обязанностями и между новыми, которыя противоположны старой системѣ, разрушаютъ ее, но въ то же время представляютъ другія выгодныя и необходимыя стороны. То что̀ было прежде только возможнымъ, съ теченіемъ времени осуществляется, дѣлается историческимъ фактомъ. Этотъ новый порядокъ включаетъ въ себѣ другую общую идею чѣмъ та, которая составляла основаніе стараго. Люди, въ частныхъ цѣляхъ которыхъ заключался этотъ новый моментъ исторіи, называются историческими людьми.

Сюда, напримѣръ, относится Цезарь; онъ подвергался опасности потерять свое высокое положеніе въ государствѣ. Его враги, которые хотѣли вытѣснить его, преслѣдовали личныя цѣли, но они имѣли за себя формальную законность. Цезарь сражался за свой личный интересъ, и побѣда надъ врагами

вручила ему власть надъ всею имперіей; но этотъ переходъ отъ республики къ имперіи былъ необходимымъ моментомъ въ исторіи Рима и древняго міра. Такимъ образомъ личный интересъ Цезаря совпалъ съ историческою необходимостію.

Великіе люди въ исторіи именно тѣ, частныя цѣли которыхъ совпадаютъ съ цѣлями исторіи. Ихъ можно назвать героями, ибо они почерпаютъ свое призваніе не изъ стараго, освященнаго временемъ, порядка, а изъ источника, который еще не обнаружился, но бьется наружу и разрушаетъ окружающую его скорлупу. Они такимъ образомъ черпаютъ какъ будто изъ себя, и новый порядокъ, осуществляемый ими, кажется ихъ собственнымъ, личнымъ дѣломъ. Ихъ можно также назвать практическими людьми, ибо они понимаютъ потребности своего времени. Ихъ оправданіе заключается въ томъ, что они понимаютъ слѣдующій необходимый моментъ исторіи и со всею энергіей предаются осуществленію его. Оттого они передовые люди своего времени; рѣчи и дѣйствія ихъ составляютъ лучшее достояніе этого времени. Они доводятъ до общаго сознанія то что̀ безсознательно лежитъ въ душѣ ихъ современниковъ. Послѣдніе слѣдуютъ за ними какъ за вождями, потому что чувствуютъ неотразимую силу своего собственнаго духа, который олицетворился предъ ними.

„Судьбу этихъ историческихъ людей, говоритъ Гегель, нельзя назвать счастливою. Наслажденіе не дается имъ въ удѣлъ; вся жизнь ихъ заключается въ трудѣ и бываетъ истощаема страстью. Они рано умираютъ какъ Александръ, или дѣлаются жертвой убійцъ какъ Цезарь, или ихъ отправляютъ на островъ Св. Елены.“

Гегель вооружается противъ такъ-называемаго психологическаго метода въ исторіи. Въ немъ все сводится на мелкія, личныя причины. Герои дѣйствовали по внушенію страсти, слѣдовательно были безнравственными людьми. Александръ завоевалъ Азію, оттого что имѣлъ страсть къ завоеваніямъ, къ славѣ, слѣдовательно, онъ не былъ нравственнымъ человѣкомъ. Историки-психологи любятъ придираться къ особенностямъ характера и частной жизни великихъ людей. Гегель примѣняетъ къ этимъ психологамъ пословицу, что для камердинера нѣтъ героя.

Личные интересы тѣхъ людей, съ помощію которыхъ осуществляются историческія идеи, часто остаются неудовлетв-

творенными. Гегель называетъ это хитростію историческаго разума, который заставляетъ работать за себя этихъ людей, бороться другъ съ другомъ и погибать въ этой борьбѣ. Идея платитъ дань времени и исторіи не собой, а страстами тѣхъ, которыхъ она употребляетъ какъ свое орудіе. Человѣкъ, однако, долженъ быть разсматриваемъ въ исторіи не только какъ средство, но и какъ цѣль. Даже самый простой организмъ съ формальной стороны служитъ самъ себѣ цѣлью, жизнь же человѣка и по своему содержанію можетъ быть сама-по-себѣ цѣлью, насколько въ ней воплощается нравственность и религія, которыя сами суть выраженіе міроваго разума. Самое простое орудіе должно находиться въ какомъ-нибудь отношеніи къ цѣли, которая черезъ него достигается; тѣмъ болѣе тѣсна должна быть эта связь между цѣлью и средствомъ въ человѣкѣ, орудіи міроваго разума. Съ этой-то стороны человѣкъ не только средство, но и цѣль самъ-по-себѣ.

Человѣкъ склоненъ находить противорѣчіе между дѣйствительностію и тѣмъ что̀, по его мнѣнію, *должно* было бы быть, или идеаломъ. Если эти идеалы плодъ личныхъ соображеній и желаній, то о нихъ не сто́итъ говорить; но они бываютъ основаны на требованіяхъ разума и истины. Поэты, какъ Шиллеръ, выражали очень трогательно и съ чувствомъ глубокой грусти, что эти идеалы не могутъ быть осуществляемы. На это можно возразить, что такъ какъ всеобщій разумъ осуществляется въ исторіи, то не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія частностямъ; послѣднія подвержены случаю и могутъ быть предметомъ осужденія. Такое субъективное осужденіе очень легко. Ибо гораздо легче замѣтить недостатки въ отдѣльныхъ людяхъ, въ государствѣ или въ общемъ ходѣ исторіи, чѣмъ вникнуть въ ихъ дѣйствительное значеніе. При такомъ отрицательномъ осужденіи критикъ принимаетъ важный видъ, какъ будто онъ стоитъ высоко надъ осуждаемымъ предметомъ, а между тѣмъ онъ не вникъ въ него, не понялъ его положительнаго значенія.

Старость вообще дѣлаетъ снисходительнѣе; юноши всегда недовольны. Старость обладаетъ зрѣлостію сужденія; она не изъ равнодушія примиряется со зломъ, но, наученная опытомъ жизни, она возвышается до способности сознавать существенное и прочное. Философія, въ противоположность тѣмъ идеаламъ, должна, по мнѣнію Гегеля, привести къ сознанію, что дѣйствительный міръ именно таковъ какъ онъ

долженъ быть, что истинное благо и общій разумъ имѣютъ силу осуществить себя въ дѣйствительности. Это благо, этотъ разумъ, въ самомъ своемъ конкретномъ представленіи, есть Богъ. Богъ управляетъ міромъ; исполненіе Его плана—исторія міра. Этотъ-то планъ хочетъ постигнуть философія, ибо только то что̀ изъ него вытекаетъ — дѣйствительно, что̀ несообразно съ нимъ — непрочно. При ясномъ свѣтѣ божественной идеи, міръ перестаетъ казаться безумнымъ, безсмысленнымъ процессомъ. Философія хочетъ познать содержаніе, сущность божественной идеи и оправдать презрѣнную дѣйствительность. Ибо разумъ есть разумѣніе божественнаго дѣла.

Послѣ средствъ нужно еще разсмотрѣть матеріалъ, въ которомъ осуществляется разумъ. Этотъ матеріалъ—тѣ же потребности людей, та же личная, субъективная ихъ воля. Въ человѣческомъ сознаніи и въ его волѣ осуществляется міровой разумъ. Примиреніе личной и разумной воли осуществляется въ государствѣ. Государство есть единство субъективной и всеобщей воли. Человѣкъ достигаетъ свободы и нравственнаго значенія только въ государствѣ. Ибо въ государствѣ, въ подчиненіи личной воли законамъ, теряется противоположность между свободой и необходимостію. Человѣкъ, воспринимая въ себя общую, разумную волю, становится свободенъ и повинуется только самому себѣ. Оттого государство есть нравственное цѣлое, и существованіе его составляетъ абсолютный интересъ разума. Исторія занимается только тѣми народами, которые жили государственною жизнью. Государство, по ученію Гегеля, есть само-по-себѣ цѣль, оно есть осуществленіе на землѣ божественной идеи, реализація свободы.

Совокупность всѣхъ различныхъ сторонъ народной жизни, религіи, образа правленія, искусства, Гегель называетъ духомъ народа. Каждый историческій народъ, въ своей индивидуальности, составляетъ моментъ въ развитіи исторіи. Исторія есть осуществленіе духа во времени, какъ природа—осуществленіе его въ пространствѣ. Въ исторіи онъ осуществляется сознательно, и эта сознательность составляетъ его свободу. Онъ осуществляется постепенно, и эти ступени называются моментами развитія. Чтобы быть въ состояніи указать эти моменты духа, нужно быть знакомымъ съ его понятіемъ. Дѣло логики показать какъ понятіе развивается

вслѣдствіе внутренней діалектической необходимости, а философія духа должна опредѣлить понятіе духа и объяснить необходимые моменты его развитія. Такое апріористическое знакомство съ принципомъ необходимо. И Кеплеръ былъ a priori знакомъ съ свойствомъ эллипсовъ, квадратовъ и кубовъ, когда онъ изъ эмпирическихъ данныхъ астрономіи извлекъ свои вѣчные законы. Тотъ, кто не имѣлъ бы этихъ апріористическихъ свѣдѣній, могъ бы долго всматриваться въ звѣзды и не открылъ бы Кеплеровыхъ законовъ.

Историческіе моменты смѣняютъ другъ друга, и смѣна составляетъ принципъ исторіи. Жизнь смѣняется смертью, но изъ смерти возникаетъ новая жизнь. Уже восточные народы постигли эту мысль, и она была высшею истиной ихъ метафизики. Они выражали ее въ представленіи феникса, который постоянно самъ себѣ приготовляетъ костеръ и сожигаетъ себя, но изъ пепла котораго возникаетъ новая, свѣжая жизнь. Это представленіе—восточное, азіятское. Представленіе западныхъ народовъ возвышеннѣе. Духъ, разрушая формы своего существованія, не ограничивается переходомъ въ новую форму, но воспринимаетъ въ себя прежнюю, перерабатываетъ ее въ себѣ и является въ высшей формѣ. Прежній моментъ его существованія становится матеріяломъ или ступенью для слѣдующаго и такъ далѣе, и это постепенное развитіе духа есть прогрессъ.

Мысль человѣка есть та сила, которая подтачиваетъ отживающія историческія формы. Когда народъ достигъ своей зрѣлости, когда идея, олицетворенная въ его исторіи, успѣла, такъ сказать, совершенно выясниться, тогда начинается отвлеченная работа мысли. Народъ начинаетъ сознавать идею своей исторіи, она чрезъ это какъ бы отдѣляется въ его сознаніи, становится предметомъ обсужденія. Въ это время въ народной жизни происходитъ раздвоеніе на реальное и идеальное существованіе. Такъ съ идеальнымъ существованіемъ Грековъ мы можемъ познакомиться у Софокла и Аристофана, Ѳукидида и Платона. Въ этихъ индивидуумахъ духъ греческаго народа достигъ самосознанія. Въ это время мысль стремится къ обобщенію, она подвергаетъ обсужденію все что̀ было непосредственно дано народною жизнью—вѣру, обычаи, образъ правленія, указываетъ на ихъ недостатки и разрушаетъ довѣріе къ нимъ. Это время распаденія цѣлаго, обособленія личностей, развитія эгоизма и тщеславія, и удовлетворенія личныхъ потребностей на счетъ цѣлаго. Затѣмъ слѣдуетъ изнеможеніе силъ, и народъ умираетъ естественною смертью. Онъ при этомъ можетъ продолжать существовать, но это существованіе его, безъ потребностей и интересовъ, безжизненно и скучно и политически ничтожно. Только такіе народы, которые уже умерли естественною смертью, могутъ потомъ подвергнуться насильственной смерти, какъ напримѣръ нѣмецкіе свободные города и нѣмецкая имперія.

Или же прежній принципъ замѣняется новымъ, и народъ воскресаетъ къ новой, болѣе богатой жизни. Такимъ образомъ и вообще одинъ историческій моментъ смѣняется другимъ, одинъ народъ уступаетъ мѣсто другому. Для философіи исторіи нѣтъ прошедшаго, для нея все вѣчно въ настоящемъ. Прошедшее для нея не потеряно, ибо духъ безсмертенъ, и каждый моментъ его вмѣщаетъ въ себѣ всѣ прежніе моменты.

Исторія идетъ съ востока на западъ. На востокѣ восходитъ солнце, а заходитъ оно на западѣ, за то здѣсь восходитъ внутренній свѣтъ самосознанія. Всемірная исторія есть воспитаніе необузданной естественной воли къ разумности и къ субъективной свободѣ. Нужно отличать субъективную свободу отъ субстанціальной. Вторая заключается въ томъ, что законы кажутся человѣку вѣчными и неизмѣнными, и что онъ относится къ нимъ съ полнымъ раболѣпіемъ. Люди въ этомъ состояніи походятъ на дѣтей, которыя повинуются родителямъ, не имѣя собственной воли и собственнаго разума. Такое-то состояніе мы видимъ на востокѣ. Въ восточныхъ государствахъ, съ ихъ внѣшнимъ великолѣпіемъ, личность исчезаетъ, и субъективная воля находится къ цѣлому въ отношеніи полнаго довѣрія и повиновенія. Все вращается около одного средоточія, около государя, который стоитъ во главѣ государства какъ патріархъ. На немъ лежитъ обязанность охранять исконный порядокъ и блюсти за общественною нравственностью. То что̀ у насъ дѣлается по свободной волѣ, тамъ проистекаетъ изъ зависимости отъ общаго цѣлаго и подчиненія общему строю. На востокѣ мы видимъ два рода государствъ. Съ одной стороны, Китай, царство нерушимости, царство пространства, а не времени, основанное на семейномъ бытѣ и на отеческомъ управленіи, которое поддерживаетъ его своими попеченіями, наставленіями и наказаніями. Этому царству прозы противоположны государства, которыя, не измѣняясь

въ принципѣ, быстро смѣняютъ другъ друга, и своими безпрестанными столкновеніями влекутъ другъ друга къ ранней гибели. И тутъ собственно еще нѣтъ мѣста исторіи, ибо эти смѣны одного государства другимъ повторяются въ вѣчномъ однообразіи. Затѣмъ исторія переходитъ въ Грецію, гдѣ впервые возникаетъ индивидуальность. Въ Греціи нравственное начало вытекаетъ изъ индивидуальности, основано на свободной волѣ лица. Поэтому, мы здѣсь видимъ примиреніе элемента нравственнаго и субъективнаго. Греческій міръ— царство *прекрасной свободы*. Идея существуетъ здѣсь не въ отвлеченности, но въ непосредственной связи съ дѣйствительностью, подобно тому какъ въ художественномъ произведеніи матеріялъ носитъ на себѣ отпечатокъ духовнаго. Греція поэтому царство истинной гармоніи, міръ чуднаго, но быстро увядающаго цвѣтенія. Въ ней господствуетъ наивная, еще безсознательная нравственность, потому что индивидуальная воля субъекта еще не отдѣляется отъ общей нормы законнаго и обычнаго. Индивидуумъ находится въ непосредственномъ единствѣ съ общими интересами. То что на востокѣ распадалось на двѣ крайности, на господство субстанціи и исчезающія предъ ней единицы, здѣсь находится въ согласной гармоніи.

Третій моментъ составляетъ Римская имперія: съ нея начинаетъ возникать отвлеченное понятіе государства, которому приносятся въ жертву свободные индивидуумы. Римская имперія уже не царство индивидуумовъ, какъ были Аѳины, ея цѣль — не веселье и наслажденіе, а суровый, тяжелый трудъ. Отвлеченное цѣлое поглащаетъ въ себѣ индивидуумы, за то послѣдніе пріобрѣтаютъ личность, становятся юридическими лицами. Та же судьба, которой подвергались индивидуумы, постигаетъ народныя индивидуальности; ихъ конкретные образы поглащаются массой и исчезаютъ въ ней. Римъ становится пантеономъ всего духовнаго міра. Но бремя деспотизма начинаетъ давить все сильнѣе и сильнѣе; въ своемъ горѣ человѣкъ отталкиваетъ отъ себя міръ, овнутреняется и ищетъ примиренія въ самомъ себѣ. Въ христіанствѣ онъ находитъ это примиреніе: свѣтской имперіи противополагается царство небесное, духовное, міръ сознающей себя субъективности.

Четвертый моментъ исторіи — германскій міръ. Онъ начинается съ достигнутаго въ христіанствѣ примиренія; но это примиреніе, говоритъ Гегель, было совершено только чисто

внѣшнимъ образомъ, поэтому тотчасъ раскрывается разладъ между религіознымъ, духовнымъ принципомъ и варварскою дѣйствительностью, а позднѣе между духовною и свѣтскою властью; послѣдняя должна уступить первой, но духовная власть послѣ побѣды сама погружается въ мірскія дѣла и вмѣстѣ съ своимъ назначеніемъ утрачиваетъ свое могущество. Изъ этого паденія церкви вырабатывается посредствомъ реформаціи высшая форма разумной мысли, духъ становится способнымъ осуществлять разумное и съ помощію свѣтскаго принципа. Противоположность между церковью и государствомъ исчезаетъ; духъ примиряется съ дѣйствительностью и преобразуетъ ее въ органическое цѣлое. Государство не уступаетъ болѣе церкви, не подчинено ей. Духовная свобода нашла возможность осуществить себя на землѣ, и это-то и составляетъ цѣль всемірной исторіи.

По этой краткой программѣ Гегелевской философіи исторіи нельзя составить себѣ достаточно полнаго понятія о ней и вообще къ ней можно отнести то же что должно сказать о художественныхъ произведеніяхъ, то-есть, что полное понятіе о нихъ даетъ только личное знакомство съ ними. Послѣднее, конечно, сопряжено съ большими трудностями: нужно познакомиться съ философскою системой Гегеля, чтобы понять идею, положенную имъ въ основаніе исторіи; нужно при самомъ чтеніи пробиваться съ извѣстнымъ напряженіемъ сквозь его философскій жаргонъ; но общая картина исторіи, начертанная Гегелемъ, грандіозна, и это можетъ вознаградить за трудъ. Правда, кто будетъ искать въ философіи исторіи Гегеля фактической истины, или критическаго изслѣдованія ея, тотъ останется очень неудовлетвореннымъ. Гегель въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ какъ художникъ, который группируетъ предметы въ своей картинѣ и набрасываетъ на нихъ свѣтъ или тѣнь, сообразуясь не съ важностью, которую они имѣютъ въ практической или дѣйствительной жизни, а съ художественною идеей, которую онъ хочетъ воспроизвести. Для Гегеля историческія событія и дѣятели имѣютъ значеніе настолько, насколько они служатъ воплощеніемъ той идеи, которую онъ вложилъ въ исторію; поэтому онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ долженъ былъ впасть въ натяжки и односторонніе сужденія. Но никогда до него не было высказано такого возвышеннаго взгляда на исторію, никогда масса ея разнородныхъ событій не была приведена въ такое стройное цѣлое.

IV.

Мы теперь можемъ коснуться вопроса о вліяніи, которое имѣла философія исторіи вообще на историческую науку. Чтобы быть справедливымъ въ обсужденіи этого вопроса нужно различить непосредственное ея вліяніе отъ косвеннаго. Непосредственное вліяніе философіи на исторію было вредное, и причину этого нетрудно объяснить. Вездѣ, гдѣ какъ въ искусствѣ или въ философіи, требуются особенныя личныя способности, извѣстное творчество, которое не можетъ быть передано другимъ, подражаніе дѣйствуетъ вредно. Ученики перенимаютъ только манеру своего учителя, извѣстные внѣшніе пріемы его, и то что давало ему характеръ оригинальности или стояло въ связи съ другими лучшими свойствами его, у нихъ становится преобладающимъ недостаткомъ. Изъ философіи исторіи многіе ученики вышеназванныхъ философовъ вынесли только крайнюю субъективность, пренебреженіе къ факту, поспѣшность въ выводахъ и страсть къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Философіей Шеллинга воспользовались прежде всего католичествующая партія въ Германіи и мистики. Ученіе о томъ, что человѣчество въ началѣ своей исторіи обладало высшею истиной, которую оно потомъ утратило, что воспоминаніе о ней и слѣды первоначальной культуры можно найдти у каждаго варварскаго народа, и высокое значеніе, которое Шеллингъ вслѣдствіе этого взгляда придавалъ языческимъ мистеріямъ,—для однихъ послужили средствомъ чтобы провести въ исторію мистическій взглядъ, а для другихъ — чтобъ употреблять ее какъ орудіе въ пользу политической реакціи. Теперь нужно отыскивать въ пыли библіотекъ тѣ странныя книги, носящія на заглавномъ листѣ имя Мюнхена или Мюнстера, въ которыхъ какъ солнце въ мутной водѣ отразилось величественное ученіе Шеллинга.

Философія Шеллинга имѣла также сильное вліяніе на романтическую школу въ Германіи. Въ искусствѣ и литературѣ романтизмъ принесъ большую пользу. Онъ доставилъ имъ новые сюжеты и исполнилъ ихъ свѣжей творческой силы. Нельзя также не признать полезнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на нѣкоторыя науки. Романтизмъ возбудилъ живой интересъ къ народной поэзіи, къ *лингвистикѣ*, къ изу-

ченію исторіи отечественнаго языка, и привелъ къ болѣе вѣрному пониманію средневѣковой жизни. Но въ общественныхъ наукахъ и въ практической жизни онъ имѣлъ дурное вліяніе. Романтики отыскивали свои идеалы въ прошедшемъ, но такъ какъ эти идеалы были преимущественно плодомъ ихъ собственной фантазіи, то они ради ихъ искажали прошедшее и представляли его, сознательно и безсознательно, въ ложномъ поэтическомъ свѣтѣ. По этимъ идеаламъ они хотѣли преобразить настоящее, и видѣли въ наукѣ главное средство для достиженія своей цѣли.

Въ исторической литературѣ самые замѣчательные представители романтизма были Фридрихъ Шлегель и Гёрресъ.

У Фридриха Шлегеля была чрезвычайно даровитая, воспріимчивая, но увлекающаяся натура. Онъ былъ поэтомъ, эстетикомъ, философомъ, а подъ конецъ жизни сдѣлался также историкомъ. Въ первой своей молодости онъ былъ восторженнымъ приверженцемъ Шиллера и Гёте, находился подъ вліяніемъ Шеллинга и съ жаромъ изучалъ греческую литературу. Но потомъ онъ примкнулъ къ романтической школѣ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ ея представителей. Онъ принялъ въ послѣдствіи католическую вѣру и переселился въ Вѣну, гдѣ подъ эгидой князя Меттерниха онъ прославлялъ на лекціяхъ и въ сочиненіяхъ средневѣковые порядки и Священный Союзъ.

Древнія сказанія и мечты о золотомъ вѣкѣ, о первобытномъ счастливомъ состояніи человѣчества, ожили съ новою силой въ концѣ прошлаго столѣтія; они находили себѣ богатую пищу, съ одной стороны, въ политическихъ теоріяхъ Руссо и его послѣдователей, а съ другой—въ изученіи восточныхъ языковъ и ихъ литературы. Извѣстія о томъ, что въ Индіи найдены древнѣйшіе религіозные памятники человѣческаго рода, открытъ языкъ, отъ котораго произошли всѣ остальные, возбудили самыя смутныя и смѣлыя ожиданія. Возникли толки о первоначальномъ народѣ (Urvolk), который находился въ непосредственномъ общеніи съ божествомъ, и которому было извѣстно все что составляетъ загадку для теперешняго человѣчества. Эти толки имѣли чарующую и обаятельную силу для многихъ людей того времени. Философія Шеллинга придала этой теоріи глубокій смыслъ и способствовала ея распространенію. Какъ приверженецъ Шеллинга, Шлегель усвоилъ себѣ эту теорію, въ послѣдствіи

работы его брата, Августа-Вильгельма Шлегеля, по санкритской литературѣ еще болѣе побуждали его отыскивать въ преданіяхъ восточныхъ народовъ ключъ къ пониманію исторіи. Въ противоположность философскому ученію о вѣчномъ прогрессѣ въ исторіи, онъ выставилъ теорію, что исторія человѣчества не что иное какъ медленное возвращеніе къ утраченному идеальному состоянію. „Ученіе о способности человѣка къ безграничному совершенствованію, говоритъ Шлегель, должно нравиться человѣку и имѣетъ свою долю истины. Но философія исторіи, основанная на этомъ ученіи, не имѣетъ ни настоящаго начала, ни конца, ибо безконечный прогрессъ не можетъ быть названъ опредѣленною, положительною цѣлью.“ Отъ теоріи безконечнаго прогресса, по мнѣнію Шлегеля, легко перейдти къ ученію, что человѣческій родъ началъ свое развитіе съ самой низкой степени, со степени животнаго, ко взглядамъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ человѣка съ обезьяной и называютъ его видомъ породы обезьянъ. „Исчисливъ, говоритъ Шлегель, анатомическіе признаки этого человѣка-обезьяны, они прибавляютъ еще одинъ отличительный признакъ—способность быть членомъ конституціоннаго государства (Constitutionsfähig). Такимъ образомъ человѣкъ былъ бы не чѣмъ инымъ какъ „либеральною обезьяной,“ и хотя мы вовсе не желаемъ противорѣчить приверженцамъ этого мнѣнія, что человѣкъ дѣйствительно до извѣстной степени можетъ сдѣлаться либеральною обезьяной, мы все-таки утверждаемъ, что ни исторія, ни естественныя науки, не даютъ права видѣть въ человѣкѣ развившуюся и облагородившуюся породу обезьянъ.“

Хотя въ литературѣ еврейскаго народа сохранились самыя вѣрныя и полныя свидѣтельства о первоначальныхъ судьбахъ рода человѣческаго, но у всѣхъ древнихъ историческихъ народовъ, говоритъ Шлегель, можно найдти болѣе или менѣе искаженныя извѣстія о томъ же самомъ предметѣ. Въ литературѣ, въ преданіяхъ, въ обычаяхъ всѣхъ древнихъ народовъ, отъ Китайцевъ до Грековъ, Шлегель отыскивалъ искаженные слѣды первоначальной истины, причемъ онъ впадалъ въ большія натяжки.

Неохотно останавливается Шлегель на блестящихъ страницахъ древней исторіи, и спѣшитъ къ своему политическому идеалу, средневѣковому обществу. Самая высокая историческая личность, по его мнѣнію, Карлъ Великій, первый

истинно христіанскій императоръ. При Карлѣ Великомъ было положено основаніе тому величественному средневѣковому зданію, которое осуществилось только въ самыхъ грубыхъ очертаніяхъ, но которое было политическимъ идеаломъ нѣсколькихъ столѣтій и вдохновило величайшаго поэта среднихъ вѣковъ. „Нужно читать Данта, говоритъ Шлегель, чтобы понять какое магическое вліяніе производила на средневѣковаго человѣка мысль о братскомъ соединеніи всѣхъ народовъ подъ рукою одного христіанскаго императора, намѣстника Божія, недоступнаго человѣческимъ порокамъ и страстямъ, потому что ему ничего не оставалось желать.“

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого политическаго идеала было соперничество между императорами и папами, которое имѣло чрезвычайно гибельныя послѣдствія.

Шлегель не замѣчалъ явнаго противорѣчія между его ученіемъ о постепенномъ возстановленіи посредствомъ исторіи утраченнаго человѣчествомъ идеальнаго состоянія и тѣмъ обстоятельствомъ, что его политическій идеалъ — средневѣковое общество принадлежалъ прошедшему. Онъ не скрывалъ своей антипатіи къ реформаціи, которая нарушила прежнюю гармонію въ христіанскомъ мірѣ. Но онъ находилъ утѣшеніе въ слѣдующемъ соображеніи: когда въ человѣческое тѣло войдетъ какой-нибудь ядъ, то для него лучше если этотъ ядъ сосредоточится въ какомъ-нибудь одномъ членѣ, которымъ можно пожертвовать, чѣмъ если онъ распространится по всему тѣлу. Подобно тому и реформація принесла менѣе вреда въ тѣхъ странахъ гдѣ она открыто выразилась, чѣмъ тамъ гдѣ она была насильственно подавлена, какъ напримѣръ во Франціи, гдѣ она дѣйствовала скрытно и наконецъ вызвала раціонализмъ XVIII вѣка и французскую революцію. За этимъ несчастнымъ временемъ должно послѣдовать возобновленіе. Начало этому возобновленію уже положено Священнымъ Союзомъ, цѣль котораго—основать государственную жизнь на христіанскомъ принципѣ братства и любви.

Мечтанія Фридриха Шлегеля получаютъ въ нашихъ глазахъ особенное значеніе, если мы вспомнимъ въ какое время и въ какой средѣ они появились. Въ началѣ нашего столѣтія политическая реакція, послѣдовавшая за французскою революціей и войнами за освобожденіе, и романтизмъ въ литературѣ и философіи подали другъ другу руку и оказали сильное вліяніе на науку и общество. Образовалась многочисленная

партія, которая отыскивала свои идеалы въ прошедшемъ и старалась на основаніи этихъ идеаловъ пересоздать науку. Такія замѣчательныя личности какъ Адамъ Мюллеръ и Галлеръ проводили романтическія идеи въ политической экономіи и государственныхъ наукахъ, и среди этихъ попытокъ получала особенный смыслъ романтическая картина исторіи, написанная талантливою рукой Шлегеля. Съ гораздо меньшимъ умѣніемъ взялся за свое дѣло сподвижникъ Шлегеля— Гёрресъ. Воспитанный въ концѣ прошлаго столѣтія въ школахъ бывшаго курфиршества Трирскаго, онъ получилъ очень поверхностное образованіе, брался въ послѣдствіи за изученіе самыхъ разнообразныхъ предметовъ, и какъ всѣ самоучки отличался необыкновенною самоувѣренностью и рѣзкостью въ мнѣніяхъ. Когда войска Французской республики появились на Рейнѣ, онъ привѣтствовалъ ихъ съ энтузіазмомъ и сдѣлался ревностнымъ распространителемъ демократическихъ и революціонныхъ идей. Но вскорѣ французское владычество и политическая пропаганда опротивѣли ему, и онъ принялся за изученіе миѳологіи и народной поэзіи у Персовъ и Германцевъ. Когда Германія освободилась отъ Французовъ, Гёрресъ сталъ вести жаркую литературную борьбу съ прогрессивными и отчасти бюрократическими тенденціями прусскаго правительства. Прежній демократизмъ сталъ уживаться въ немъ съ романтизмомъ и ультрамонтанствомъ. Онъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ жаромъ сталъ защищать преобладаніе церкви надъ государствомъ и наконецъ занялъ почетное мѣсто въ той партіи, которая старалась воскресить католическую старину новыми средствами, выставляя на видъ демократическія тенденціи. Главнымъ лагеремъ той партіи въ тридцатыхъ годахъ былъ Мюнхенъ. Послѣ Максимиліана I, придерживавшагося преданій Наполеоновскаго времени, вступилъ на Баварскій престолъ Лудовикъ I, склонный къ тенденціямъ романтизма. Ультрамонтанская партія съ восторгомъ привѣтствовала это вступленіе, и вскорѣ Мюнхенъ сдѣлался оборнымъ пунктомъ нѣмецкихъ, французскихъ и польскихъ ультрамонтановъ, которые обсуждали тамъ свои космополитическіе планы. Гёрресъ былъ приглашенъ въ Мюнхенскій университетъ профессоромъ исторіи и до конца своей жизни былъ главнымъ ораторомъ своей партіи. Въ своемъ введеніи къ курсу исторіи, читанномъ въ 1830 году, онъ бросилъ перчатку протестантской наукѣ въ Германіи и вмѣстѣ съ нею вообще всякой здравой наукѣ. Мы не будемъ долго останавливаться на его введеніи и замѣтимъ только, что онъ видитъ въ исторіи постоянную борьбу двухъ началъ, добраго и злаго. Чтобъ охарактеризовать его историческій методъ достаточно привести его раздѣленіе исторіи. Онъ называетъ исторію величественнымъ эпосомъ слова Божія, распадающимся на 36 пѣсней. Число 36 онъ получилъ слѣдующимъ образомъ. Три главныя событія стоятъ на грани историческихъ эпохъ: сотвореніе человѣка, потопъ и искупленіе человѣчества Іисусомъ Христомъ. Каждая изъ историческихъ эпохъ распадается на шесть періодовъ. Такимъ образомъ шесть эпохъ предшествовали сотворенію человѣка,—это шесть дней творенія; шесть періодовъ прошли между сотвореніемъ человѣка и потопомъ; на шесть періодовъ распадается древняя исторія и на шесть новая. Мы живемъ въ третьемъ, въ эпохѣ всеобщаго распаденія, начатой реформаціею. Каждое изъ названныхъ великихъ событій имѣло начало, средину и конецъ, и слѣдовательно распадалось на три части. Такимъ образомъ всѣхъ историческихъ періодовъ насчитывается 36.

Въ этой произвольной игрѣ числами, и въ этихъ выходкахъ противъ современнаго вѣка — aetas decrepita — легко узнать искусственное подражаніе древнѣйшимъ христіанскимъ лѣтописцамъ. Несостоятельность романтизма обнаружилась особенно явно тамъ, гдѣ онъ не только заимствовалъ свои идеалы изъ прошедшаго порядка вещей, но зрѣлую науку замѣнилъ искусственно-дѣтскимъ лепетомъ наивнаго міросозерцанія.

Гегелизмъ сдѣлался любимою теоріей бюрократизма въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Аксіому Гегеля—что все дѣйствительное разумно—стали понимать односторонним образомъ, пользовались ею для оправданія недостатковъ существующаго порядка и забывали дополнять ее другою половиной ея—только разумное дѣйствительно. Гегель училъ, что въ исторіи не господствуютъ случай и произволъ, что все имѣетъ опредѣленную причину, что по этому ничего нельзя измѣнить пока дѣйствуютъ прежнія причины, наконецъ, что исторія не есть результатъ случайныхъ причинъ. Онъ вовсе не хотѣлъ утверждать, что всякое данное положеніе въ исторіи стоитъ выше всякаго осужденія; напротивъ, онъ признавалъ дѣйствительнымъ только-то въ чемъ онъ видѣлъ выраженіе общаго ра-

ума, а все-то что мѣшало осуществленію на землѣ разумнаго порядка онъ считалъ недѣйствительнымъ и непрочнымъ.

Впрочемъ Гегеля нельзя совершенно оправдать отъ обвиненія, что онъ самъ подалъ поводъ къ этимъ недоразумѣніямъ. Такъ какъ онъ признавалъ въ исторіи постепенный прогрессъ и взялъ на себя задачу систематизировать этотъ прогрессъ, втѣснить отдѣльные моменты его въ тѣсную рамку своихъ логическихъ опредѣленій, то понятно, что онъ относился съ излишнимъ пристрастіемъ къ послѣднему звену этой логической цѣпи, то-есть къ общественному порядку, котораго онъ самъ былъ представителемъ. Онъ сдѣлался такимъ образомъ защитникомъ принципа протестантской бюрократической монархіи, олицетвореніемъ котораго была Пруссія, отрицательно относившаяся къ прошедшему и старавшаяся искусственными административными мѣрами увеличивать благосостояніе народное, но неуступчивая относительно будущаго, гдѣ приходилось примѣнять къ практикѣ идеи гражданской свободы. Подъ старость Гегель впадалъ все болѣе и болѣе въ доктринерство, которое выразилось особенно рѣзко въ раздражительномъ тонѣ его критики на билль объ англійской реформѣ, напечатанной за нѣсколько дней до его смерти.

Страсть къ систематизаціи, которая такъ часто завлекала Гегеля въ натяжки, была доведена его учениками до крайности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до смѣшнаго. Мы приведемъ только два примѣра. Вопервыхъ, сочиненіе Гладиша: *Введеніе къ уразумѣнію всемірной исторіи*, появившееся въ 1841 г. Нужно замѣтить, что Гладишъ хорошій ученый и написалъ нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій о древней философіи. Въ приведенной нами книгѣ онъ проводитъ параллель между историческими народами древности и философскими школами Греціи. Такъ онъ сопоставляетъ, конечно, на основаніи очень случайныхъ и мелочныхъ совпаденій, Китай съ школою Пиѳагорейцевъ, Израильтянъ съ Анаксагоромъ. Какъ Анаксагоръ дошелъ до сознанія разума, управляющаго міромъ, такъ Израильтяне поклонялись единому Богу, и Гладишъ, примѣняя къ нимъ слова, сказанныя Аристотелемъ объ Анаксагорѣ, говоритъ, что они казались трезвыми среди народовъ опьяненныхъ язычествомъ. Древнихъ Персовъ Гладишъ сопоставляетъ съ Гераклитомъ, Индусовъ съ Элеатскою школой и Парменидомъ, Египтянъ съ Эмпедокломъ, а философія Сократа и Платона, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ ясному

міросозерцанію гелленскаго народа. Въ гелленскомъ народѣ сосредоточились всѣ предшествовавшіе моменты развитія человѣчества; поэтому въ сознаніи этого народа повторились въ формѣ философскихъ системъ тѣ же самые принципы, представителями которыхъ служили предшествовавшіе Грекамъ историческіе народы. Гладишъ хотѣлъ доказать свое положеніе въ большомъ ученомъ сочиненіи, но онъ окончилъ только первую часть его, параллель между Китаемъ и Пиѳагорейскою школой.

Другой ученикъ Гегеля, Зице (Sietze), довелъ еще далѣе страсть къ систематизаціи и привычку отыскивать даже въ случайныхъ событіяхъ выстую историческую необходимость. Онъ въ особенномъ сочиненіи постарался доказать разумность того что въ составъ Пруссіи вошли восемь провинцій, и именно тѣ, изъ которыхъ она состоитъ. Онъ, конечно, не предвидѣлъ, что скоро настанетъ время, когда его собственное отечество не будетъ уже довольствоваться этою историческою разумностью и постарается опровергнуть ее пріобрѣтеніемъ двухъ новыхъ провинцій. Это пренебреженіе къ фактической истинѣ, этотъ фатализмъ, который вносился въ исторію, эта манера объяснять самыя случайныя событія проявленіемъ разумной необходимости и все въ исторіи сводить на діалектическую игру логическими понятіями,—должны были вселить недовѣрчивость къ философіи во всѣхъ истинныхъ приверженцахъ строгой исторической науки и произвести реакцію противъ философіи. Но прежде чѣмъ мы начнемъ говорить о реакціи, вызванной попытками философіи завладѣть исторіей, мы должны коснуться двухъ замѣчательныхъ историковъ, которые держались въ сторонѣ отъ этой реакціи, и на которыхъ вліяніе философіи отразилось такъ же какъ и вліяніе современныхъ имъ политическихъ теорій. Мы имѣемъ въ виду Шлоссера и Гервинуса.

Всякій, кто знакомъ съ литературною исторіей послѣдняго столѣтія, согласится, что на Шлоссера имѣла большое вліяніе философія Канта. Кантъ, желавшій придать положеніямъ чистаго разума характеръ математической достовѣрности, долженъ былъ, на ряду съ чистымъ разумомъ, признать силу такъ называемаго практическаго разума, то-есть потребностей вытекающихъ изъ нравственной природы человѣка. Въ этикѣ Канта играло большую роль отвлеченное понятіе долга, но это понятіе, именно вслѣдствіе своей отвлеченности, допу-

скало большой произволъ и субъективность въ нравственныхъ вопросахъ. Оттого многіе ученики Канта вынесли изъ его системы чрезвычайный ригоризмъ и чрезмѣрную придирчивость въ своихъ нравственныхъ сужденіяхъ. Это-то свойство особенно отразилось на Шлоссерѣ. Онъ пробѣгаетъ въ обзорѣ всю всемірную исторію, для того чтобъ извлекать изъ нея нравственные и назидательные уроки. Онъ судитъ съ точки зрѣнія сухой и часто узкой нравственности объ историческихъ дѣятеляхъ и эпохахъ, значеніе которыхъ вовсе не исчерпывается ихъ нравственными правилами. Тамъ, гдѣ эти нравственныя осужденія справедливы, искренній тонъ негодованія, съ которымъ говоритъ Шлоссеръ, возвышаетъ его сочиненіе на степень первоклассного историческаго произведенія и увлекаетъ читателя. Въ его рѣзкой рѣчи слышится благородная энергическая натура, глубоко оскорбленная пороками и несправедливостями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ теченіе своей долгой жизни и особенно во время политическаго безсилія и униженія своего отечества. Но, къ сожалѣнію, эта нравственная критика превратилась у него въ механическую привычку и часто переходитъ въ придирчивость, сварливость и пристрастіе. Къ этому присоединились другіе недостатки: пренебреженіе къ критическимъ результатамъ добытымъ другими, собственная безпечность и извѣстная доля самоувѣренности. Оттого многія характеристики его далеки отъ исторической истины, и, напримѣръ, въ своихъ сужденіяхъ о Фоксѣ, Графтонѣ и Боркѣ, онъ даже упустилъ изъ вида первый долгъ историка — добросовѣстность.

Всѣ эти недостатки выступаютъ особенно ярко вслѣдствіе одной особенности, которую Шлоссеръ раздѣлялъ съ многими изъ своихъ современниковъ. Со времени французской революціи вошли въ моду декламаціи о правахъ народа, объ отвлеченной свободѣ, объ устройствѣ политическаго быта сообразно съ требованіями здраваго разсудка. Эти декламаціи примѣнялись безразлично ко всѣмъ эпохамъ исторіи. На всю прошлую исторію человѣчества стали смотрѣть съ точки зрѣнія либеральнаго раціонализма, господствовавшаго въ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ западной Европѣ. Этимъ объясняется необыкновенный успѣхъ, который имѣла въ Германіи всеобщая исторія Роттека. Шлоссеръ также увлекся общимъ направленіемъ своего времени. Правда, нѣмецкое общество 30-хъ годовъ имѣло основаніе быть недовольнымъ своимъ положеніемъ. Многое, что ему было обѣщано, осталось неисполненнымъ, другое, на что возлагались большія надежды, не привилось; вездѣ господствовало лихорадочное ожиданіе и волненіе. Шлоссеръ въ своей *Исторіи XVIII вѣка*, первый томъ которой вышелъ въ 1836 году, далъ полное выраженіе чувствамъ, волновавшимъ его соотечественниковъ. XVIII вѣкъ послужилъ ему, такъ-сказать, предметомъ, на которомъ онъ могъ выместить свою злобу. Оттого нѣкоторые отдѣлы этого замѣчательнаго сочиненія очень неудачны. Напримѣръ, все что тамъ сказано объ англійской исторіи, представляетъ скорѣе каррикатуру на англійскую исторію. Значеніе партій виговъ и торіевъ непонято. Шлоссеръ называетъ ихъ аристократическими фикціями и обвиняетъ виговъ за то что они будто бы, предвидя свое пораженіе, призвали на помощь демократическія идеи и обманывали народъ. Для объясненія разрыва между Англіей и Соединенными Штатами, Шлоссеръ примѣняетъ заднимъ числомъ теоріи французской революціи и не входитъ въ изслѣдованіе настоящихъ причинъ, вызвавшихъ разрывъ. Сужденія о Франклинѣ и о современныхъ ему англійскихъ государственныхъ людяхъ крайне пристрастны. Шлоссеръ постоянно громитъ эгоистическихъ олигарховъ, алчныхъ до наслажденій дипломатовъ, и впадаетъ въ преувеличенныя жалобы о безпомощности бѣднаго, обманутаго, осмѣяннаго англійскаго народа.

Шлоссеръ безспорно принесъ своимъ современникамъ большую пользу, пробуждая въ нихъ уснувшіе гражданскіе инстинкты и политическій интересъ, но онъ пріучалъ своихъ читателей къ вредной декламаціи и набрасывалъ ложный свѣтъ на ненавистное ему прошедшее. Шлоссеру, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Зибель въ одной рецензіи, написанной еще въ его молодыхъ годахъ, недоставало любви художника къ индивидуальной жизни, и того уваженія, съ которымъ разсматриваетъ ее спеціалистъ, потому что онъ видитъ въ ней отраженіе общаго цѣлаго.

На Гервинусѣ, лучшемъ и въ извѣстномъ смыслѣ единственномъ ученикѣ Шлоссера, отразилась своею вредною стороной другая философская система — система Гегеля. По крайней мѣрѣ онъ раздѣляетъ съ нею свойство конструировать данные историческіе факты по апріористической

идеѣ, положенной имъ въ основаніе. Гервинусъ извѣстенъ не только какъ историкъ, но и какъ историкъ литературы. Въ своемъ сочиненіи о нѣмецкой литературѣ онъ сдѣлалъ для нея то же что̀ Шлоссеръ сдѣлалъ для исторіи XVIII столѣтія, то-есть подвергнулъ ее критикѣ съ точки зрѣнія либеральнаго раціонализма, который господствовалъ въ 30-хъ годахъ. Если эта точка зрѣнія недостаточна для исторіи, то она еще менѣе умѣстна въ исторіи литературы, потому что поэзія и искусство—самостоятельныя области человѣческаго духа, и въ обсужденіи поэтическихъ и художественныхъ произведеній слѣдуетъ имѣть въ виду свойственные этой области законы, а не минутныя потребности политической агитаціи. Гервинусъ имѣлъ въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе способныхъ послѣдователей, изъ которыхъ достаточно указать на Юліана Шмидта, сочиненіе котораго пользовалось впрочемъ уваженіемъ только въ извѣстныхъ кружкахъ политиковъ средней руки. Но когда за этотъ способъ эстетической критики берутся умы незрѣлые, тогда онъ приводитъ къ полному абсурду, чему, къ несчастію, мы имѣемъ не мало примѣровъ въ русской журналистикѣ послѣдняго времени.

Склонность конструировать историческіе факты по апріористической идеѣ особенно замѣтна у Гервинуса въ его *Введеніи къ исторіи XIX столѣтія*. Здѣсь авторъ излагаетъ въ сжатомъ обзорѣ, гдѣ каждое слово обдумано и многозначительно, исторію Европы до XIX столѣтія. Исторія Европы представляетъ, по̀ мнѣнію Гервинуса, такое же цѣлое какъ въ древности исторія Греціи съ ея колоніями. Въ обоихъ періодахъ раскрывается, во внутреннемъ развитіи государственной жизни, одинъ и тотъ же законъ. Этотъ законъ управляетъ всею исторіей человѣчества. Исторія деспотическихъ государствъ востока, затѣмъ аристократическихъ, основанныхъ на рабствѣ и крѣпостномъ правѣ государствъ древности и среднихъ вѣковъ, и новѣйшее, еще неоконченное, развитіе политической жизни,—представляютъ правильный прогрессъ отъ духовной и гражданской свободы единицъ къ свободѣ многихъ и наконецъ всѣхъ. Но когда государство достигаетъ высшей точки своего развитія, въ немъ совершается поворотъ, и образованіе, свобода и могущество возвращаются отъ массы къ немногимъ и наконецъ опять къ единицамъ.

И Гегель признавалъ, что политическою жизнью народовъ

управляетъ непредотвратимый законъ. По его взгляду, первоначальное проявленіе государственной жизни было инстинктивное—деспотизмъ. Потомъ деспотизмъ переходитъ въ аристократію и демократію, причемъ личный, субъективный элементъ получаетъ перевѣсъ надъ идеей единства. Послѣдняя ступень развитія есть монархія, въ которой возстановляется единство, но особенныя сферы общественной жизни сохраняютъ свое самостоятельное значеніе.

Такимъ образомъ Гервинусъ расходится съ Гегелемъ лишь въ своемъ взглядѣ на монархію, ибо Гегель полагаетъ, что переходъ къ монархіи вовсе не влечетъ за собой уменьшенія свободы; напротивъ, истинная монархія, огражденная законами, представляетъ собою примиреніе личной воли и разума. Но важнѣе всего то, что, по мнѣнію Гервинуса, съ формою правленія связана степень цивилизаціи, и что переходъ отъ демократіи къ аристократіи и наконецъ къ монархіи суживаетъ области образованія и свободы и такимъ образомъ влечетъ за собою упадокъ цивилизаціи.

Гервинусъ въ этомъ случаѣ впалъ въ доктринерство. Какъ Buko и многіе другіе, онъ придавалъ одностороннее и преувеличенное значеніе судьбѣ греческой и римской цивилизаціи Но исторія древняго міра нисколько не уполномочиваетъ насъ возводить результаты ея въ историческій законъ и примѣнять ихъ къ современной и будущей исторіи.

Все введеніе Гервинуса въ исторію XIX столѣтія можетъ служить примѣромъ исторической конструкціи. Всѣ событія въ ней группируются и объясняются съ помощью принциповъ, напримѣръ, германизма и романизма, принципа индивидуализаціи и централизаціи, аристократіи и демократіи. Исторія, вслѣдствіе этого, получаетъ характеръ систематичности, симметріи и наглядности, но въ то же время—искусственности и механизма. Реакціей противъ попытки сдѣлать изъ исторіи поприще, на которомъ могли бы мѣриться силами различныя философскія системы и политическія теоріи, явилась историко-критическая школа. Она обязана своимъ происхожденіемъ филологіи. Какъ первыя серіозныя занятія исторіей связаны съ возникновеніемъ классической филологіи въ XVI столѣтіи, такъ первая научная обработка исторіи была слѣдствіемъ высокаго процвѣтанія, котораго достигла филологія въ концѣ прошлаго столѣтія въ Германіи Изъ строгой филологической школы вышелъ Нибуръ, пер-

вый историкъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Въ Нибурѣ въ первый разъ выяснилась мысль, что главная задача историка состоитъ не въ томъ чтобы доставить своимъ читателямъ художественное наслажденіе, подобно поэту или романисту, и не въ томъ чтобъ извлекать изъ исторіи практическія правила и политическіе совѣты, подобно публицисту, но что задача его—изысканіе научной истины, что главнымъ предметомъ заботъ историка должны быть не читатели его, не современники, а то отдаленное прошедшее, которое онъ описываетъ. Какъ въ естественныхъ наукахъ ученый исчезаетъ предъ своимъ предметомъ, такъ и историкъ долженъ забыть о себѣ предъ историческимъ фактомъ, и прежде всего возстановить его значеніе не по отношенію къ себѣ и своимъ современникамъ, а по отношенію къ самому факту и къ средѣ, которая его породила. Поэтому первымъ долгомъ историка должна быть критика историческихъ свидѣтельствъ и источниковъ, а по свойству этихъ источниковъ исторія, по крайней мѣрѣ вся древняя и средневѣковая, должна опираться на филологію. Не для того только чтобы подвергать источники критическому анализу, но и для того чтобы пріобрѣсти способность вникать въ смыслъ прошедшаго, понимать тѣ произведенія, въ которыхъ отразился духъ историческихъ народовъ, историкъ долженъ усвоить себѣ методъ и пріемы филологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Самъ Нибуръ посвятилъ себя древней исторіи, но методъ его былъ скоро примѣненъ къ изученію средневѣковой и новой исторіи.

Въ этомъ заключается безсмертная заслуга Леопольда Ранке. Онъ началъ свою славную, почти пятидесятилѣтнюю, дѣятельность съ критическаго разбора источниковъ XVI столѣтія, и всѣ главныя сочиненія его посвящены исторіи XVI и XVII вѣковъ. Но заслуги историка въ немъ можетъ-быть еще уступаютъ заслугамъ учителя въ Берлинскомъ университетѣ. Учебнымъ поприщемъ его были средневѣковыя лѣтописи. По счастливому совпаденію, именно въ то время было предпринято Перцомъ первое критическое изданіе средневѣковыхъ лѣтописей, *Monumenta Germaniae Historica*, обязанное своимъ успѣхомъ преимущественно ученикамъ Ранке. Средневѣковыя лѣтописи служили Ранке главнымъ средствомъ чтобы воспитывать своихъ учениковъ къ критическому методу и къ серіозному *взгляду на задачу* историка. Историческій семинарій Ранке сдѣлался разсадникомъ для цѣлой Германіи. Въ настоящую минуту почти всѣ историческія каѳедры въ нѣмецкихъ университетахъ заняты учениками Ранке и учениками его учениковъ, и тѣ немногіе, которые не признаютъ себя его учениками, обязаны его школѣ лучшими своими свойствами. Эта обширная и блестящая школа въ наукѣ, которую оставилъ послѣ себя одинъ человѣкъ, составляетъ рѣдкій примѣръ въ исторіи науки, и къ Ранке вполнѣ можно примѣнить прекрасныя слова Платона, что лучшая награда учителя — то что онъ продолжаетъ жить въ душахъ своихъ учениковъ. (Характеристику главныхъ учениковъ Ранке и ихъ трудовъ можно найдти въ сочиненіи профессора Харьковскаго университета Петрова: *Національная Исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи*).

Критическая разработка историческихъ источниковъ и возсозданіе исторіи, на основаніи вновь добытаго и очищеннаго матеріяла, совершенно поглащаетъ въ настоящее время нѣмецкую науку. Нужно при этомъ согласиться, что у нѣкоторыхъ изъ младшихъ ея представителей тщательная забота о матеріялѣ переходитъ въ кропотливость и теряется въ мелочахъ. Недовѣрчивость къ философіи исторіи дошла до того что ни въ одномъ изъ 28 университетовъ Германіи никѣмъ не читается курса философіи исторіи, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ доживающихъ свой вѣкъ Гегеліанцевъ. Даже сынъ самого Гегеля теперь довольствуется тѣмъ, что въ одномъ провинціальномъ университетѣ собираетъ матеріялы для скучной исторіи нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Германія въ этомъ случаѣ представляетъ совершенный контрастъ съ Италіей. Тамъ при университетахъ существуетъ особенная каѳедра философіи исторіи, гдѣ съ паѳосомъ свойственнымъ югу объясняются силлогизмы Гегелевой діалектики, въ то время какъ отечественная исторія нуждается въ серіозной обработкѣ, а изученіе всеобщей исторіи стоитъ на такой низкой степени, что общество живетъ исключительно подаяніями французской исторической литературы.

Философія оказала благодѣтельное вліяніе на историческую науку не тѣмъ что она представляла на выборъ различныя апріористическія идеи, по которымъ можно было конструировать историческіе факты, но тѣмъ что она укрѣпила, возвысила мысль и бросила свѣтъ на тѣ области духовной жизни

человѣка, безъ которыхъ непонятно его историческое развитіе. Мы коснемся здѣсь только языка, государства и религіи.

Относительно этихъ главныхъ проявленій духовной жизни человѣка господствовали въ XVIII вѣкѣ чрезвычайно плоскія эмпирическія понятія, которыя придавали имъ характеръ случайности, искусственности, условности и поэтому непрочности. Общество XVIII вѣка чрезвычайно занималъ вопросъ о происхожденіи языка, государства и религіи; оно разрѣшало этотъ вопросъ очень легко и довольствовалось механическимъ объясненіемъ. Относительно происхожденія языка господствовали двѣ противоположныя другъ другу теоріи. Одни утверждали, что языкъ *изобрѣтенъ* человѣкомъ точно такъ же какъ потомъ имъ изобрѣтены письмена, корабль, различныя механическія орудія, и т. п. Защитники этой теоріи основывались на разнообразіи языковъ, которые возникли, по ихъ мнѣнію, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Слова какого-нибудь языка были не чѣмъ инымъ какъ условными знаками, принятыми извѣстными людьми для обозначенія извѣстныхъ предметовъ. Приверженцы этого мнѣнія не замѣчали противорѣчія, въ которое они впадали. Для того чтобы люди могли *сговориться* употреблять извѣстные знаки для своихъ понятій, они должны были уже имѣть языкъ.

Другихъ поражали стройность и глубокая разумность, которыя обнаруживаются въ грамматическихъ и синтаксическихъ свойствахъ человѣческой рѣчи. Они поэтому полагали, что изобрѣтеніе такого чудаго орудія разума превышаетъ силы человѣка, и приписывали языку божественное происхожденіе. Нѣкоторые принимали это объясненіе буквально, и полагали, что первый человѣкъ получилъ языкъ въ раю прямо отъ Господа, хотя даже единственное мѣсто Священнаго Писанія, на которое они могли сослаться, вовсе не имѣетъ этого смысла. Изъ этого объясненія вытекали очень странныя послѣдствія. Не разъ возникалъ вопросъ, на какомъ языкѣ говорили первые люди, и нѣкоторые имѣли довольно послѣдовательности чтобъ утверждать, что это былъ языкъ еврейскій. Другіе, отрицая человѣческое происхожденіе языка, прибѣгали къ различнымъ пантеистическимъ и мистическимъ объясненіямъ.

Главными защитниками того взгляда, который считалъ

языкъ изобрѣтеніемъ человѣка, были Англичанинъ лордъ Монбоддо и нѣмецкій ученый Аделунгъ. Аделунгъ, полемизируя съ мнѣніемъ о божественномъ происхожденіи языка, говоритъ слѣдующее: „Если Индѣецъ увидитъ стопушечный военный корабль, то онъ приметъ его за произведеніе какого-нибудь бога, потому что ему неизвѣстны посредствующія звенья, съ помощію которыхъ развилось корабельное искусство, начиная отъ первой грубой лодки; подобно тому и тѣ, которые не знаютъ какъ языкъ постепенно развивался отъ перваго грубаго природнаго звука, приписываютъ ему сверхъестественное или божественное происхожденіе.“

Нужно видѣть у Гердера какъ трудно было его современникамъ выйдти изъ этой дилеммы. У самого Гердера было настолько такта что онъ не считалъ языкъ механическимъ изобрѣтеніемъ, но онъ не можетъ найдти и другаго объясненія, постоянно впадаетъ въ противорѣчіе и, наконецъ, заглушаетъ весь вопросъ высокопарными и мистическими разсужденіями.

Пока вопросъ былъ такъ поставленъ, онъ былъ неразрѣшимъ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, воспитавшій свои богатыя отъ природы дарованія въ школѣ современной ему философіи, вывелъ его сразу изъ несчастной дилеммы и поставилъ его на настоящій путь. Языкъ не ἔργον, училъ онъ, а ἐνέργεια, то-есть языкъ не готовое, оконченное произведеніе, но присущая человѣку внутренняя дѣятельность, органическая функція. Человѣкъ и языкъ не стоятъ другъ съ другомъ во внѣшней, случайной связи, не относятся какъ творецъ къ своему произведенію, но составляютъ единое нераздѣльное цѣлое, и человѣческій духъ съ самаго начала развивался и проявлялся въ языкѣ. Не слѣдуетъ представлять себѣ человѣка сознательнымъ, разумнымъ творцомъ языка. Человѣкъ живой источникъ, непосредственный, естественный виновникъ языка. Предшественники Гумбольдта смотрѣли на языкъ какъ на нѣчто опредѣленное и данное. Гумбольдтъ показалъ, что онъ нѣчто живое и развивающееся. Переворотъ, произведенный Гумбольдтомъ, былъ многознаменателенъ. Благодаря ему, наука о языкѣ, обогащенная въ то же время эмпирическими результатами, доставленными изученіемъ санскритскаго языка и сравнительнымъ методомъ, сдѣлала быстрые успѣхи. Она стала смотрѣть на языкъ какъ на живой организмъ, развивающійся по извѣст-

вымъ законамъ, и стала различать эпохи въ исторіи языка. Она нашла, что каждый языкъ имѣетъ индивидуальный характеръ, соотвѣтствующій индивидуальности того народа, съ которымъ онъ вмѣстѣ образовался и развивался. Наконецъ, она дошла до результата, что исторія языковъ представляетъ собою самую древнѣйшую исторію человѣчества, и открыла доступъ къ тому отдаленному прошедшему, гдѣ историкъ въ своихъ изслѣдованіяхъ сталкивается съ естествоиспытателемъ. Но что̀ всего важнѣе, Гумбольдтъ своими изслѣдованіями о языкѣ потянулъ призракъ, созданный XVIII вѣкомъ, безжизненное, отвлеченное понятіе о какихъ-то первобытныхъ людяхъ, которые изъ практическихъ соображеній придумываютъ себѣ языкъ, государство и религію, то-есть именно то въ чемъ состоитъ и проявляется ихъ человѣчность.

Что касается до государства, то механическое объясненіе его происхожденія было въ ходу уже въ древности. Греческіе софисты учили, что государство — учрежденіе придуманное сильными и лукавыми, для того чтобъ эксплуатировать слабыхъ и глупыхъ. Съ торжествомъ христіанской религіи утвердился взглядъ, что государство есть божественное учрежденіе подобно церкви. Но по средневѣковымъ понятіямъ придававшимъ церкви міроское значеніе, государство должно было играть второстепенную роль относительно церкви, должно было находиться въ зависимости отъ нея, служить ей орудіемъ. Идеи реформаціи произвели реакцію въ этомъ отношеніи, и скоро опять явились приверженцы механическаго объясненія государства. Съ тѣхъ поръ въ государственномъ правѣ боролись два направленія. Приверженцы одного все еще отстаивали божественное происхожденіе государства, а противники ихъ утверждали, что государство есть чисто человѣческое *изобрѣтеніе*, что люди по своей эгоистической природѣ находятся въ постоянной враждѣ и войнѣ между собой, и для того чтобы положить конецъ своимъ бѣдствіямъ, согласились подчиниться власти того кого они считали самымъ справедливымъ или самымъ сильнымъ. Нѣкоторые смотрѣли на государство болѣе враждебно, утверждали, что оно произошло вслѣдствіе завоеванія, что господство сильнаго надъ слабымъ есть естественный порядокъ на землѣ. Въ XVIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ Руссо и его *Contrat social*, установилось мнѣніе, что государство произошло вслѣдствіе свобод-

наго договора. Со всѣми этими объясненіями было болѣе или менѣе связано мнѣніе, что государство есть искусственное, механическое, случайное изобрѣтеніе, слѣдовательно, что оно могло бы и не быть. За послѣднюю мысль особенно ухватывались тѣ, которые смотрѣли на исторію съ элегической, сентиментальной точки зрѣнія, желали низвести ее на степень идилліи. Мы видѣли, что на этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Гердеръ: онъ признавалъ государство только за необходимое зло, а иногда у него проглядываетъ мысль, что это зло даже и не необходимо. Гораздо болѣе зрѣлый взглядъ мы встрѣчаемъ у Канта. Онъ видитъ въ государствѣ главное орудіе природы, чтобы развить въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ тѣ способности, которыя она вложила въ нихъ. Но несмотря на это, онъ все-таки объясняетъ происхожденіе государства изъ договора, изъ того что люди согласились ограничить свой произволъ, съ тѣмъ чтобъ и другіе согласились на то же самое.

Философія Гегеля поставила государство на чрезвычайную высоту. Государство, по мнѣнію Гегеля, есть примиреніе личной, субъективной воли и общаго разума; государство поэтому есть нравственное понятіе. Государство есть не только средство, но и цѣль. Только въ государствѣ человѣкъ достигаетъ свободы и нравственнаго значенія.

Гегель полемизируетъ противъ теоріи, что человѣкъ отъ природы свободенъ, но въ государствѣ ограничиваетъ свою свободу въ пользу другихъ, съ тѣмъ чтобъ и они ограничили свой произволъ въ пользу его. Онъ доказываетъ, что это представленіе несправедливо, ни съ исторической, ни съ философской точки зрѣнія. Первое потому что ни одно государство не возникло такимъ механическимъ образомъ; а что касается до теоріи, что человѣкъ отъ природы свободенъ, то она совершенно справедлива, если разумѣть при этомъ назначеніе человѣка, понятіе человѣка какъ результата исторіи. На самомъ же дѣлѣ первобытное или природное состояніе человѣка — состояніе безправія, насилія, неукрощаемыхъ страстей и нечеловѣчныхъ дѣйствій. Недоразумѣніе, говоритъ Гегель, состоитъ въ томъ, что ограниченіе страстей и произвола считаютъ ограниченіемъ свободы, тогда какъ такое ограниченіе есть необходимое условіе свободы, и только въ обществѣ и государствѣ осуществляется свобода.

Точно также вооружается Гегель противъ тѣхъ, которые

восхваляютъ патріархальный бытъ,—то время, когда обычаи еще не выяснились до степени закона. Они полагаютъ, что въ патріархальномъ быту примирены требованія справедливости и потребности симпатіи и сердца. Но этотъ бытъ составляетъ только переходную ступень между семейнымъ бытомъ и государственнымъ. Семейство представляетъ собою какъ бы одно лицо. Отдѣльные члены его или отказались взаимно отъ своей личности, отъ личныхъ правъ и преимуществъ (мужъ и жена), или еще не достигли полнаго развитія личности (дѣти). Они соединены чувствомъ взаимной любви и довѣрія. Семейная нравственность состоитъ въ сознаніи этого единства. Государство должно уважать семейное чувство, ибо семья развиваетъ необходимую для гражданина способность—сознавать себя членомъ цѣлаго. Въ патріархальномъ же быту семейство разрослось до такой степени, что члены его не сознаютъ болѣе семейной связи, вступаютъ въ состояніе личности, а потому нуждаются въ государственной связи.

Только при механическомъ объясненіи государства могъ возникнуть вопросъ, который такъ сильно занималъ политиковъ прошлаго столѣтія,—вопросъ о томъ какой лучшій образъ правленія. Разрѣшеніе этого вопроса считали возможнымъ не только въ области отвлеченной теоріи и субъективныхъ убѣжденій, но и въ практической жизни, какъ будто образъ правленія могъ быть предметомъ свободнаго выбора и результатомъ внезапнаго соглашенія. Гегель называетъ такой взглядъ простодушнымъ, столь же простодушнымъ какъ разказъ Геродота о семи персидскихъ вельможахъ, свергнувшихъ Лжесмердиса и обсуждавшихъ вопросъ, какой учредить въ Персіи образъ правленія. Онъ противопоставляетъ этому взгляду положеніе, что государство—организмъ, что образъ правленія какого-нибудь народа стоитъ въ связи съ его религіей, со степенью его цивилизаціи, съ его духовною физіономіей, выражающеюся въ искусствѣ и въ философіи, не говоря уже о внѣшнихъ обстоятельствахъ, о климатѣ, сосѣдяхъ, міровомъ положеніи и пр. Государство есть индивидуальное цѣлое, отъ котораго нельзя отдѣлить одну какую-либо сторону, какъ напримѣръ образъ правленія, чтобы подвергнуть ее особенному разсмотрѣнію, независимо отъ другихъ. Особенное вліяніе на государство имѣетъ, по мнѣнію Гегеля, религія. Государство есть единство субъективной и общей воли, но къ сознанію

этого единства, къ конкретному представленію его, человѣкъ приходитъ въ религіи.

Относительно религіи и миѳологіи различныхъ народовъ, въ прошломъ вѣкѣ господствовало заблужденіе, что онѣ возникли или вслѣдствіе суевѣрнаго страха, или вслѣдствіе намѣреннаго обмана жрецовъ. Религія подобно государству казалась искусственнымъ учрежденіемъ, навязаннымъ человѣчеству во времена древности умными или хитрыми людьми, сообразно съ политическою надобностью. Съ этой точки зрѣнія смотрѣли на всѣ религіи и на всѣхъ основателей какой-нибудь религіи. Этого взгляда придерживался Болингброкъ въ своихъ письмахъ объ изученіи и пользѣ исторіи. Монтескьё также считаетъ религію политическимъ учрежденіемъ. Онъ находитъ между римскими законодателями и законодателями другихъ народовъ ту разницу, что первые учредили религію ради государства, а вторые—государство ради религіи. Онъ раздѣляетъ мнѣніе Полибія, что римскій народъ, склонный къ вспышкамъ гнѣва, особенно нуждался въ религіи, какъ въ средствѣ укрощать эти вспышки. Монтескьё относитъ явленія позднѣйшаго времени, когда авгурство потеряло свое религіозное значеніе и сдѣлалось средствомъ для политическихъ интригановъ, къ древности и объясняетъ поэтому происхожденіе религіозныхъ церемоній у Римлянъ совершенно ложно. Онъ говоритъ, что эти церемоніи грѣшатъ противъ здраваго смысла, но что учредители ихъ хорошо понимали ихъ значеніе и намѣренно сдѣлали ихъ таковыми. (Ce fut par de bonnes raisons, qu'ils péchèrent contre la raison-même.) Еслибъ эти церемоніи заключали въ себѣ болѣе смысла, то умные люди наравнѣ съ глупыми подпали бы подъ ихъ вліяніе. Нужно было поэтому учредить такіе обряды, которые удовлетворяли бы суевѣрію однихъ и могли служить политическимъ средствомъ для другихъ.

Нѣмецкая философія и въ этомъ отношеніи произвела благодѣтельный переворотъ. Она показала, что религія, какъ и государство, не произвольное, искусственное учрежденіе. Сравнительное изученіе и здѣсь какъ и въ наукѣ о языкѣ пришло на подтвержденіе философіи, и религіозныя вѣрованія различныхъ народовъ въ первый разъ сдѣлались предметомъ серіознаго и научнаго изученія. Мы не станемъ входить въ подробности объ этомъ предметѣ и скажемъ только, что кромѣ Шеллинга и Гегеля особенныя заслуги въ этомъ отно-

шеніи оказалъ Шлейермахеръ. Съ тѣхъ поръ стало непростительно для историка прежнее легкомысленное отношеніе къ предмету, въ которомъ выразилась существеннѣйшая часть жизни человѣчества, и отвлеченныя разсужденія о благодѣтельномъ или вредномъ вліяніи религіи на прогрессъ человѣчества могутъ удовлетворять только тѣхъ, которымъ исторія служитъ предметомъ для декламацій, и которые не въ состояніи возвыситься до цѣльнаго пониманія ея.

V.

Намъ остается теперь поговорить объ одной чрезвычайно важной и интересной сторонѣ занимающаго насъ вопроса,— о попыткѣ возвести исторію на степень положительной науки. Эта мысль была, какъ мы уже видѣли, высказана Кантомъ. Онъ надѣялся, что рано или поздно явится ученый, который для историческихъ явленій сдѣлаетъ то что̀ Кеплеръ сдѣлалъ для астрономическихъ, то-есть откроетъ законы, по которымъ они совершаются. Съ особеннымъ рвеніемъ принялся за разрѣшеніе этой задачи французскій философъ Огюстъ Контъ, авторъ *Системы положительной философіи*. Главная мысль его состоитъ въ томъ, что всѣ науки представляютъ извѣстную іерархію. Онъ признаетъ шесть ступеней въ этой научной іерархіи: математику, астрономію, физику, химію, біологію, или вообще науки объ органическихъ существахъ, и наконецъ соціологію, или науку о человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ. Чѣмъ проще явленія разсматриваемыя какою-нибудь наукой, тѣмъ скорѣе вырабатывается человѣкомъ научный положительный методъ для изслѣдованія ихъ. Такъ, напримѣръ, астрономія давно отдѣлалась отъ предразсудковъ и посторонней примѣси, задерживавшихъ ея развитіе; тогда какъ соціологія еще находится въ самомъ первомъ періодѣ своего развитія. Это естественно. Каждая наука въ этой іерархіи должна опираться на выводы предшествовавшей ей науки, и не можетъ достигнуть успѣшнаго развитія безъ ея помощи: такъ, напримѣръ, химія могла подвинуться впередъ только тогда, когда математика и физика достигли важныхъ результатовъ. Соціологія, какъ самая сложная изъ наукъ, должна быть также самою младшею въ общемъ развитіи.

Пока вопросъ поставленъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, конечно, не можетъ быть мѣста возраженіямъ. Но дѣло совершенно измѣняется, какъ скоро рѣчь заходитъ не объ неопредѣленномъ и отвлеченномъ понятіи соціологіи, но о конкретныхъ явленіяхъ исторіи. Контъ раздѣляетъ всѣ науки на двѣ большія отрасли, на отвлеченныя и конкретныя. Отвлеченными онъ называетъ тѣ, которыя занимаются основными законами, управляющими извѣстною областью природы, а конкретными тѣ, которыя занимаются преимущественно явленіями проистекающими изъ тѣхъ законовъ. Такъ, напримѣръ, химія занимается условіями, при которыхъ происходятъ различныя сочетанія веществъ; ей нѣтъ дѣла до того, существуютъ ли эти сочетанія въ природѣ; она знаетъ несравненно большее количество химическихъ сочетаній чѣмъ тѣ, которыя были бы извѣстны человѣку безъ помощи лабораторіи. За то дѣло конкретной науки—минералогіи изучить тѣ сочетанія неорганическихъ веществъ, которыя дѣйствительно встрѣчаются сами собою въ природѣ. Точно также физіологія изслѣдуетъ вообще законы органической жизни, предоставляя ботаникѣ и зоологіи изучать тѣ роды и виды растеній и животныхъ, которыя дѣйствительно существуютъ или существовали когда-либо на землѣ. Это раздѣленіе очень основательно; но если мы примѣнимъ его къ занимающему насъ предмету, то замѣтимъ слѣдующее: чѣмъ ниже мы спускаемся по контовской іерархіи наукъ, тѣмъ болѣе отвлеченная сторона каждой науки преобладаетъ надъ конкретною. На низшей степени, въ ариѳметикѣ, мы имѣемъ только одну отвлеченную науку, которой не соотвѣтствуетъ никакая конкретная. Въ астрономіи звѣзды почти еще не имѣютъ для насъ индивидуальнаго, конкретнаго значенія: онѣ служатъ намъ только воплощеніемъ отвлеченныхъ астрономическихъ законовъ. Но чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ болѣе значенія получаетъ индивидуальное и конкретное. Очень вѣроятно, что на высшей степени іерархіи, въ исторіи человѣчества, мы никогда не будемъ въ состояніи изучать такъ-называемые историческіе законы иначе какъ въ конкретныхъ явленіяхъ исторіи, и особенно если будемъ разсматривать человѣчество въ его историческомъ развитіи какъ одно цѣлое. Какъ бы то ни было, Контъ не разрѣшилъ задачи превращенія исторіи въ положительную науку, а только поставилъ ее. Онъ старался прежде всего установить методъ, котораго долженъ былъ бы

держаться будущій изслѣдователь, и ограничился обзоромъ исторіи, въ которомъ отдѣльные историческіе факты служатъ ему иллюстраціей для подтвержденія его политическихъ и соціальныхъ теорій.

Первою и до сихъ поръ единственною систематическою попыткой обратить исторію въ положительную науку явился трудъ Бокля — *Исторія цивилизаціи въ Англіи.*

Что касается до сочиненія Бокля, то мы должны раздѣлить его на двѣ половины: въ первой, меньшей половинѣ, которая занимаетъ около третьей доли перваго тома, Бокль излагаетъ тотъ положительный методъ, который онъ считаетъ необходимымъ для изученія исторіи. Эта-то часть и должна здѣсь особенно занимать насъ. Во второй половинѣ онъ излагаетъ свой личный взглядъ на цивилизацію, на средства, съ помощью которыхъ она подвигается впередъ, и въ подтвержденіе своего взгляда предлагаетъ обзоръ исторіи Франціи, Англіи, Испаніи и Шотландіи, за послѣдніе два-три вѣка. Мы потомъ скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Въ первой, общей, части своего сочиненія Бокль выставляетъ какъ основное положеніе, что ходъ всеобщей исторіи можетъ быть понятъ только съ помощью естественныхъ наукъ, и что поэтому естественныя науки, физическая географія, метеорологія, физіологія и пр., должны сдѣлаться главными вспомогательными средствами историка. Въ этомъ случаѣ Боклю принадлежитъ не самая мысль, а только рѣзкая и односторонняя форма выраженія ея. По мѣрѣ того какъ увеличиваются любознательность и наблюдательность человѣчества, оно все болѣе и болѣе сознаетъ тѣсную связь между физическою природой и его собственною жизнью. Мы въ правѣ утверждать вопреки всѣмъ толкамъ идиллическихъ поэтовъ и публицистовъ прошлаго вѣка, жаловавшихся, что цивилизація удаляетъ человѣка отъ природы, — мы въ правѣ утверждать, что мы стоимъ несравненно ближе къ природѣ чѣмъ наши предки, больше любимъ ее и лучше понимаемъ ее. Въ этомъ отношеніи можно провести параллель между исторіографіей и исторіей живописи. Въ исторіи живописи чрезвычайно интересно наблюдать, какъ мало-по-малу развивается чувство природы и болѣе вѣрное художественное пониманіе ея. Когда религіозная живопись уже достигла высшаго совершенства своего, когда техника и колоритъ

также достигли уже блестящаго развитія, ландшафтъ все еще имѣлъ только декоративное значеніе. Животныя и деревья, встрѣчающіяся на историческихъ картинахъ той эпохи, представляютъ какія-то мертвыя, условныя формы. Ландшафтъ какъ бы украдкой втирался въ другіе болѣе усовершенствованные роды живописи и съ трудомъ пріобрѣталъ право гражданства въ искусствѣ. Чрезвычайно интересны для исторіи живописи тѣ оригинальныя картины XVI вѣка, гдѣ на первомъ планѣ поставлено живописцемъ какое-нибудь событіе изъ священной исторіи, но гдѣ по всему видно, что это событіе служило ему только поводомъ чтобъ испробовать свои силы на ландшафтѣ, среди котораго происходитъ сцена. Хотя художественное пониманіе природы достигло высокаго совершенства въ XVII вѣкѣ, но еще въ прошломъ столѣтіи многіе пейзажисты, особенно французскіе, считали нужнымъ оживлять и такъ-сказать облагораживать свои прекрасные ландшафты тѣмъ, что гдѣ-нибудь въ уголкѣ или вдали изображали какой-нибудь миѳологическій сюжетъ, какъ Аполлонъ преслѣдуетъ Дафну, или какъ на Діану глядитъ изъ-за кустовъ Актеонъ, превращенный въ оленя. Въ наше же время вкусъ и художественное пониманіе природы еще болѣе развились, и какъ бы ни были велики достоинства какой-нибудь исторической или религіозной картины, художникъ уже не можетъ выкупить ими пренебреженіе къ природѣ или непониманіе ея. Подобнымъ образомъ и въ исторіографіи легко замѣтить какъ все болѣе и болѣе увеличивается вниманіе историковъ къ физической природѣ, среди которой приходится дѣйствовать человѣчеству.

Уже въ XVI столѣтіи, какъ мы видѣли, знаменитый французскій юристъ, Боденъ, пытался объяснить вліяніе физической природы на характеръ и, слѣдовательно, судьбу различныхъ народовъ. Дѣло начатое Боденомъ было особенно подвинуто впередъ Монтескьё. Въ своемъ сочиненіи *О духѣ законодательства* онъ посвятилъ нѣсколько книгъ вліянію климата и вообще физическихъ условій на религію, семейный бытъ, сословныя отношенія, государственное устройство и законодательство народовъ. Много дѣльныхъ замѣчаній по этому предмету разбросано также по сочиненіямъ знаменитыхъ путешественниковъ прошлаго столѣтія. Особенно содѣйствовали къ указанію той тѣсной, но часто неуловимой связи между природой и исторіею

скою жизнію человѣка Александръ Гумбольдтъ и знаменитый географъ Карлъ Риттеръ. Со времени послѣдняго у многихъ историковъ вошло въ обычай предпосылать излагаемой ими исторіи географическій очеркъ страны. Правда, очень часто эти географическіе обзоры пришиты совершенно механическимъ образомъ къ послѣдующему разказу, и исполнивъ свой долгъ, историкъ считаетъ себя въ правѣ совершенно упускать изъ виду въ дальнѣйшемъ ходѣ разказа вліяніе этихъ географическихъ и физическихъ условій. Между послѣдними попытками указать вліяніе физическихъ условій на *психологическій* характеръ европейскихъ народовъ и слѣдовательно на ихъ судьбу, заслуживаютъ особенное вниманіе сочиненія швейцарскаго историка Бонштеттена и нѣмецкаго историка Арндта. Но надобно сознаться, что эти попытки не привели къ особенно важнымъ положительнымъ результатамъ. Много было потрачено на нихъ ума и наблюдательности, много высказано по этому поводу остроумныхъ и мѣткихъ замѣчаній, но въ сущности всѣ эти психологическіе этюды народовъ, на основаніи физическихъ условій, не выходятъ изъ области общихъ мѣстъ въ родѣ того что у жителей южныхъ странъ преобладаютъ чувство и фантазія, а у жителей сѣверныхъ — физическая сила и разсудокъ, что жители горъ мужественны и любятъ свободу, что у жителей приморскихъ береговъ развивается практичность и смышленая дѣятельность, а у жителей безпредѣльныхъ равнинъ оказывается въ характерѣ какое-то особенное свойство, которое объясняютъ выраженіемъ *широкой* натуры. Что касается до Бокля, то онъ не свободенъ отъ этихъ увлеченій своихъ предшественниковъ, и мы находимъ у него крайне матки и многословныя разсужденія о томъ, какое вліяніе имѣли непостоянство климата и невозможность разчитывать на вѣрный успѣхъ земледѣльческихъ работъ, напримѣръ, на характеръ Шведовъ и Испанцевъ. При этомъ у него даже не обошлось безъ положительныхъ ошибокъ. Такъ, напримѣръ, Бокль приписываетъ огромное вліяніе на характеръ и судьбу Испаніи частымъ землетрясеніямъ, тогда какъ количество землетрясеній въ Испаніи уступаетъ количеству ихъ въ другихъ земляхъ, да во всякомъ случаѣ землетрясенія не составляютъ отличительнаго признака Пиренейскаго полуострова. Вообще по этому поводу Бокль впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Онъ въ началѣ своего сочиненія приписываетъ естественнымъ на-

укамъ необыкновенную важность въ историческихъ вопросахъ, а потомъ самъ высказываетъ очень опредѣленно, что чѣмъ выше степень цивилизаціи, тѣмъ болѣе человѣкъ умѣетъ подчинять себѣ природу, и тѣмъ менѣе самъ подчиняется ей. И дѣйствительно, примѣры, приведенные имъ въ доказательство вліянія физическихъ условій, всѣ заимствованы изъ исторіи азіатскихъ народовъ, и хотя онъ посвятилъ два толстые тома исторіи различныхъ европейскихъ народовъ, онъ не привелъ ни одного примѣра въ подтвержденіе прямаго вліянія физическихъ условій на европейскую исторію.

Гораздо больше значенія чѣмъ всѣ эти толки о вліяніи климата и пр. на *психологическій* характеръ народовъ имѣютъ тѣ данныя, которыя заимствованы изъ наблюденій надъ сельскимъ хозяйствомъ и промыслами различныхъ народовъ. Но относительно этого необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Вопервыхъ, эти данныя большею частію выходятъ изъ предѣла естественныхъ наукъ и подлежатъ политической экономіи. Такъ, извѣстный примѣръ, приведенный Боклемъ, что рисъ въ Индіи и кукуруза въ Америкѣ были причиной того что трудъ цѣнился тамъ очень дешево, огромныя богатства скоплялись въ немногихъ рукахъ и народныя массы страдали подъ гнетомъ страшнаго деспотизма, относится къ ученію о распредѣленіи богатства и такимъ образомъ входитъ въ предѣлы политической экономіи. А главное, такого рода данныя легко вовлекаютъ въ заблужденіе — объяснять одною какою-нибудь причиной то что̀ вызвано столкновеніемъ разнообразныхъ причинъ. Такъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ Бокля уже заключается нѣсколько неточностей: рисъ вовсе не составлялъ исключительной пищи въ цѣлой Индіи и воздѣлывался преимущественно только въ Бенгаліи; наконецъ воздѣлываніе риса и кукурузы составляло главный промыселъ и нѣкоторыхъ другихъ странъ, и однако не привело къ такимъ послѣдствіямъ, которыя Бокль приписываетъ имъ въ Индіи и Америкѣ. Другой болѣе разительный примѣръ увлеченія, чѣмъ Бокль, представляетъ въ этомъ отношеніи знаменитый химикъ Либихъ. Либихъ одинъ изъ первыхъ сталъ подвергать химическому анализу почву полей и пришелъ къ очень важнымъ результатамъ. Неудивительно, что онъ увлекся своими результатами и предпринялъ перестроить всю исторію съ помощью своихъ химическихъ выводовъ. Онъ сталъ приписывать рѣшительно всѣ важ-

вые историческіе перевороты нераціональному способу сельскаго хозяйства и истощенію полей. Миръ, * говоритъ онъ, не питаетъ, и война не разрушаетъ; миръ и война имѣютъ лишь кратковременное вліяніе. То что поддерживаетъ или разрушаетъ человѣческое общество, то что придаетъ могущество народамъ и государствамъ, и что заставляетъ ихъ исчезать съ лица земли, это всегда была почва, на которой человѣкъ строитъ свою хижину. Затѣмъ Либихъ начинаетъ объяснять истощеніемъ почвы паденіе азіатскихъ деспотій, выведеніе колоній изъ Греціи и наконецъ паденіе греческихъ государствъ. Часто онъ выводитъ заключенія не подтвержденныя никакими доказательствами. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что въ годъ Платейской битвы, Спарта могла выставить 8.000 воиновъ, при Аристотелѣ не болѣе 1.000, а Страбонъ жалуется, что изъ 100 городовъ Лаконіи въ его время сохранилось не болѣе 30. Всему этому причиной было, по его мнѣнію, истощеніе полей. Въ этомъ духѣ разсматривается также вся римская исторія. Въ заключеніе своего обзора онъ восклицаетъ: „Сколько мужей одаренныхъ умомъ, энергіей и доброю волей управляли Римскою имперіей, но что было въ состояніи сдѣлать могущество самыхъ могущественныхъ ея правителей, которые въ своей надменности сооружали себѣ алтари и приказывали оказывать себѣ божескія почести, что мудрость философовъ, что глубокое знаніе юридической науки, что храбрость отличнѣйшихъ полководцевъ, что побѣдоносныя и превосходно-устроенныя войска, что все это могло сдѣлать противъ вліянія одного закона природы?“

Особенно поразительны увлеченія Либиха и страсть его все объяснять одною любимою причиной, тамъ гдѣ онъ заводитъ рѣчь объ Испаніи. Онъ разказываетъ, что при Абдеррахманѣ III въ X столѣтіи въ восточныхъ и южныхъ провинціяхъ Испаніи, населенныхъ Маврами, жило отъ 20—30 милліоновъ людей. Кордова не уступала Лондону, какъ онъ былъ въ началѣ нашего столѣтія, а Таррагона, во время Римлянъ имѣвшая милліонъ жителей, при Абдеррахманѣ III имѣла ихъ 350.000, тогда какъ въ настоящее время число ихъ 15.000. Всѣ эти перемѣны произошли вслѣдствіе истощенія почвы. Долгая борьба христіанъ съ Маврами, утверждаетъ

* Liebig. Einleitung in die Gesetze des Feldbaues. стр. 26.

Либихъ совершенно наивно, легко объясняется закономъ природы: это была борьба двухъ народовъ за насущный хлѣбъ.

Послѣ этого мы смѣло можемъ надѣяться, что современемъ явится другой химикъ, который будетъ объяснять освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига истощеніемъ русскихъ полей, а французскую революцію и походъ Наполеона на Россію въ 12 году истощеніемъ французскихъ полей. Испанія особенно счастливая страна по количеству разнообразныхъ теорій, придуманныхъ для объясненія ея паденія. У Либиха въ этомъ отношеніи есть одинъ предшественникъ, жившій 250 лѣтъ тому назадъ, который придумалъ не менѣе оригинальное, но болѣе простодушное объясненіе упадка Испаніи. Это испанскій писатель Геррара, современникъ Филиппа II. „Отчего, спрашиваетъ онъ, теперь вездѣ произошла такая дороговизна, что во время мира фунтъ мяса стóитъ столько же сколько прежде во время войны цѣлый баранъ? (Нужно замѣтить, что это было во время прилива въ Испанію драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки и полнаго упадка сельскаго хозяйства и промысловъ.) Излишество населенія не можетъ быть причиной, ибо тамъ, гдѣ прежде кипѣла дѣятельность многихъ тысячъ Мавровъ, теперь только 500 христіанъ находятъ свое пропитаніе. И ввозъ золота изъ Индіи также не можетъ быть причиной. Не оттого ли все это произошло что земля теперь отдыхаетъ? Но земля не нуждается въ другомъ отдыхѣ какъ въ томъ, который она имѣетъ во время зимы, и у насъ давно уже нѣтъ недостатка въ зимнихъ дождяхъ, которые освѣжаютъ ее и придаютъ ей силу чтобы произвести новую жатву. Какая же тому причина, что земля не хочетъ питать насъ? *Лошакъ* во всемъ виноватъ, отвѣчаетъ Геррара. Лошакъ завелся у насъ въ половинѣ XIII вѣка, и съ этого времени начинается паденіе Испаніи, ибо лошакъ не имѣетъ силы пахать достаточно глубоко.“

Второе главное средство, предлагаемое Бокленъ, чтобы сдѣлать изъ исторіи положительную науку, это статистика. По мнѣнію Бокля, психологія ни къ чему не можетъ послужить историку, потому что въ психологіи каждый человѣкъ основывается на своихъ личныхъ ощущеніяхъ и не имѣетъ никакого ручательства въ томъ, что и другіе испытываютъ то что онъ замѣчаетъ въ самомъ себѣ. Статистика же [illegible] старается свои наблюденія на цѣлыя массы людей и на [illegible]

лыя эпохи, такъ что все индивидуальное, случайное, сглаживается, и человѣческія дѣйствія получаютъ характеръ правильныхъ, періодически совершающихся явленій. Бокль приводитъ въ доказательство наблюденія статистиковъ надъ правильностью, съ которою въ каждой странѣ ежегодно совершается извѣстное количество преступленій, — надъ правильностью, съ которою даже отсылается ежегодно на почту извѣстное количество писемъ безъ точнаго означенія адреса.

На это можно возразить, что статистика вовсе не противоположна психологіи, и поэтому не можетъ замѣнить ее. Безъ психологіи нельзя сдѣлать почти ни одного историческаго заключенія, и вотъ почему. Естествоиспытатель имѣетъ дѣло непосредственно съ тѣми предметами, которые онъ хочетъ изучить. Онъ совершаетъ надъ ними опытъ и можетъ всегда повторить надъ ними и провѣрить опытъ, сдѣланный его предшественниками. Предметъ же изученія историка составляютъ историческія событія, которыя однажды случились и болѣе уже не повторятся. Но историкъ даже не можетъ имѣть дѣла прямо съ ними, потому что онъ не былъ ихъ очевидцемъ; онъ узнаетъ о нихъ только то что̀ ему сообщено очевидцами или позднѣйшими историками, которые писали о нихъ. Онъ видитъ, такъ-сказать, не событія, а только отраженія ихъ. Поэтому онъ прежде всего долженъ подвергнуть изученію орудіе, чрезъ которое онъ смотритъ на историческія событія. На этомъ основана историческая критика, безъ которой невозможно никакое изученіе прошедшаго. Правда, нѣкоторые источники даютъ возможность непосредственнаго изученія прошедшаго: сюда напримѣръ относятся извѣстія о тѣхъ историческихъ фактахъ, которые можно выразить въ числовыхъ величинахъ, и о статистическихъ таблицахъ, кромѣ того, свѣдѣнія о цѣнности предметовъ, о государственныхъ расходахъ и доходахъ, архитектурные и другіе художественные памятники, наконецъ, такъ-называемыя древности, оружія, украшенія, монеты, черепа и проч. Но главными источниками историка всегда останутся произведенія человѣческаго слова, и главнымъ предметомъ его изученія всегда останутся такія событія, которыя совершались внутри человѣка, и которыя поэтому доступны только психологическому анализу.

Конечно, статистическія данныя, тамъ гдѣ они есть, со-

ставляютъ драгоцѣнный источникъ для историка, но историкъ, который захотѣлъ бы ограничиться ими, былъ бы похожъ, напримѣръ, на химика, который вздумалъ бы при своихъ опытахъ употреблять въ дѣло только одно изъ своихъ пяти чувствъ, напримѣръ обоняніе, и устранилъ бы отъ дѣла всѣ остальныя. Что касается до помощи, которую статистика можетъ оказать историку, нужно замѣтить, что выводы изъ статистическихъ данныхъ слѣдуетъ дѣлать съ величайшею осторожностью и осмотрительностью, и что историка, предубѣжденнаго въ чемъ-нибудь, даже статистическія таблицы могутъ ввести въ самое странное заблужденіе. Такъ, напримѣръ, многіе, и между ними Бокль, приводятъ тотъ фактъ, что количество браковъ, заключенныхъ въ извѣстной странѣ, пропорціонально дороговизнѣ и удешевленію хлѣба, въ подтвержденіе того что человѣкъ автоматъ и во всемъ повинуется только побужденіямъ естественныхъ законовъ. Но всякій безпристрастный человѣкъ долженъ вывести изъ этого факта самое противоположное заключеніе. Не доказываетъ ли онъ, что человѣкъ даже въ тѣ минуты, когда онъ всего болѣе дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, способенъ внимать голосу разсудка, думать о будущемъ и сообразоваться съ обстоятельствами? Можно утверждать положительно, что чѣмъ цивилизованнѣе народъ, чѣмъ глубже проникла цивилизація въ массы, и чѣмъ выше индивидуальное развитіе отдѣльныхъ людей, тѣмъ дѣйствительнѣе этотъ законъ пропорціональности. Мы приведемъ еще другой примѣръ злоупотребленія статистическими таблицами изъ сочиненія одного талантливаго, но увлекающагося и одержимаго духомъ партіи писателя. Это испанскій публицистъ Гарридо, бывшій живописецъ и приверженецъ крайней радикальной партіи въ Испаніи. Въ его сочиненіи, *Современная Испанія*, мы читаемъ слѣдующее: „Народонаселеніе Испаніи уменьшалось въ той мѣрѣ, въ какой увеличивалось число духовенства, и возрастало въ той степени, въ какой убавлялось число духовныхъ лицъ. Это очевидное доказательство того, что благосостояніе общества не совмѣстно съ преобладаніемъ церкви. Мы прилагаемъ здѣсь очень замѣчательную таблицу, которая въ нѣсколькихъ строкахъ объясняетъ главныя причины паденія Испаніи и ея возрожденія въ новѣйшее время и дѣлаетъ это съ большею очевидностью чѣмъ всѣ исторіи

скія сочиненія, которыя когда-либо были обнародованы.“ Таблица заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

Въ 1690 году количество монастырей въ Испаніи простиралось до 9.000, число духовныхъ лицъ всѣхъ орденовъ до 168.000, а народонаселеніе до 7.500.000. Затѣмъ въ дальнѣйшее время эта пропорція измѣнялась слѣдующимъ образомъ:

1768	9.000	149.809	9.300.000
1797	9.000	134.500	10.500.000
1820	2.280	118.000	11.660.000
1835	1.940	90.000	13.500.000
1859	41	38.563	16.000.000

Не говоря уже о степени точности или неточности этой таблицы,—о ней нельзя судить, потому что Гарридо не приводитъ своихъ источниковъ,—трудно найдти примѣръ такого поспѣшнаго вывода, съ такимъ количествомъ недомолвокъ и обмолвокъ. Первая часть заключенія, что населеніе уменьшалось по мѣрѣ того какъ возрастало количество духовенства, совершенно голословна, потому что населеніе Испаніи не уменьшалось, по крайней мѣрѣ въ теченіе того періода, о которомъ говоритъ Гарридо, а позднѣе возрастать оно могло совершенно независимо отъ уменьшенія числа духовныхъ, такъ какъ оно увеличивалось и увеличивается во всѣхъ странахъ Европы. Если заключеніе, сдѣланное Гарридо, вѣрно, то достаточно было бы довести въ Испаніи количество духовенства до нуля, для того чтобы число народонаселенія достигло крайняго своего предѣла и уже болѣе не увеличивалось, потому что изъ словъ Гарридо выходитъ, что народонаселеніе Испаніи можетъ увеличиваться только тогда, когда число духовенства уменьшается. Что религіозный фанатизмъ въ Испаніи, чрезмѣрное обогащеніе церкви и не соотвѣтствующее количество монаховъ имѣли вредное вліяніе на развитіе испанскаго народа, это безспорно, но это вліяніе нельзя выразить числовою величиной; а главное, таблица Гарридо вовсе не доказываетъ того соотношенія между числомъ духовенства и народонаселенія, которое ему хотѣлось установить. Притомъ еще неизслѣдованный вопросъ — сколько членовъ общества можетъ терять извѣстная страна безъ особеннаго ущерба для возрастанія народонасе-

ленія. Франція во время войнъ революціи и имперіи теряла ежегодно въ сраженіяхъ и больницахъ несравненно большее число людей чѣмъ Испанія въ своихъ монастыряхъ, а все-таки ея народонаселеніе за этотъ періодъ увеличилось.*

Но гораздо болѣе вреда чѣмъ эти неправильныя сопоставленія и поспѣшные выводы причиняетъ общее впечатлѣніе, которое долженъ вывести малознакомый съ дѣломъ читатель изъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ придается преувеличенное значеніе статистическимъ таблицамъ. Когда его убѣждаютъ, что всѣ дѣйствія людей совершаются съ ужасающею правильностью и неизмѣнностью отъ количества убійствъ до количества неадресованныхъ писемъ, ему должно показаться, что въ исторіи господствуетъ фатализмъ, что человѣческимъ обществомъ управляютъ какія-то темныя, неизбѣжныя власти, именуемыя статистическими законами. Но что такое статистическій законъ? Это одна изъ тѣхъ метафоръ, одно изъ тѣхъ выраженій переноснаго смысла, безъ которыхъ не могутъ обойдтись ни языкъ, ни мысль человѣка, но которыя бывали причиной многихъ недоразумѣній. Человѣческая мысль, видная, напримѣръ, въ явленія органической жизни, придумала для обозначенія необъяснимыхъ для нея явленій такія понятія какъ питательная душа, θρεπτικὴ ψυχή, Аристотеля, или пластическая сила, или жизненный принципъ. Но обозначаютъ ли эти слова что-нибудь дѣйствительно существующее или только причину извѣстныхъ явленій, которыя человѣкъ былъ не въ состояніи объяснить? Это свойство человѣка восходить къ понятію и олицетворять понятіе имѣло часто практически вредныя послѣдствія. Оно, напримѣръ, создало въ медицинѣ чудовищный образъ Архея, который будто бы сидитъ въ желудкѣ человѣка и занимается тѣмъ что доставляетъ въ различныя части человѣческаго тѣла, по назначенію, тѣ вещества, которыя имъ нужны. Для многихъ читателей сочиненія Бокля статистическіе законы сдѣлались своего рода Археемъ. Они изъ него выводятъ, что человѣкъ—механическій результатъ извѣстныхъ дѣйствующихъ въ немъ естественныхъ законовъ, что общество обязано статистическими законами поставлять въ годъ извѣстное коли-

* По вычисленію Либиха, впрочемъ, слишкомъ преувеличенному, Франція потеряла въ это время до 3 милліоновъ людей.

чество убійцъ, извѣстное количество неадресованныхъ писемъ. Но статистическій законъ ничего не въ состояніи произвести, онъ не сила, а только иллюстрація, діагноза извѣстнаго состоянія общества. Еслибы, напримѣръ, сотня людей никогда не стрѣлявшихъ изъ ружья вздумали стрѣлять въ цѣль, то въ результатѣ оказалось бы извѣстное количество удачныхъ и неудачныхъ выстрѣловъ. Еслибы потомъ нѣсколько другихъ сотенъ повторили этотъ опытъ при тѣхъ же условіяхъ, то результатъ ихъ среднимъ числомъ немного отличался бы отъ перваго. Этотъ результатъ обозначалъ бы среднюю способность людей неискусныхъ попадать въ цѣль и вовсе не значилъ бы, что столькимъ-то людямъ вообще суждено по естественному закону попасть въ цѣль, а столькимъ-то промахнуться. Точно также таблица преступленій въ извѣстной странѣ показываетъ, что уровень цивилизаціи, матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго воспитанія въ данный моментъ таковъ, что изъ общей массы безразличныхъ дѣйствій выдѣляется такое-то количество дурныхъ поступковъ, и что въ извѣстномъ обществѣ столько-то людей получили уродливое направленіе. Статистикъ дѣлаетъ только діагнозу, а доискаться причинъ и вмѣстѣ съ причинами измѣнить и послѣдствія это дѣло самого общества.

Бокль во многомъ отступилъ отъ теоріи своего учителя Конта, и нельзя сказать чтобъ эти отступленія послужили ему въ пользу. Контъ искалъ научнаго метода, который былъ бы приложимъ къ изученію исторіи, но онъ признавалъ іерархію наукъ и уже этимъ высказалъ, что пріемы, которые употребляются при изслѣдованіи болѣе простыхъ процессовъ, недостаточны при изслѣдованіи самаго сложнаго процесса — исторіи человѣчества. Бокль же полагаетъ, что если исторію записать въ разрядъ естественныхъ наукъ и устранить изъ нея все что не объясняется этими науками, то этимъ дѣло и подвинется впередъ. Но химическая лабораторія и статистическіе альманахи не даютъ еще ключа къ уразумѣнію исторіи. Для поясненія этого мы коснемся отношенія естественныхъ наукъ къ филологіи, одной изъ вспомогательныхъ наукъ исторіи. Кокетничанье съ естественными науками одна изъ модъ нашего времени. Эта мода проникла даже въ скромныя обители филологовъ. Одинъ изъ замѣчательныхъ филологовъ или точнѣе

лингвистовъ Германіи, Августъ Шлейхеръ, въ значительной степени подчинился этой модѣ.* Лавры Дарвина не давали ему покоя, и онъ объявилъ, что наука о языкѣ принадлежитъ къ числу естественныхъ наукъ. Я не хочу набрасывать никакой тѣни на этого уважаемаго ученаго, а хочу только сказать, что такого рода голословныя утвержденія ни къ чему не ведутъ. Совершенно достовѣрно, что лингвистическія измѣненія сопровождались или вызывались физіологическими измѣненіями въ органахъ языка; что когда напримѣръ древніе Германцы замѣнили мягкія согласныя индо-европейскихъ корней твердыми, а твердыя мягкими, то это обусловливалось физіологическимъ процессомъ въ органахъ слуха и языка. Еслибы какой-нибудь физіологъ могъ показать въ чемъ состоялъ этотъ процессъ, совершившійся тогда, и чѣмъ онъ былъ вызванъ, то это было бы въ высшей степени интересно. Но развѣ вслѣдствіе этого лингвистика вдругъ сдѣлалась бы одною изъ естественныхъ наукъ? Филологъ имѣетъ дѣло вовсе не съ этимъ процессомъ, который не имѣетъ для него никакого значенія, а съ результатомъ этого процесса. И развѣ наука о языкѣ исчерпывается тѣми данными, которыя сопровождались физіологическими процессами? Не звуки языка, не матеріялъ, которымъ творили разумъ и мысль человѣка, а результаты ихъ дѣятельности, выражающіеся въ этимологическихъ и синтаксическихъ формахъ и въ духѣ языка, вотъ главный предметъ изученія филолога. Очень вѣроятно, что образованію какого-нибудь подрѣчія, изъ котораго потомъ развился особенный языкъ какъ выраженіе самостоятельной народности, иногда содѣйствовали физіологическія измѣненія въ органахъ языка. Но эти измѣненія неуловимы для потомковъ, и притомъ они были бы безсильны и даже невозможны безъ стеченія другихъ болѣе могущественныхъ обстоятельствъ. Не физіологическія измѣненія въ гортани порождали языки, и не языки порождали новыя народности, а народъ создавался и развивался вмѣстѣ съ своимъ языкомъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Когда Рафаэль писалъ свои безсмертныя картины, въ его мозгу вѣроятно совершался опредѣленный физіологическій процессъ; но не этотъ процессъ

* См. Schleicher. Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. 1863. И его же Ueber die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen. 1865.

останавливаетъ на себѣ вниманіе потомства, а тѣ творенія, въ которыхъ выразилась высоко-художественная натура Рафаэля и духъ его времени.

Въ жизни народовъ играютъ главную роль не климатъ, не пища и физическія условія, а такія силы, о которыхъ не можетъ дать отчета никакой естествоиспытатель. Какое, напримѣръ, громадное вліяніе имѣютъ на судьбу народовъ и на ходъ цивилизаціи *идеи!* * Историческія идеи могутъ быть чрезвычайно разнообразны по своему содержанію. Онѣ могутъ принадлежать къ области религіи и политики, онѣ могутъ имѣть нравственное или эстетическое содержаніе, онѣ могутъ способствовать развитію цивилизаціи и задерживать ее. Мы не станемъ заниматься здѣсь классификаціей и опредѣленіемъ историческихъ идей, а только обратимъ вниманіе на ихъ важность для историка. Какое, напримѣръ, имѣла огромное вліяніе въ западной Европѣ въ теченіи среднихъ вѣковъ идея всемірной христіанской имперіи? Эта имперія никогда не существовала, она всегда оставалась идеей, но тѣмъ сильнѣе воспаляла она воображеніе своихъ приверженцевъ, чѣмъ менѣе была достижима. Всѣмъ извѣстно какое она имѣла вліяніе на ходъ исторіи германскаго народа. Немногіе ясно сознавали ее, другіе повиновались ей какъ-то смутно и безсознательно, въ массѣ нѣмецкаго народа она никогда не пользовалась особенною популярностью, и тѣмъ не менѣе тысячи сражались и умирали за нее. Историку легко указать возникновеніе этой идеи. Величественное, неизгладимое впечатлѣніе, которое производила Римская имперія на варваровъ, вторгавшихся въ ея предѣлы, породило ее, и она созрѣла подъ кровомъ католической церкви. Эта идея опиралась хотя сколько-нибудь на прошедшее, на историческія данныя, но гдѣ, напримѣръ, искать начало другой идеи, которая волновала болѣе близкое къ намъ время,—идеи о равенствѣ людей между собою? Выдумка ли эта философовъ, или она вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы? Намъ нѣтъ дѣла здѣсь до ложныхъ толкованій, которымъ она подвергалась, и до злоупотребленій, которыя она порождала; мы указываемъ только на силу ея вліянія въ исторіи міра съ половины прошлаго столѣтія до послѣдней кровопролитной войны окончившейся политическою эмансипаціей негровъ.

* См. объ этомъ превосходную статью Лацаруса: Ueber die Ideen in der Geschichte въ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft von Lazarus und Steinthal.

Существенное различіе между явленіями физической природы и дѣйствіями человѣка заключается въ томъ, что послѣднія сопровождаются сознательностью, и что въ основаніи ихъ лежитъ понятіе цѣли. Уже это одно не позволяетъ примѣнять къ нимъ методъ, который употребляется въ изслѣдованіи физическихъ явленій. Мы можемъ оставить здѣсь совершенно въ сторонѣ вопросъ о свободной волѣ, тѣмъ болѣе что въ этомъ случаѣ не столько важно извѣстное разрѣшеніе этого вопроса отдѣльными лицами или эпохами, сколько возвышенное пониманіе его и практическія слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ этого пониманія. Приверженцы самаго крайняго детерминизма согласятся, что образъ дѣйствія отдѣльныхъ людей будетъ очень различенъ, смотря потому будутъ ли они считать себя результатомъ извѣстныхъ физическихъ силъ и механическими исполнителями естественныхъ законовъ, или будутъ признавать за собою силу управлять своими дѣйствіями. Мы не знаемъ увеличится ли количество неадресованныхъ писемъ, если пишущіе письма будутъ твердо убѣждены въ томъ, что ихъ отечество обязано въ такомъ-то году отправить на почту столько-то писемъ безъ означенія адреса, но всякій можетъ убѣдиться на самомъ себѣ, что въ нравственныхъ вопросахъ очень много зависитъ отъ того, какого взгляда онъ придерживается.

Историкъ имѣетъ дѣло не съ атомами, а съ индивидуальными единицами, которыя руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстными цѣлями. Историкъ не можетъ быть равнодушенъ къ этимъ цѣлямъ и не можетъ поэтому разсматривать историческія событія какъ процессы безсознательной природы. Прогрессъ въ природѣ можетъ быть въ извѣстной степени удовлетворительно объясняемъ совершенно механическою теоріей какъ у Дарвина, но этотъ способъ никак не приложимъ къ человѣческой исторіи. Никакіе варвары ни Аттила называвшій себя бичемъ Божіимъ, ни фанатическія мусульманскія орды, считавшія священнымъ долгом истреблять всѣхъ не признававшихъ пророчество Магомет не сдѣлали столько зла человѣчеству, сколько могла бы п вредить цивилизаціи ложная теорія — что люди и народы в своихъ дѣйствіяхъ подчинены только естественным зак намъ. Мы можемъ съ величайшимъ интересомъ изуч

природѣ то что̀ Дарвинъ называетъ борьбой за существованіе, но мы не можемъ примѣнить этотъ взглядъ къ исторіи: онъ оправдалъ бы всякое насиліе, подрылъ бы всѣ основанія общественной жизни и давалъ бы всякому народу, считающему себя избраннымъ орудіемъ цивилизаціи, право руководствоваться въ своей внѣшней и внутренней политикѣ внушеніями самаго грубаго эгоизма. Исторія же цивилизаціи, напротивъ, учитъ, что жизнь въ обществѣ не есть *борьба каждаго противъ всѣхъ*, и что въ дѣйствіяхъ человѣческихъ обществъ все болѣе и болѣе замѣчается сознательность и подчиненіе нравственнымъ нормамъ.

Мы не долго будемъ останавливаться на второй, большей половинѣ Боклева сочиненія. Оно интересно тѣмъ, что Бокль, обѣщавшій сдѣлать изъ исторіи объективную науку, подалъ въ ней примѣръ крайней субъективности. Бокль предлагаетъ въ ней обзоръ исторіи Франціи, Англіи, Шотландіи и Испаніи со времени реформаціи, для того чтобы съ его помощію доказать нѣсколько любимыхъ положеній.

Эти положенія слѣдующія: 1) Прогрессъ цивилизаціи зависитъ отъ того въ какой мѣрѣ изслѣдуются законы, управляющіе явленіями, и распространяются свѣдѣнія объ этихъ законахъ. 2) Всякому успѣшному изслѣдованію этихъ законовъ должна предшествовать эпоха скептицизма. 3) Отъ этихъ открытій постоянно растетъ запасъ научныхъ и умственныхъ истинъ, тогда какъ нравственныя способности людей мало развиваются и остаются почти въ одномъ и томъ же положеніи. 4) Главнымъ препятствіемъ къ цивилизаціи служитъ духъ опеки, въ которомъ часто дѣйствуютъ правительство и церковь.

Что касается до этихъ четырехъ положеній, то они въ извѣстномъ смыслѣ совершенно справедливы, особенно если они высказаны въ общихъ выраженіяхъ: но они чрезвычайно легко могутъ принять характеръ парадоксовъ, и нужно сказать, что у Бокля они именно являются съ этимъ характеромъ. Такъ, напримѣръ, скептицизмъ чрезвычайно важный моментъ въ изслѣдованіи истины, если подъ этимъ разумѣть неутомимую пытливость человѣка, которая никогда не успокоивается на добытыхъ результатахъ, но постоянно провѣряетъ ихъ, смотритъ на нихъ съ новыхъ точекъ зрѣнія, и обогащенная опытностью снова возвращается къ нимъ. Но едва ли возможно въ жизни народовъ различать особенную эпоху

скептицизма. Правда, XVII и XVIII вѣкъ въ сравненіи съ средними вѣками могутъ показаться преимущественно скептическою эпохой, но причина этого въ томъ, что только въ это время и началась болѣе серіозная научная дѣятельность.

Что касается до четвертаго положенія, то въ нашъ вѣкъ всѣми признано, что система излишняго вмѣшательства правительствъ можетъ парализировать дѣятельность народную или придать ей ложное направленіе, но у Бокля эта мысль развита до парадокса, что правительство должно ограничиваться охраненіемъ порядка и не позволять себѣ никакого вмѣшательства въ народные интересы. Мы имѣли уже случай говорить о томъ какіе странные взгляды на государство господствовали въ прежнее время: софисты называли его необходимымъ зломъ; идиллики проливали надъ нимъ слезы и считали его лишнимъ бременемъ для человѣчества; философы старались ограничить область его дѣятельности и предоставить ему только полицейскую власть. Въ противоположность всѣмъ этимъ взглядамъ здравая наука учитъ, что степень вліянія, которое нужно предоставить государству, не можетъ быть опредѣлена аксіомой, а зависитъ отъ историческихъ условій и потребностей даннаго момента. Опредѣлять значеніе государства на основаніи поверхностнаго обзора исторіи Франціи въ XVII и XVIII вѣкахъ простительно только адвокатамъ манчестерской партіи, но не историку. Относительно перваго и третьяго положеній, которыя можно разсмотрѣть вмѣстѣ, должно замѣтить слѣдующее: Вопросъ о томъ, что̀ болѣе способствуетъ прогрессу цивилизаціи, умственное ли развитіе людей, или нравственное, столько же празденъ, сколько споръ о томъ, что̀ болѣе способствуетъ движенію локомотива, вода, которая обращается въ паръ, или каменный уголь, съ помощію котораго она обращается въ паръ. Часто повторяемая фраза, что люди вообще въ нравственномъ отношеніи не лучше своихъ предковъ, ничего не выражаетъ: вѣдь точно также можно сказать, что люди нашего вѣка отъ природы не умнѣе современниковъ Аристотеля; однако современное общество далеко опередило древній міръ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Нравственная природа человѣка осталась, можетъ-быть, та же, но нравственныя понятія его измѣнились; уровень нравственности, требуемый обществомъ, возвысился. Когда Бокль говоритъ объ умственномъ прогрессѣ, онъ имѣетъ почти

исключительно въ виду накопленіе свѣдѣній относящихся къ физическимъ явленіямъ природы и подведеніе этихъ явленій подъ естественные законы. Но этотъ трудъ далеко не исчерпываетъ умственной работы человѣчества; сюда не входятъ всѣ тѣ улучшенія въ юридическомъ, общественномъ и государственномъ быту, всѣ труды въ области философіи, искусства и литературы, которые преимущественно обусловливаютъ собою характеръ и степень цивилизаціи.

Постоянныя увѣренія Бокля, что прогрессъ обусловливается тѣмъ въ какой мѣрѣ люди вникаютъ въ причины явленій, объясняютъ ихъ естественными законами и устраняютъ понятіе о сверхъестественномъ, могутъ навести на мысль, что онъ считаетъ цивилизацію враждебною вообще всякой религіи. Надобно имѣть очень грубое и неясное понятіе о религіи чтобы придти къ подобному заключенію. Цивилизація, конечно, имѣетъ вліяніе на религіозныя представленія людей. Религіозныя представленія высоко цивилизованнаго народа будутъ рѣзко отличаться отъ представленій дикарей, а въ средѣ одного и того же народа ясность и возвышенность религіозныхъ воззрѣній, конечно, будутъ зависѣть отъ степени умственнаго и нравственнаго развитія. Тотъ, кто считаетъ цивилизацію враждебною религіи, долженъ прежде всего составить себѣ вѣрное понятіе о религіи, и тогда ему легко будетъ найдти ея отношенія къ цивилизаціи.

Мы имѣемъ основаніе полагать, что самъ Бокль вовсе не ставилъ развитіе цивилизаціи въ обратномъ отношеніи къ религіозности, но что онъ какъ протестантъ допускалъ только индивидуализмъ въ религіи и относился враждебно къ церкви и вообще къ замкнутымъ религіознымъ догматамъ. Кромѣ того онъ въ этомъ случаѣ увлекался единственною философскою системой, которая ему была понятна, то-есть позитивизмомъ. Система Огюста Конта различаетъ три эпохи въ жизни человѣчества, опредѣляемыя преобладаніемъ богословія, метафизики и науки. Уже Джонъ Стюартъ Миль, знаменитый приверженецъ позитивизма въ Англіи, находитъ это обозначеніе неудачнымъ и совѣтуетъ замѣнить его слѣдующимъ: періодъ олицетворенія (Personal or Volitional mode of thought), * періодъ отвлеченія (Abstractional or Ontological) и періодъ опыта (Phaenomenal or Experiential). Такимъ образомъ то чему Контъ придавалъ обширное, общее значеніе, получаетъ болѣе частный, спеціальный смыслъ. Контъ говоритъ о богословскомъ, философскомъ и научномъ міросозерцаніи, которыя смѣняютъ другъ друга, а у Милля идетъ рѣчь только о различныхъ методахъ, употребляемыхъ въ наукѣ. Какъ скоро первоначальная мысль Конта получила это видоизмѣненіе, съ нею нельзя не согласиться. Ибо другими словами это значитъ, что развитіе науки не обусловливаетъ собою невозможность религіи и философіи, но что мысль человѣка вообще переживаетъ извѣстные возрасты перехода отъ менѣе зрѣлаго къ болѣе зрѣлому, и что различныя проявленія духовной дѣятельности, религія, философія, наука, искусство, слитыя въ началѣ въ одно нераздѣльное цѣлое, мало-по-малу пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе и точнѣе опредѣляютъ свои границы. Вѣдь уже Вико различалъ три эпохи въ исторіи цивилизаціи, которыя онъ называлъ божественною, героическою или поэтическою и человѣческою или разумною, но онъ этимъ вовсе не хотѣлъ сказать, что человѣкъ, достигшій полнаго сознанія своей человѣчности, становится чуждъ поэзіи и религіи, ибо поэзія и религія суть проявленія человѣчности.

Мы коснулись только слегка четырехъ основныхъ положеній Бокля, потому что насъ здѣсь не столько интересуютъ самыя положенія, сколько историческій методъ Бокля. Вся его исторія Франціи, Англіи, Шотландіи и Испаніи, не что иное какъ иллюстрація этихъ четырехъ положеній, то-есть онъ приводитъ только тѣ факты, которые подтверждаютъ его положенія, и оставляетъ совершенно въ сторонѣ все то что могло бы ослабить или видоизмѣнить впечатлѣніе, которое онъ хочетъ произвести на читателя. Поэтому мы должны признать за сочиненіемъ Бокля характеръ тенденціознаго произведенія. Такого рода произведенія, конечно, имѣютъ свой смыслъ и свое особенное значеніе. Существуетъ же напримѣръ въ изящной литературѣ особенная отрасль тенденціозныхъ романовъ, написанныхъ съ цѣлью провести въ общество извѣстнаго рода политическія или соціальныя убѣжденія. Исторія человѣчества слишкомъ заманчивое и удобное средство чтобы не воспользоваться ею съ этою же цѣлью, и сочиненіе Бокля, конечно, будетъ не послѣднимъ историческимъ сочиненіемъ, написаннымъ въ духѣ партіи. Такія сочиненія могутъ бы

* *Westminster Review*. April 1865 p. 344.

очень полезны, могутъ возбудить много вопросовъ и, при своей односторонности, бросить новый свѣтъ на прошедшее. Но при этомъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида ихъ характеръ и считать за результатъ науки субъективныя мнѣнія отдѣльныхъ личностей или партій. Сочиненіе Бокля принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ нашего времени, и жаль, что судьба оторвала его слишкомъ рано отъ труда, которому онъ посвятилъ цѣлую жизнь свою; но о немъ, какъ и о многихъ другихъ, можно сказать, что его стремленіе къ истинѣ почтеннѣе чѣмъ тѣ результаты, къ которымъ оно привело его, и что въ духовномъ мірѣ объективная истина достигается не столько усиліями отдѣльныхъ людей, сколько медленною работой поколѣній.

Мы обозрѣли такимъ образомъ въ краткомъ очеркѣ судьбу исторической науки и могли убѣдиться, что во всѣ времена бывали люди, которые старались отдернуть завѣсу отъ прошедшаго, и задумывались надъ вопросомъ о назначеніи человѣчества и о томъ куда ведетъ его исторія. Въ свои мечтанія о прошедшемъ и о будущемъ люди всегда вносили свои современныя нужды и потребности. То неудовлетворенные дѣйствительностію они искали утѣшенія въ прошедшемъ, идеализировали его, или старались выставлять его примѣромъ для настоящаго; то увлеченные какою-нибудь идеей они на все прошедшее смотрѣли исключительно съ точки зрѣнія этой идеи. Только медленно и постепенно вырабатывалось сознаніе, что прошедшее имѣетъ свои права, что исторія не есть, какъ опредѣляли ее нѣкоторые, взглядъ настоящаго на прошедшее, но что исторія должна быть наукой, и цѣлью историка должно быть изысканіе объективной истины. Исторія однако еще не сдѣлается положительною наукой вслѣдствіе того что мы станемъ примѣнять къ ней методы и пріемы другихъ наукъ болѣе точныхъ. Какъ въ искусствѣ красота одна, но законы ея проявленія различны, смотря по матеріялу, въ которомъ творитъ художникъ, и художественные законы, господствующіе въ живописи, непримѣнимы къ ваянію и архитектурѣ, такъ и въ наукѣ истина одна, и умъ человѣческій одинъ и тотъ же, но пріемы его должны быть различны, смотря по области, которую онъ изслѣдуетъ. Такимъ образомъ, методы, господствующіе въ неорганическомъ мірѣ, недостаточны для объясненія органическихъ явленій, а заключенія выведенныя изъ послѣднихъ неприло-

жимы къ той области органическаго міра, въ которой г подствуютъ разумъ, самосознаніе и поэтому свобода, то-с къ человѣку и его исторіи.

Исторія отличается отъ другихъ наукъ главнымъ об вомъ тѣмъ, что не имѣетъ дѣла непосредственно съ свои матеріяломъ, то-есть съ историческими событіями, но вид только отраженія, которыя они произвели на очевидцев ближайшихъ къ нимъ свидѣтелей. Потому первая ея задач сдѣлать по этимъ отраженіямъ и сохранившимся свидѣт ствамъ вѣрное заключеніе о самомъ событіи. Это возмо вопервыхъ, на томъ основаніи что, несмотря на разноо зіе индивидуальностей и условій, сущность человѣчес природы всегда и вездѣ одна и та же, и человѣкъ в да будетъ понятенъ человѣку; вовторыхъ, потому что и рическія событія находятся между собою въ непреры связи, и что и въ духовномъ мірѣ господствуютъ ненаруши законность и общее единство.*

Этимъ, однако, дѣло историка не окончено. Провѣрк критика историческаго матеріяла составляютъ только вую часть его труда, такъ-сказать аналитическую; оста еще синтетическая. Нужно собрать разбросанный матері слить разнообразныя впечатлѣнія и создать изъ нихъ ц Съ этой своей стороны исторія никогда не можетъ сдѣ ся точною наукой, она всегда будетъ допускать субъекти творчество и будетъ приближаться къ искусству. З остается только одно: довести субъективность до полн всецѣлаго развитія. Образъ прошедшаго, такъ-сказать раза преломляется, вопервыхъ, въ свидѣтельствахъ, въ рыхъ сохранилась память о немъ, и вовторыхъ, въ лич историка, который по этимъ свидѣтельствамъ возсоз прошедшее. Необходимо, чтобъ обѣ преломляющія с были очищены отъ посторонней примѣси, отъ всего чт слоняетъ истину и помрачаетъ образъ прошедшаго.

Историкъ поэтому не можетъ ограничиться работой историческимъ матеріяломъ; онъ долженъ къ этому п единить работу надъ самимъ собою, тщательное воспи самого себя. Исторія въ этомъ отношеніи предъявляет вершенно другія требованія чѣмъ остальныя науки. О ченныя истины математики не могутъ пострадать, ес

* Sybel. Ueber die Gesetze des historischen Wissens. Bonn. 18

изслѣдованіе ихъ берется грубая и мало развитая натура. Но только многосторонняя и чуткая ко всѣмъ благороднымъ потребностямъ человѣчества натура способна понять исторію съ ея разнообразными цѣлями, и только глубоко нравственная и художественно развитая личность достойна истолковывать и объяснять величественные образы прошедшаго. То что здѣсь сказано объ историкахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, относится въ извѣстной мѣрѣ ко всѣмъ занимающимся исторіей. Не въ популярныхъ изложеніяхъ естественныхъ наукъ должны они искать ключа къ разумѣнію исторіи; для успѣховъ исторической науки необходимы два условія — знакомство съ историческимъ матеріяломъ и собственное развитіе. Первое возможно только при надлежащей подготовкѣ, при добросовѣстномъ трудѣ и тщательномъ изученіи источниковъ, главнымъ же средствомъ для достиженія втораго должно служить изученіе философіи и искусства.

D 13 .G356 1885 C.2
Ocherki razvitila istoricheske
Stanford University Libraries
3 6105 039 140 285

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-600
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

APR 1 5 2002
MAY 1 5 2002